

Микаил Рзакулизаде

ОГНИ
ЗАЖГЛИСЬ

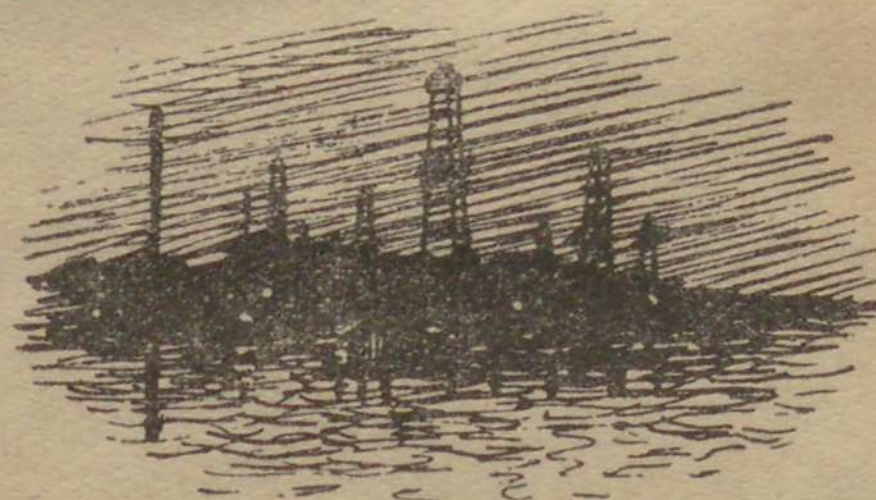
Баку — Детюниздат — 1957

Ср. с (Азерб)
Р48

Микаил Ракулизаде

ОГНИ ЗАЖГЛИСЬ

РАССКАЗЫ

Азербайджанская
Государственная
Республиканская
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Инв. № 39762

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БАКУ—1957

Перевод Ю. Гранина
Художник Г. А. Агаев

ГРОЗА ВОЛКОВ

ДАРЫ АПШЕРОНА

Было начало сентября — пора, когда спеет гордость Апшерона — белый и черный шаны¹, желтый инжир, наступает охотничий сезон.

Вечерком мы добрались до деревушки П. и остановились в доме знакомого колхозника. Покос зерновых уже закончился. Колхоз намного перевыполнил план, — из-за дождливой весны урожай превзошел ожидания. Огороды и виноградники тоже принесли большой урожай. Это изобилие радовало колхозников, в том числе и Байрам-ами, у которого мы остановились.

После взаимных приветствий накрыли на стол. Подали белый шаны, янтарный, прозрачный, с тонкими прожилками, крупный черный шаны, блестящий, как круглые бусы на шее девушек и невест, и нежный, желто-зеленый инжир, с просочившимся сквозь кожу медовым соком.

¹ Местные сорта винограда.

На большой круглой тарелке лежали фисташки, зеленые с одной стороны, красные и желтые — с другой. Они лежали гроздьями, точно виноград.

Байрам-ами с нескрываемой гордостью сказал, показывая на фрукты:

— Кушайте, дорогие друзья! Вы были во многих местах, — скажите, видели ли вы где-нибудь фрукты такого вкуса и красоты? Многие не любят наш пыльный Апшерон, эти песчаные сады. Простите, я сделаю небольшое отступление. Говорят, что у Аристотеля был очень некрасивый рот. Однажды кто-то сказал ему об этом: «Какой у тебя некрасивый рот!». А он ответил: «Что смотришь на рот, ты послушай лучше, какие из него умные слова выходят!». Вот, друзья, таков и наш Апшерон: хоть и много здесь пыли, копоти, но и прекрасных фруктов немало!

Я посмотрел на своего товарища, который, недолюбливая бакинские дачи, каждый год ездил в Кисловодск и теперь только что вернулся оттуда.

— Это вы ему скажите, Байрам-ами, — заметил я, — мне давно уже приглянулись эти места.

— Ну, что же, я уехал в знойное пыльное время и вернулся в хорошее, — ответил мой товарищ.

Эти слова, казалось, задела Байрам-ами. Он сразу стал серьезным.

— Нет, друг, мы должны добиться того, чтобы в этих местах не было пыльной поры. Вот увидите, ручаясь головой, настанет время, когда эти места станут лучшими в нашей стране. До сих пор Баку славился в мире лишь своей нефтью, а в будущем прославится своими чудесными садами и фруктами.

Байрам-ами не был похож на тех стариков, которые живут только прошлым и восхваляют прошлое. Это был знающий, зоркий, легко воспринимающий все новое, человек.

Заметив с каким интересом мы, позабыв о еде, слушали его, он воодушевился еще более и продолжал говорить:

— Друзья мои, кушайте на здоровье, но, даже если разболится у вас голова, послушайте, что я скажу. Апшеронским деревням, и особенно нашей, не хватает воды и дороги. Не знаю, обратили ли вы внимание на сады в Арменикенде и в Кировском поселке, на сады, разбитые по обеим сторонам железнодорожного моста. Ну, настоящие леса! А прежде там были голые солончаки с потрескавшейся, сухой землей. Чем этого добились? Водой! А разве сюда, в нашу деревню трудно провести воду? Я не говорю уже о канале Самур-Дивичи, да вот здесь, в каких-нибудь ста-двухстах шагах от берега моря, на глубине трех-четырех метров под отвердевшим пластом, который у нас называют «сарак-даши», есть вода, чистая, как слеза, холодная, как лед, сладкая, как шербет. Пророешь до колена, а вода наберется по пояс. Вот колхозный мотор с трубой, толщиной в две руки, работает день и ночь, а воды и на палец не убавляется. В деревне же, во дворах нет даже питьевой воды, а о поливной уже и говорить нечего. Можно провести воду в деревню или нет?

Мой товарищ-охотник подумал и сказал:

— Провести можно, но, вероятно, это очень дорого обойдется.

Байрам-ами словно ожидал такой ответ.

— Конечно, моторы обойдутся дорого, но у нас есть старая пословица: сила народа — сила потока, сила ветра!

Сила народная известна, ее мир много раз видел, а недавно и фашисты увидели. Сила потока тоже известна. Вот в Мингечауре такое затеяли, что силою воды дадут людям свет...

А вот про силу ветра забыли, то есть не то, что забыли, а просто не обращают на нее внимания. До войны мы ездили в Москву на сельскохозяйственную выставку от колхозников Апшерона. Там мы видели много хорошего, но одно мне особенно понравилось. Там было установлено несколько вышек, очень похожих на наши нефтяные. На верхушке каждой из них вертелись две, три и четыре лопасти. Мы вначале подумали, что они вращаются электричеством, спросили

у инженеров. Оказывается, их вертит ветер, а они и воду качают, и электричество дают и, к тому же, годятся молотить пшеницу и производить кузнечные работы.

Ветряные двигатели — для нас, конечно, не диковинка. Еще деды наши знали их. Наверное, ваш путь лежал через Маштаги, и вы там видели такие, но куда им!..

Вот штук двадцать-тридцать тех московских ветряков поставить бы вдоль моря, чтобы они послали подпочвенную воду в деревню, чтобы в каждом дворе был свой родник — и через пять-десять лет эти места станут райскими.

Как часто и сильно на Апшероне дуют ветры: норд, моряна. Все двенадцать месяцев в году дуют без перерыва. Точно так же, как в Мингечауре оседлали дикую Курру, можно оседлать и дикий апшеронский ветер. Враг наших садов — свирепый норд, бьющий деревья и не дающий им расти, сам служил бы нам, поливал бы сады и огороды, одел бы землю лесами. И тогда наш дорогой друг не бежал бы в Кисловодск от бакинской пыли и копоти.

Заманчивые мечты старого колхозника были похожи на следкие грезы пионера, но эти мечты были очень близки к действительности и, подхваченные народной инициативой, могли бы в ближайшем будущем осуществиться.

— Хорошо, Байрам-ами, — проговорил я, — если это возможно, почему же вы сами не делаете? Ожидаете, пока правительство сделает и это?

Мой вопрос, видимо, задел старика.

— Эх, милый человек, — серьезно ответил он, — кто правительство и кто мы? Да вот я сам один из представителей правительства... Вопрос был поставлен на районном Совете, из колхозного фонда деньги выделили. Но помешал чертов сын Гитлер, началась война, все расстроилось. Скоро мы опять наладим дело. И председатель нашего колхоза вернулся с фронта, он умелый и способный парень. Вот увидите, через несколько лет все, что я говорю, сбудется.

Мой товарищ ел виноград и инжир, искоса поглядывая на фисташки, потом нерешительно взял кисточку и, как человек, не знающий что ему делать, стал вертеть ее в руке. Заметив это, Байрам-ами улыбнулся.

— Видно, — сказал он, — наш друг еще не видел фисташек в таком виде.

Он взял другую кисть и стал снимать кожуру и раскрывать скорлупки, сжимая их между большим и указательным пальцем.

Нежно-белые ядра фисташек покатались по скалтерти. Созревшие фисташки легко отделялись от скорлупы. Мы съели по несколько штук и похвалили — уж очень вкусны они были. Эта похвала пришлась Байрам-ами по душе.

— Дорогие друзья, — вновь начал он говорить со все возрастающей взволнованностью, — конечно, фисташки — не такая важная вещь, как ячмень или пшеница. Но люди, считающие ее из-за этого ненужной, похожи на петуха, которому не понравилась жемчужина. Мы от дедов своих слышали, что каждая фисташка — это капля крови. Этот нежный, вкусный и полезный плод растет на нашей соленой земле, можно сказать, сам по себе; как говорят, любит эту землю. Наш старик, мир праху его, лет пятьдесят-шестьдесят тому назад посадил здесь фисташковый сад, — сказал Байрам-ами, показывая рукой на двор. — И теперь ежегодно мы собираем до тонны фисташек. И ни воды не просят, ни удобрения, за целый год только разрыхляли немного землю у корня — вот и все. И шафран ценится на вес золота, а произрастает только здесь, на Апшероне.

Недавно мы обсуждали на колхозном собрании постановление правительства о лесонасаждении. Эх, друзья, вы только посмотрите, что будет! До самого Сумгаита будут насажены леса. По всему берегу Апшерона протянутся асфальтовые дороги и полотна электрички. Обе стороны дороги будут обсажены деревьями, все села украсятся зарослями миндаля, инжира, граната, маслины, а нефтяные промысла утонут в зеленых садах.

Вы нигде не найдете таких нежных фруктов, как у нас, такого мягкого, сверкающего, как перламутр, песка, такого чудесного морского воздуха. Поверьте мне, что скоро дачи Апшерона станут лучшими в стране. И тогда герои хлопка и нефти и их дети с еще большим удовольствием будут отдыхать здесь, купаться в море, загорать на солнце, укреплять свои мускулы. Пригласят в гости московских рабочих, донбасских шахтеров, расстелют скатерти, подадут белый и черный шаны, желтый ранний инжир, фисташковую пахлаву, миндальный шекербура¹.

ВЕРНЫЕ ПРИМЕТЫ

Мечты Байрам-ами всех нас увлекли, но мы должны были подготовиться к завтрашней охоте и, прежде всего, найти проводника.

Говорят язык до Мекки доведет. Но до охоты он не доведет, ты должен хорошо знать местность, куда идешь, либо иметь с собой знающего охотника, иначе удовольствия не получишь. Не знакомый с местностью всегда вернется с охоты с пустыми руками.

Это нужно было знать моему товарищу, особенно потому, что на охоте он увлекался и не соблюдал многих обязательных правил. Он мог пойти охотиться в любое место, указанное мальчишками или даже просто приглянувшееся ему. Из-за этого охота не раз превращалась для нас вместо удовольствия в неприятность.

На этот раз он согласился идти со мною. Я обещал ему настоящую охоту.

— Байрам-ами, — обратился я к хозяину дома, — знаешь ли ты, что я наполовину здешний, и все, что ты говорил, — мне по душе. Только скажи мне, выйдет ли что-нибудь из нашей затеи? Попадет ли птица?

Байрам-ами посмотрел на небо и сказал, колеблясь:

¹ Восточные сладости

— Что ж. Если не попадет завтра — попадет послезавтра. Пару дней погостите у нас. Погода хорошая. Если бы подул норд, было бы не плохо, сейчас самое время для птиц.

Товарищ не промолвил ни слова, но многозначительно посмотрел на меня, словно желал сказать: «Да, вот, вот она, твоя хваленая охота на Апшероне».

И в самом деле, я каким-то образом не обратил внимания на погоду при выезде из города. Ответ Байрам-ами и взгляд моего друга смутили меня.

Погода и вправду стояла неблагоприятная. Небо было чистое, последние лучи уходящего солнца таяли в прозрачном небе, горизонт был окрашен в голубые и розовые тона. Ветра почти не было, дыхание моряны, невыносимо знойное в дневные часы июля и августа, а по вечерам обычно прохладное, придавало концу лета особую мягкость и свежело с наступлением вечера.

Вы можете сказать; а что же здесь плохого? Это же чудесная погода! Но я тогда замечу вам, что на языке охотников, особенно охотников на морских птиц, погода — хорошая для всех — называется плохой, и плохая — хорошей. По этому поводу у меня с моими сослуживцами часто возникали удивительные споры.

Бывало, подует пронизывающий до мозга костей норд, заволакивающий небо черными тучами, и я, высунув голову из окна учреждения, скажу: «Ах, какая чудная погода!». А товарищи мои удивляются и возражают, каждый по-своему.

И как же это могло случиться, что я на этот раз не обратил внимания на погоду? Теперь я упрекал себя в душе за эту оплошность.

Наступило молчание.

Вдруг я услышал легкий, едва различимый свист. Он был похож на посвистыванье аробщиков, когда они поят лошадей. Это был свист птицы, называемойся гюлянишах (кроншнеп). Я прислушался: свист повторился несколько раз. Прекрасно!

В ту же минуту мой товарищ громко хлопнул себя по шее.

— Вот тебе, — сказал он, — и комар! А ты говорил, что здесь нет малярии!

Я подошел и посмотрел на результаты его «охоты». Это был не комар, а серая муха. Моя радость возросла вдвое.

— Чудесно, — сказал я, — завтра будет изумительная охота.

Товарищ мой, видимо, не понял моего перехода от смущения к радости и насмешливо спросил:

— Что, охота на мух?

— Нет, самая хорошая охота на уток и кроншнепов.

— Что случилось, откровение на тебя, что ли, снизошло?

— Да, ты отгадал, снизошло откровение, но оно пришло не от Джебраила¹, а от кроншнепа и серой мухи. Я раскрою тебе эту тайну. Не знаю, как в других местах, но какая бы тихая погода на Апшероне ни стояла, если свистнет гюляншах, или укусит серая муха, — знай наверняка, что задует норд...

Это подтвердил и Байрам-ами. Но мой товарищ все еще явно сомневался.

— Хорошо, если бы так! — сказал он.

Уверенный, что завтра будет норд, я решил начать разговор о проводнике. Правда, Байрам-ами сам был старым охотником, но я не хотел его утруждать и, к тому же, сомневался, что он в таком преклонном возрасте сможет пойти с нами. Не обижая его, надо было сделать так, чтобы он сам порекомендовал нам проводника.

— Вы когданибудь выходите на побережье, Байрам-ами? — спросил я.

— Почему же, иногда утром или вечером хожу купаться.

— А на охоту как?

— На охоту? Нет, мы в такое время на охоту не выходим. Это дело таких молодцов, как вы, жадных, до охоты, не жалеющих дроби и пороха. Мы ждем ноября, декабря, тогда самая пора, и птица жирная.

¹ Архангел Гавриил.

Да и стреляем-то мы с выбором, чтобы за один выстрел убить три-четыре штуки...

Мой товарищ, недоверчиво улыбаясь, посмотрел на меня и на Байрам-ами. Видимо, он счел это за обычное охотничье бахвальство. Но Байрам-ами не преувеличивал.

Апшеронский полуостров, и особенно северная его часть, лежит на пути больших птичьих караванов, пролетающих осенью и весной. Стаи их в конце июля и августа начинают увеличиваться, а в октябре-декабре наступают такие дни, когда птичьи стаи прибывают несколькими потоками, одна за другой, в пять-шесть рядов.

Большие стаи мелких уток-чирков движутся, как облака, с большой быстротой и, пролетая вблизи, шумят крыльями, напоминая гудение самолета. Если не спеша стрелять в эти стаи, то можно спокойно убить дуплетом пятнадцать-двадцать птиц. А нетерпеливый и неопытный охотник в горячие дни перелета израсходует весь порох за час и останется глядеть попусту.

Мой товарищ, охотившийся только на фазанов и турачей, не знал обо всем этом и вправе был удивиться. Чтобы рассеять его сомнения, я спросил у Байрам-ами:

— А в деревне есть молодые охотники? Они бьют что-нибудь?

— Почему же, охотников сколько хочешь. Теперь выпускают столько охотничьих ружей — и недорогих, и метких. Сейчас нет такого дома, где не было бы двух-трех охотничьих ружей. Это раньше мы только мечтать могли о ружьях... Да вот у моего племянника тоже есть ружье; позавчера за пару часов он подбил восемь уток и трех кроншнепов.

Ответ Байрам-ами обрадовал меня. Было ясно, что птица есть и что его племянник, видимо, неплохой охотник. Теперь надо было разыскать его и попросить быть нашим проводником.

— Байрам-ами, — спросил я, — а твой племянник сейчас здесь?

— Не знаю, должен быть здесь, он учится в городе в мореходном училище. По субботам он приезжает. Если он почует норд, обязательно будет здесь.

И Байрам-ами закричал в дом:

— Сона, пойдика посмотри, приехал ли Гроза волков, позови его сюда.

— Это хорошо, если он пойдет с вами, — добавил он, обращаясь ко мне. — Он прекрасно знает здешние места.

— Да, — сказал я, — конечно, будет неплохо найти проводника.

Или из-за привычки охотиться как попало, или из желания еще раз возразить мне, мой спутник сказал:

— На что нам проводник? Тут не лес, не камыши, а ровный берег, не заблудимся же... А если задует норд — будет птица, ну и стреляй, где стоишь...

На этот раз Байрам-ами ответил ему вместо меня:

— Нет, дорогой, это не так. Вы, наверное, не искушены в охоте на морскую птицу. Есть такие места, куда даже в самую горячую летнюю пору птица никогда не подойдет, а есть и такие, куда обязательно подойдут все пролетающие стаи.

Пока Байрам-ами говорил, открылась дверь и вошел мальчик лет пятнадцати-шестнадцати в форме курсанта мореходного училища.

И фигурой и чертами лица он походил на Байрам-ами.

Когда недавно тот назвал его племянником, я подумал, что это просто дань обычаю: у нас в деревнях принято всех ребят и молодых парней называть племянниками. Но теперь, увидев этого юношу, сразу понял, что он на самом деле — племянник Байрам-ами. «Хорош тот, кто похож на дядю по матери», — говорит пословица. И если этот парень был и на охоте похож на дядю, то лучшего нам не надо было — ведь Байрам-ами во всей деревне считался лучшим охотником. Меня беспокоила только молодость парня. Возможно, что он отлично стрелял, но нам нужна была опытность, знание хороших мест, а от такого юноши ожидать этого было трудно.

Байрам-ами шутливо приветствовал племянника:

— Что же это не видать тебя? Надо ждать, как солнышка? Может быть, с тех пор как ты в городе учишься, гордости набрался? Надел форму и сам в собственных глазах вырос?

Парень покраснел, как девушка, и ответил извиняющимся тоном:

— Нет, дядя, я только что приехал. После уроков было собрание, выехал из города поздно...

— А чем ты был занят дома, что ко мне не пришел?

— Ничем, — отвечал парень виновато, — на утро патроны заготовлял.

— Вот, вот. Я так и знал. Наверное, почуял норд?

Парень застенчиво улыбнулся. Байрам-ами указал на нас и сказал:

— Они приехали на охоту. Поведешь их на хорошее место. — Он помолчал немного и добавил: — Туда, где много ракушек.

Юноша окинул нас странным взглядом. Мне показалось, что в его взгляде промелькнуло недовольство. Наверное, он подумал про себя: «Откуда взялись эти бездельники? Наверное, сами не охотники, только напугают птиц, мне мешать станут, или посидят полчаса, побродят туда-сюда и вернутся домой. И я должен буду вернуться с ними». Он искоса посмотрел на галстук, на очки моего товарища и на его фетровую шляпу, висевшую на стене, и коротко ответил:

— Ладно.

Чтобы рассеять все свои сомнения и к тому же проверить этого юношу, я спросил:

— Как ты думаешь, друг, найдем мы что-нибудь завтра при такой погоде, или нет?

С той минуты, как юноша вошел, он стоял чуть не по команде «смирно» и отвечал так, словно перед ним был командир.

— Конечно, найдем. Утром должен быть норд, — ответил он уверенно.

— Откуда ты знаешь? — спросил Байрам-ами, — Ты что, у моря это подслушал?

Парень усмехнулся.

— Нет, — сказал он, — в училище посмотрел на барометр; и потом, когда я ехал, кроншнеп свистнул.

Байрам-ами упрекнул его:

— Что ты стоишь, словно присох? Иди, садись, ешь виноград.

— Спасибо, — сказал он, поглядывая на дверь, как человек, спешащий по делу, — разрешите я уйду, надо патроны приготовить.

— Твое ружье какого калибра?

— Шестнадцатого.

— И мое шестнадцатого. Садись, не беспокойся, у меня патронов много, дам тебе, стреляй, сколько хочешь.

— Большое спасибо, но я не стреляю чужими.

Хотя в этом ответе и чувствовалось не совсем почетительно отношение, но мне он понравился. Хороший, разборчивый охотник никогда не стреляет приготовленными кем-то патронами. Он сам готовит их по своему ружью. Но, возможно, парень не хотел стрелять нашими патронами из скромности или застенчивости. Мне захотелось проверить его.

— Почему же так? У нас патроны хорошие, есть и купленные в магазине, есть и приготовленные нами.

Не желая возражать старшим, но вместе с тем не думая, видимо, отказываться от своего правила, он сказал тоном человека скромного, но уверенного в себе:

— Спасибо... Но как каждому человеку нужна пища по его вкусу, так и ружью тоже. Я не стреляю никакими патронами, кроме тех, которые сам приготовил.

— Вот с этим я согласен, — не смог я удержаться от похвалы. — Теперь я вижу, что ты настоящий охотник.

Я взглянул на своего товарища: юноша очень просто и ясно сказал то, что я никак не мог втолковать моему спутнику.

Он всегда употреблял готовые патроны и из-за этого постоянно был недоволен своим ружьем. Вместо того, чтобы обвинять самого себя, он сваливал вину на свое ружье.

Перед уходом парень с хитрецей спросил, желая, очевидно, разузнать, приехали ли мы действительно на охоту или просто прогуляться.

— Утром рано встанете? Если хотите удачной охоты, надо быть на месте до восхода солнца.

Мой товарищ беспокойно посмотрел на меня. Одним из его недостатков было как раз то, что он не любил рано просыпаться. В городе он вставал не раньше одиннадцати-двенадцати часов, и отказываться от этой привычки ради охоты не хотел. Он боялся ранней стужи и вечерней прохлады, и у него всегда имелись наготове разные лекарства. Его нелюбовь к водоплавающей дичи и морской охоте объяснялась этим. Охотясь же на турачей и фазанов, он выходил поздно, ссылаясь на то, что эти птицы выходят на открытое место только после того, как пригреет солнышко.

Заметив сейчас его беспокойный взгляд, я понял его мысли и, отвечая юному охотнику, косвенно обратился к нему:

— Конечно, на уток охотятся только на заре да вечером, когда стемнеет.

— Правильно! — обрадовался он. — На рассвете я разбуджу вас. Спокойной ночи, приятных снов...

Когда юноша ушел, я сказал Байрам-ами:

— Откровенно говоря, когда этот мальчик вошел сюда, я усомнился в нем. Мне показалось, что он очень молод и ничем не поможет нам. Но из его слов я понял, что он парень надежный. А как он охотится?

Байрам-ами ответил с нескрываемой гордостью:

— Друг мой, ты ведь знаешь, что и отцы и деды наши были охотниками. Конечно, охота — не профессия наша, но мы ее любим. И потом, я так думаю, что всякий зрелый мужчина должен быть охотником. Отцы говорили — настоящий мужчина должен уметь скакать, стрелять и плавать. А на охоте все это нужно. Человек попадает во всякие положения, борется, крепнет и телом и душой. Наши дети все хорошие охотники и этот мой племянник тоже такой. Он любит охоту с самого раннего детства. Три-четыре года тому назад он совершил геройский поступок и прославился на весь район, его прозвали Грозой волков.

— Что это за случай, Байрам-ами, расскажи, пожалуйста.

— Слишком долго придется рассказывать, а вам надо рано вставать. Вижу, у вашего товарища глаза уже слипаются, идите спать, вернетесь с охоты — расскажу.

Когда мы выходили из дому, на небе еще сверкали звезды. А какой чудесный запах ранним утром! Как приятны холодок и свежесть! По пению петухов и по чириканию невидимых птиц, без всяких часов чувствовалось приближение рассвета.

Мы шли по тихой и безлюдной деревне, по улице, обсаженной с обеих сторон деревцами чуть выше человеческого роста. С моря веял то теплый, то прохладный ветерок, и в этой тишине шум морских волн доносился через одинаковые промежутки, словно поднималась буря. Это одна из особенностей норда. До того, как подымается ветер, в такие тихие ночи на море возникает шум, который обычно возвещает приближение бури. Этот странный шум с моря слышался сейчас очень отчетливо; то теплое, то прохладное дуновение было так ощутимо, что казалось — до моря всего несколько шагов. Но мы прошли примерно полкилометра и только тогда сквозь полумрак увидели его тусклый, стальной блеск. Мы стояли на холме, тянувшемся вдоль берега. Он спускался полого к самой воде, соединяясь с линией прибоя.

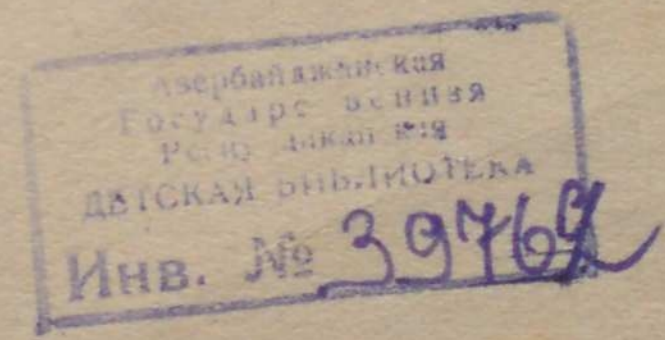
Когда до берега осталось четыре-пять шагов, ноги наши стали погружаться по щиколотку в ракушки, текущие как вода и шумящие как солома.

Их здесь было так много, как будто колоссальные арбы годами возили их сюда и сваливали в одну кучу.

Здесь были ракушки величиною от ногтя мизинца до кулака, продолговатые, круглые, желтоватые, розовые, иссиня-черные, блестящие внутри, как перламутр, белые, как кость, с крапинками, одни тонкие и нежные, как шкурка лука, другие плотные и крепкие, как фарфор.

2 М. Рзакулизале

Ракушки приятно шуршали под ногами. Мы дошли до самого берега и остановились в изумлении.

За километр от моря мы слышали сильный шум, а сейчас, вместо ожидаемого бурного моря с громадными валами, увидели тихую, спокойную поверхность, покрытую мелкими волнами, лижущими песок и ракушки. Шум, который мы слышали, пропал. Теперь был слышен только легкий шепот, производимый волнами, играющими ракушками.

Молодой охотник, видимо, привыкший к подобным впечатлениям, не терял времени на наблюдения и любованье, а был занят приготовлениями. Он снял ружье и сумку, положил сумку поодаль, в нескольких шагах, зарядил ружье и, несмотря на то, что в полумраке еще ничего не было видно, вытянулся, поглядел по сторонам, потом положил ружье на сумку, встал на колени и сгреб локтями небольшой холмик из ракушек.

— Что ты делаешь? — спросил я его.

— Готовлю засаду, — ответил он, — нельзя показываться птице, а то ни одна из них не приблизится сюда.

Я тоже положил ружье и сумку и пошел помогать ему.

— Вы не беспокойтесь, — заметил он, — это не трудно, я сейчас сделаю.

— Что за беспокойство? — ответил я и стал сгребать ракушки. — Кому хочется рыбы, тот должен лезть в воду.

Я сказал это нарочно громко, чтобы мой товарищ, стоявший рядом с папироской в зубах, тоже принялся за работу. Но вместо того, чтобы помогать, он бросил:

— Э, на что вам засада? Может, и птицы-то вовсе не будет! Никакого норда нет, не трудитесь попусту.

В ту же минуту юноша неожиданно шепотом приказал нам, словно командир:

— Ложитесь, ложитесь, птица идет!

Я пригнулся в засаде, приятель мой присел, где стоял, а молодой охотник схватил ружье и упал возле меня.

Я взглянул в ту сторону, куда смотрел он, но ничего не увидел.

— Приготовьтесь, летят, — сказал он немного погодя.

— У меня ружье не заряжено! — Едва я успел это промолвить, как он прицелился, и только теперь я заметил над собою едва видимую, как тень, ломаную линию.

Юноша выстрелил два раза подряд, тень исчезла, а в воде послышались всплески.

— Начало неплохое, — сказал он довольно. — Три уже есть!

Я был поражен остротой его зрения, быстротой и меткостью стрельбы. Увидеть птицу на дальнем расстоянии в такой тьме, попасть в нее, да еще разобрататься, сколько штук сбито, — для этого нужно обладать не только ловкостью. Невольно я представил его на границе, или снайпером на фронте. При таком мастерстве, выработанном на охоте, от него не улизнул бы ни один противник.

Мой спутник, увидев, что его мрачные пророчества не сбылись, поднялся с места и подошел к нам. Сняв очки, он стал вытирать их платком и сказал:

— На холоде стекла запотели, я ничего не видел. Во что вы стреляли?

— Это была небольшая стайка чирков, — ответил юноша.

— Зря стреляли, — сказал мой приятель, — разве можно сбить птицу в такую темень?

— Три утки сбито, — сказал юноша.

— Ну да! — в голосе моего приятеля удивление прозвучало скорее как насмешка.

Юноша, не говоря ни слова, поднялся, положил ружье и пошел к морю. До нас донесся шум ракушек, сыпавшихся в воду.

Вскоре он вернулся, размахивая в воздухе тремя утками, и, протягивая их моему спутнику, многозначительно обронил:

— Пожалуйста!

— Да... и правда попал, — не нашелся тот что сказать. — А почему они такие мелкие? Совсем еще птенчики...

— Нет, — пояснил юноша, — это не птенцы, это порода такая, чирки — самая мелкая и самая вкусная утка.

Потом мы вместе подготовили засаду. Юноша осмотрел ее снаружи, принес сумку и ружье и сказал:

— Теперь птица не увидит нас, пока не долетит до мушки... Пожалуйста, садитесь.

Я тоже принес ружье и сумку. Пришел мой товарищ, пощупал перед тем как сесть, не влажна ли земля.

— Не бойся, — сказал я, — не сыро, это лишь сверху влага от моря, а снизу сухо.

Мы сели, устроившись поудобнее в засаде. По словам юноши птица должна была лететь слева, с запада. Он усадил нас слева, а сам устроился правее, так, чтобы самому стрелять последним. Дать возможность стрелять первым — среди охотников считается знаком большого уважения.

Я стал всматриваться в горизонт. Редко кому удается наблюдать как начинается утро, как ночь покоряется дню. По восточному преданию, тот, кто увидит, как раскрывается бутон розы, достигает желаемого. Но возможно ли это? Можно ли, например, уловить мгновение между сном и бодрствованием? Все видели, как плачущий ребенок вдруг улыбается, но мог ли кто-нибудь заметить выражение на лице ребенка в тот миг, когда он переходит от слез к смеху? И мгновение, когда ночь переходит в день, — один из таких неуловимых моментов.

Начинало светать. Если минуту тому назад все было скрыто за серой завесой, то теперь стало с неуловимой быстротой выделяться все более отчетливо.

Там, где всходило солнце, горизонт светлел, переливаясь нежными желто-зелеными и розовыми красками.

Мелкие облака удивительных очертаний, затерянные в сероватой мгле, багровели на востоке заревым золотом.

Казалось, на горизонте, который каждую минуту менял свои краски, загорался громадный величественный костер.

Через мгновение там, где должно было взойти солнце, за серебристым краем моря на горизонте, небо окрасилось в мягкий красный цвет.

В ту же минуту повеяло теплым солоноватым дуновением, хорошо знакомым тем, кто живет на берегу моря; потом подул прохладный ветерок, и в какое-то неуловимое мгновение, когда ночь сменяется днем, этот ветер все изменил. На зеркальной поверхности моря возникла мелкая зыбь, его спокойное перешептывание с ракушками сменилось шумом, нарастающим и звенящим; воздух похолодел.

Откуда-то появились и поплыли сначала мелкие, а затем все увеличивающиеся, низкие розовые облака.

Юноша воскликнул с радостным возбуждением: — Идет!

Я и мой товарищ невольно схватились за ружья и посмотрели в ту сторону, откуда ожидали птицу.

— Нет, — засмеялся молодой охотник, — не птица, а ветер! Сейчас и птица пойдет.

И, правда, вскоре со стороны горизонта показались бесчисленные стаи крупных и мелких разноцветных птиц; их крик и хлопанье крыльев смешались с шумом моря и ветра, все более крепнущего.

Мелкие чайки, которых местные жители называют «джыг-джыг», летели по две и по три; они были величиною с голубя, только клювы и крылья у них были длинные, хвосты раздвоенные, как у ласточки, крылья и брюшко белые, спинка голубоватая, голова черная, клюв и ноги красные; они летели с криком, похожим на детский; то взмывали к самым облакам, то камнем бросались в море, разбрызгивая воду, поднимаясь снова в воздух и держа в клюве бьющуюся серебристую рыбку, которую они проглатывали, продолжая свой путь.

Летели и другие птицы, и молодой охотник еще издали узнавал их своим опытным острым взглядом: кроншнеп, селезень, шилохвость.

Можно даже не охотиться и не сбить ни одной из них, но любоваться их неописуемо красивым перелетом — и то уже большое удовольствие.

Вдруг молодой охотник возбужденно воскликнул: — Стая! — и указал на небо. — Наклоните и не двигайтесь, они летят на нас!

Мы спрятались в засаду и посмотрели в указанном направлении, но увидеть ничего не могли. Мой товарищ еще раз протер свои очки. Только немного погодя, взглядевшись в горизонт, куда были устремлены глаза юноши, я увидел, еще очень далеко, линию, вытянутую ниточкой и словно колеблемую ветром.

Через несколько минут эта ниточка приблизилась, стала толще, стали различимы точки, словно бусы четок; еще через минуту мы убедились, что это была утиная стая. Я и мой товарищ невольно потянулись за ружьями. Юноша остановил нас:

— Не спешите, подпустите их поближе.

Птицы приближались, меня охватывало странное волнение, по телу пробегала дрожь. Наконец, наступила решающая минута, птицы долетели до засады, три ружья одновременно нацелились, и каждое выстрелило по два раза. Не успели раздаться выстрелы, как аккуратная полоска стаи дрогнула, и птицы прижались друг к другу, словно ища убежища. Юноша выстрелил после всех и, поднявшись, сообщил нам, что восемь птиц упало в море и три — на берег.

При такой совместной стрельбе хоть один из охотников обязательно попадет, и залп не пропадает даром. Но каждый охотник, хоть и не показывает этого, про себя думает, что попал именно он. Мой товарищ даже не стал скрывать своих мыслей, он с достоинством кашлянул и сказал с гордостью:

— Ну как, видел какое у меня ружье?

Я уже привык к тому, что он всегда относил за свой счет удачу нескольких охотников, и поэтому только улыбнулся, возразив ему, чтобы его слова не обидели молодого охотника:

— В этом можно быть уверенным только, если стреляешь один.

Улыбнувшись моим словам, молодой охотник вышел из засады. Он принес дичь, выброшенную на берег волной, и пошел за остальными утками. По дороге он то и дело поглядывал на засаду и туда, откуда ожидалась птица. Отойдя около пятидесяти шагов от засады, он махнул нам рукой, а сам лег на землю. Мы посмотрели туда.

Стая еще больше и гуще, чем прежняя, низко летела прямо на нас, почти задевая крыльями песок. Она пролетела над нами с такой стремительностью, что мы даже не успели прицелиться, но все же выстрелили по два раза. Однако не упало ни перышка. Птицы взмыли вверх и полетели к морю. Мы с товарищем, не говоря ни слова, смотрели друг на друга.

Когда прошла первая неловкость, я сказал:

— Здорово же мы опозорились перед этим мальчиком! Между нами говоря, кажется и тех уток он сам подстрелил, а мы приписали их себе.

Мой товарищ был явно расстроен. Он закурил папиросу и, ни слова не говоря, стал мять ее в зубах.

Вскоре вернулся и юноша с остальными тремя утками. Вопреки нашему ожиданию, он ничего не сказал о происшедшем. Но было бы лучше, если бы он посмеялся над нами, чем так равнодушно молчать.

Видимо, он хотел что-то сказать, но боялся обидеть нас, взрослых людей, годившихся ему в отцы. Желая нарушить это молчание, я спросил шутливо:

— Видел, как мы хорошо стреляли?

Он улыбнулся, и эта улыбка украсила его лицо.

— Что ж, бывает. Вы поторопились. Птицу, летящую так близко, надо или встретить выстрелами, или пропустить вперед.

После этого мы с товарищем, последовав совету юноши, сбили по семь-восемь штук разной дичи.

Было уже за полдень. Ветер переменял направление и дул с запада, в спину летящим птицам, увеличивая скорость их полета. Кроме того, облака рассеялись, погода переменялась, и птиц пролетало уже меньше, причем летели они вдали.

Молодой охотник сказал, что перелет увеличится к вечеру и предложил нам вернуться домой, поесть, отдохнуть и выйти еще раз под вечер.

ДВА РУЖЬЯ

Мы хотели к вечеру вернуться в город. Мой товарищ, так же как и охоту, а может быть даже больше (этого он не мог бы определить и сам), любил футбол и был ярким болельщиком. Сегодня он торопился в город на матч. Поэтому мы решили, поохотившись еще немного, уехать совсем.

Как я уже говорил, птиц больше не было. Обычно в такие минуты охотники начинают рассказывать разные случаи, — об этих беседах идет недобрая слава, как об «охотничьих враках». Всем известны, например, измышления барона Мюнхгаузена или охотника Прима. Но это клевета на настоящих охотников.

Мы заговорили о ружьях. Как и у каждого человека, у моего товарища были свои слабости. Он, например, покупал, платя втридорога, штучные ружья, сделанные известными мастерами, и любил хвастаться ими.

Воспользовавшись нашим молчанием, мой спутник достал масляную тряпочку из специальной коробочки и, вытирая свое ружье, сказал:

— Ты из зависти даже не взглянешь на мое ружье. Посмотри, какая прелесть!

Я разрядил его ружье и начал рассматривать. Это и впрямь была красивая вещь, сделанная известным английским мастером пятьдесят-шестьдесят лет назад. Многие его части были позолочены, сверху были выгравированы затейливые надписи, на стволе золотом выведена цифра «2», механизм и половина ствола покрыты мелкими узорными изображениями зверей и птиц. Ружье автоматически выкидало гильзы после стрельбы. Но вместе с тем ничего особенного в нем не было. Заграничные мастера и фирмы обращают большое внимание на внешнюю отделку ружей, зная, что многие охотники ценят прежде всего внешнюю красоту.

Товарищ мой обиделся, что я не восхитился и не удивился, осмотрев его ружье, и начал сам, по обыкновению, расхваливать его.

— В мире всего два таких ружья, — он указал на цифру «2». — Вот видишь, это второе. Обрати внимание, нет даже места для ремня. Это ружье Чемберлена. Геринг посылал специальных людей в Англию и сумел заполучить его себе. После поражения Германии оно перешло в руки одного американского генерала, а он...

Зная, что он будет говорить без конца, я с улыбкой прервал его:

— Откуда же ты знаешь все это?

Разозлившись, он разобрал ружье и показал надпись по-английски: «По особому заказу».

— Человек, продавший мне ружье, рассказал все это, — сказал он.

Я посмеялся его доверчивости.

— Но какое же все это имеет отношение к качествам? Что ты думаешь о прогрессе техники за эти пятьдесят-шестьдесят лет? Сейчас любое наше ружье стреляет лучше этого.

— Э, что ты говоришь, — сказал раздосадованный товарищ, и, видимо, собирался добавить что-нибудь резкое, как вдруг раздался свист кроншнепа. В ту же минуту подобный свист раздался у самых наших ушей. Я обернулся. Это свистел молодой охотник. Посмотрев в ту сторону, куда глядел и он, я в трехстах метрах, над морем, увидел на большой высоте сероватую тень.

Трудно было поверить, что птица, летящая так высоко, вернется, услышав свист. Но после того, как юноша свистнул еще несколько раз, кроншнеп резко изменил направление, сделал большой круг, спустился и летел метрах в пятидесяти над нами.

Юноша сказал моему товарищу:

— Не упустите, птица на хорошем прицеле.

И правда, кроншнеп плавно кружил над нами, описывая небольшие круги. Чтобы попасть в него, не нужно было ни особого умения, ни особенного ружья.

Мой товарищ поднял свое хваленое разукрашенное ружье и выстрелил. Птица испуганно метнулась в сто-

рону. Он выстрелил еще раз, и от кроншнепа отделилось два-три перышка. Вслед за тем он резко взмыл вверх и полетел к морю.

Юноша свистнул еще раз; птица опять вернулась, кружа над нами. Но на этот раз она была уже осторожнее и летала метрах в семидесяти.

— Стреляйте вы, — попросил меня юноша.

— Нет, — ответил я, — ружье не достанет.

Юноша молча поднял ружье, выстрелил, и птица камнем упала к нам в засаду. Это был кроншнеп величиной с курицу, с длинным кривым клювом.

Я взял ружье юноши. Это было самое простое, немного грубоватое ружье Тульского завода, послевоенного выпуска.

Последний его выстрел был отличным разрешением незаконченного спора, затеянного любителем заграничных ружей, и доказал добротность наших отечественных.

Не продолжая поэтому больше спора, я залюбовался чистотой, в которой содержал свое ружье юноша, и спросил:

— Давно ли ты купил его?

— Нет, прошлой весной колхозное правление подарило мне его.

— А за что? — поинтересовался я. — Ты же учишься в городе. Наверно, в летние каникулы хорошо поработал в колхозе, не так ли?

Он снова ответил, как человек, который не любит говорить о себе:

— Нет, было другое дело... — И, желая переменить тему, сказал: — Время идет. Уже до самого вечера птицы больше не будет.

СМЕЛОСТЬ И ОТВАГА

Мы вернулись в деревню. По дороге я с большим трудом выпытал у юноши, за что он получил ружье. Он рассказал интересную историю, но нехотя, скупыми, короткими фразами. Расставшись с ним, я попросил Байрам-ами, и он, как обещал, подробно рассказал мне все.

История эта такова. Настоящее имя молодого охотника Яшар. Но все его стали звать Грозой волков. Вначале он был не особенно доволен этим, но потом настолько привык к своему прозвищу, что, когда в городе товарищи по училищу называли его настоящим именем, ему казалось это странным.

Прежде у нас, и в городах и в деревнях, почти у каждого было свое прозвище. Они давались людям по их характеру, профессии, а иногда и по внешнему виду. Среди этих прозвищ были и хорошие, и плохие... Яшару было всего двенадцать лет, когда он заслужил себе почетное прозвище.

Родители всегда стараются дать своим детям хорошие имена. Но настоящее имя — это то, которое человек заслуживает за свои подлинные качества и дела.

Какие же дела совершил Яшар, за что он получил это прозвище?

...Шел последний год войны. Все, способные держать в руках оружие или работать, ушли либо на фронт, либо на нефтяные промыслы. Большинство работающих в колхозе составляли старики, женщины и молодежь, не достигшая призывного возраста. Школьники тоже после уроков помогали колхозникам. А работы было много: хлеб, огороды, сады... Трудно было поспеть всюду. Многие виноградные и инжирные сады заросли сорняками.

Такие вредители хозяйства, как волки, лисицы, шакалы, которые давно уже вывелись на Апшероне, откуда-то появились вновь и стали хозяйничать в этих местах. В одной из деревень колхозники застрелили даже тигра, неизвестно откуда забредшего сюда.

В эти годы и в окрестностях деревни П. завелось несколько волков. Через каждые три-четыре дня, а то и каждую ночь из колхозных стад и со дворов колхозников исчезали овцы и козы.

В деревне ежедневно шли об этом разговоры, и охотники, приезжавшие из города, караулили по ночам, но тщетно. Видимо, волк, повадившийся ходить в деревню, был матерым.

Волка видели только один раз. Как-то из соседней деревни шла женщина с восьмилетней девочкой. Они проходили через сады на краю деревни. Вдруг на них напал волк. Он искусал девочку, но убежал, увидев колхозников, подоспевших на крик женщины.

Эта девочка жила по соседству с Яшаром. Ее отец был на фронте, как и отец Яшара. Каждый день девочка приходила к Яшару или Яшар бывал у нее, помогал ей готовить уроки. У него не было сестры, а у девочки—брата, и они привязались друг к другу, как брат и сестра.

После этого случая деревня взволновалась. Старые охотники и комсомольцы, пошли искать волка. Яшар тоже хотел пойти с ними, но его не взяли, как маленького—ему было всего двенадцать лет. Найти волка тогда не смогли.

Яшар думал про себя: «Мой дядя и отец были хорошими охотниками. Отец всегда брал меня на охоту. Я видел часто, как он стрелял лисиц и зайцев. Сколько раз он давал стрелять мне, и я подбивал птиц. Что же с того, что я маленький? Я же умею стрелять... Ладно, пусть не берут, я сам пойду».

И с тех пор убить волка стало заветной мечтой Яшара. Но как это сделать? Никто не дал бы ему ружья. И вдруг Яшар вспомнил, что в сенике лежит старое ружье, оставшееся еще от деда. Отец Яшара иногда брал его зимою и ходил на берег моря стрелять птиц.

Яшар узнал из разговоров отца, что это ружье нашли в море и что стреляет оно очень далеко. Любопытный мальчик захотел узнать, что значит слова: «нашли в море». Он слышал в сказках, что бывают силачи и кони, вышедшие из моря. Но он никогда не слышал, чтобы в море находили ружья. Он спросил об этом отца, и тот ответил смеясь:

— Это не сказка, а быль. Много лет тому назад, когда русские пришли на помощь Баку, один из кораблей потонул в бурю вблизи Нардарана. Прошло много времени, опытные пловцы нашли потонувший корабль и подняли со дна моря оставшиеся там ружья. Поэтому их называют «найденные в море».

И вот, вспомнив теперь об этом ружье, Яшар потихоньку пошел в сеник. Ружье, обернутое в масляную тряпку, стояло в углу. Он осторожно развернул тряпку.

Это было старинное ружье. Нужно было проверить, заряжено оно или нет. Он засунул шомпол во внутрь и сделал мерку с уровнем дула. Потом, приложил шомпол снаружи и убедился, что оно заряжено. Подняв курок, он увидел пистон. Яшар очень обрадовался и, поставив ружье на место, вышел.

Вместе с несколькими товарищами он ходил на то место, где волк напал на женщину с ребенком. Неподалеку от него был стог колючек, а дальше шли заросли граната и инжира. Волк тогда вышел из них.

О своем решении пойти ночью в сады и убить волка Яшар хотел сказать своим товарищам, но потом раздумал: взрослые могли узнать об этом и никого не пустить. Он решил пойти один.

Вечером Яшар, чтобы не возбудить подозрений матери, по обыкновению положил перед собою книги и тетради, выучил уроки и, решив хорошенько обдумать свой поход, лег в постель раньше обычного и притворился спящим.

Но он не спал. Он думал: а что если волк не придет? Тогда он пойдет и завтра, и послезавтра... Если мать увидит, что его нет в постели, тогда все пропало, его найдут и больше не пустят...

Нет, надо во что бы то ни стало убить волка сегодня.

— А как это сделать?

Тут он вспомнил одно происшествие.

Когда еще отец его был здесь, в их курятник повадилась лиса. Но курятник был в таком неудобном месте, что лисицу невозможно было застрелить. Тогда отец устроился в засаде, чтобы застрелить лису. Яшар тоже был с ним. Отец закрыл курятник и немного поодаль привязал курицу за ногу. Среди ночи подкралась лисица и увидела курицу. Она уже хотела наброситься на нее, но отец выстрелил и убил лисицу.

Вспомнив это, Яшар решил устроить волку такую же засаду и, обдумав все, задремал.

Ночью Яшар несколько раз поднимался, чтобы уйти, но видя, что мать еще не заснула, ложился опять. Наконец, на заре, он услышал пение петухов и поднялся. Тихо одевшись, он вышел во двор.

Был последний месяц осени. Дул сильный норд. Густые облака заволакивали луну. Время от времени моросил мелкий дождик, холод пронизывал до мозга костей.

Не успел Яшар выйти во двор, как дрожь проняла его. Отчего это было — от холода или от волнения и страха? Он был в нерешительности. Захотелось вернуться и лечь в постель, а завтра пойти с товарищами. Но возвращаться было стыдно.

Шла война. Он вспомнил, что пионеры и школьники, такие же как он, на земле, захваченной немцами, борются с фашистами. Он слышал об этом в беседах, читал в газетах. Они борются с вооруженными до зубов немцами, бросают бомбы в их штабы, взрывают мосты... Неужели он, Яшар, не справится с волком? Он думал об этом, и у него прибывала сила. Он чувствовал в себе эту силу. Его словно вдохновляли молодые герои, имена которых он знал наизусть.

Он пошел в сенник и взял ружье. Оно было большое и тяжелое. Но Яшар чувствовал себя сильным. Он повесил ружье через плечо и тихо вышел во двор. Собака заворчала было, но Яшар позвал ее — и она успокоилась, помахивая хвостом.

Яшар поймал годовалого козленка, тот уперся ногами и не хотел идти. Когда Яшар потянул его к себе, козленок жалобно заблеял. Испугавшись, что мать проснется, он отпустил ремень, взял пучок свежей травы и поднес его к мордочке козленка. Потом он спокойно вышел со двора и козленок весело побежал за ним, пощипывая траву.

Из-за войны улицы деревни были темны, кругом стояла тишина. Слышался лишь ветер, шелестящий сухими листьями деревьев и играющий в проводах.

Яшар боялся только одного. Если бы его встретил кто-нибудь — все пропало бы.

Он уже вышел из деревни и шел вдоль огородов. Овощи давно были убраны, и здесь никого не могло быть. Отсюда начиналось место под названием Нарлыг, дальше виднелись деревья садов. Миновав аллею, засаженную с двух сторон гранатовыми деревьями, Яшар достиг бы цели.

Вдруг он услышал шорох. Луна спряталась за облаками и в пяти шагах ничего не было видно. Но Яшар заметил впереди огонек папиросы. Он спрятался под гранатовым деревом, зажав мордочку козленка.

Один из шедших людей сказал другому:

— Ай Тапыг, постой! Ты слышишь? Шорох какой-то, что ли?

Оба они остановились и прислушались. Потом второй ответил:

— Э, это от страха тебе померещилось, ничего здесь нет. Пойдем!

Яшар узнал голос. Это был голос его дяди Байрам-ами. Если бы он увидел Яшара здесь, он наверняка рассердился бы, а может быть, даже и побил бы его слегка. Посидев с минуту без движения и убедившись, что сторожа отошли далеко, он поднялся и подошел к стогу.

В восьми-девяти шагах от этого места находился засохший корень виноградной лозы. Он привязал к нему козленка, а сам спрятался за стог. Козленок дернулся несколько раз, упал на землю, поднялся и заблеял. Потом, успокоившись, стал щипать листья, время от времени подавая голос.

Яшару только этого и надо было. Волк услышит и придет сюда, а Яшар застрелит его.

Посидев немного, Яшар стал готовиться, наведя прицел на козленка. Но ружье было очень тяжелым и длинным, он еле-еле доставал до курка. Оно качалось в его руке. Чувствуя, что не сможет выстрелить, он посмотрел вокруг. Но поблизости не было даже палочки, чтобы закрепить ружье. Потом он вспомнил, что стог, под которым он сидит, обложен камнями, чтобы ветер не разнес колючек. Он с большим трудом вытя-

нул несколько камней, соорудил нечто вроде опоры и прицелился. Теперь ружье было хорошо прилажено. Он взвел курок и ожидал волка.

Вначале от волнения и напряжения он не чувствовал ни ветра, ни холодного дождя. Но, когда прошло часа два, холод начал пронизывать его насквозь, зубы застучали и все внутри задрожало. Если бы он мог побегать немного, то согрелся бы, но можно же было спугнуть волка. Яшар очень устал сидеть неподвижно. Тело его все больше замерзало и ныло. Но он вспоминал защитников родины, мерзнувших в снегах на студеном ветру, и ему становилось словно теплее, прибывали силы.

Он услышал, как козленок испуганно заблеял, рванулся в сторону. Прямо перед ним блеснули два сверкающих, как фонарики, глаза. В ту же секунду Яшар прицелился и выстрелил. Из дула ружья с невообразимым грохотом вырвалось пламя. Оттого, что из него долго не стреляли, порох в нем затвердел и ружье так сильно толкнуло Яшара, что он упал на спину. Но ружья из рук не выпустил.

Он быстро вскочил и подбежал к подстреленному волку. В нескольких шагах от козленка лежал второй огромный зверь, похожий на пса.

Яшар очень часто видел волка на картинках в книжке, но настоящего волка видеть ему довелось впервые.

Он подошел к нему и приподнял ногой голову. Волк зарычал и попытался схватить его за ногу.

Яшар не растерялся, он поднял ружье и со всей силой ударил волка по голове. Раздался хруст ломающихся ветвей. Он поднял ружье и ударил еще раз.

Волк схватил его за ногу. Сколько ни бил его Яшар ружьем, волк не разжимал своей пасти.

Пока он бился с издыхающим зверем, кто-то подбежал и крикнул совсем рядом. Закричали сразу несколько голосов:

— Кто там?

— Не шевелись!

— Кто стрелял?

Вокруг замелькали огоньки карманных фонариков. Это были бойцы ближайшей войсковой части, сбежавшиеся на выстрел.

— Это я стрелял, — отозвался обрадованный Яшар. — Я двух волков убил.

Люди подошли ближе и при свете фонариков увидели Яшара с поломанным ружьем в руке. Перед ним лежал труп одного волка, а другой повис на ноге Яшара, вцепившись в нее зубами. Он тоже был мертв. Его с трудом оторвали от ноги мальчика, просунув ствол в пасть.

Среди пришедших был и дядя Яшара — Байрамами. Он сначала рассердился на Яшара:

— Что ты делал здесь в такое время?! Что это такое?

Но вскоре он смягчился и ласково сказал:

— Спасибо, племянник, спасибо, Гроза волков!

С этого дня прозвище осталось за ним, он заслужил новое имя: Гроза волков!

На следующий день Яшара позвали на заседание правления колхоза. Все хвалили его. Правление решило премировать его за истребление волков, за помощь, оказанную колхозникам, и за храбрость, и спросили у него, чего он хочет. Он молчал, и на глазах его внезапно блеснули слезы.

Веселый, приветливый председатель колхоза, недавно вернувшийся с фронта, увидев, что мальчик готов заплакать, спросил со смехом:

— Что случилось, храбрец? В школе ты отличник, на уроках соловьем разливаешься. Среди ночи в степи убиваешь сразу двух волков. Всю деревню стрельбой поднимаешь на ноги. Что же ты сейчас замолк? Разве таким должен быть смельчак — Гроза волков?

Яшар хотел улыбнуться, но не мог. Он сказал, едва удержавшись от слез:

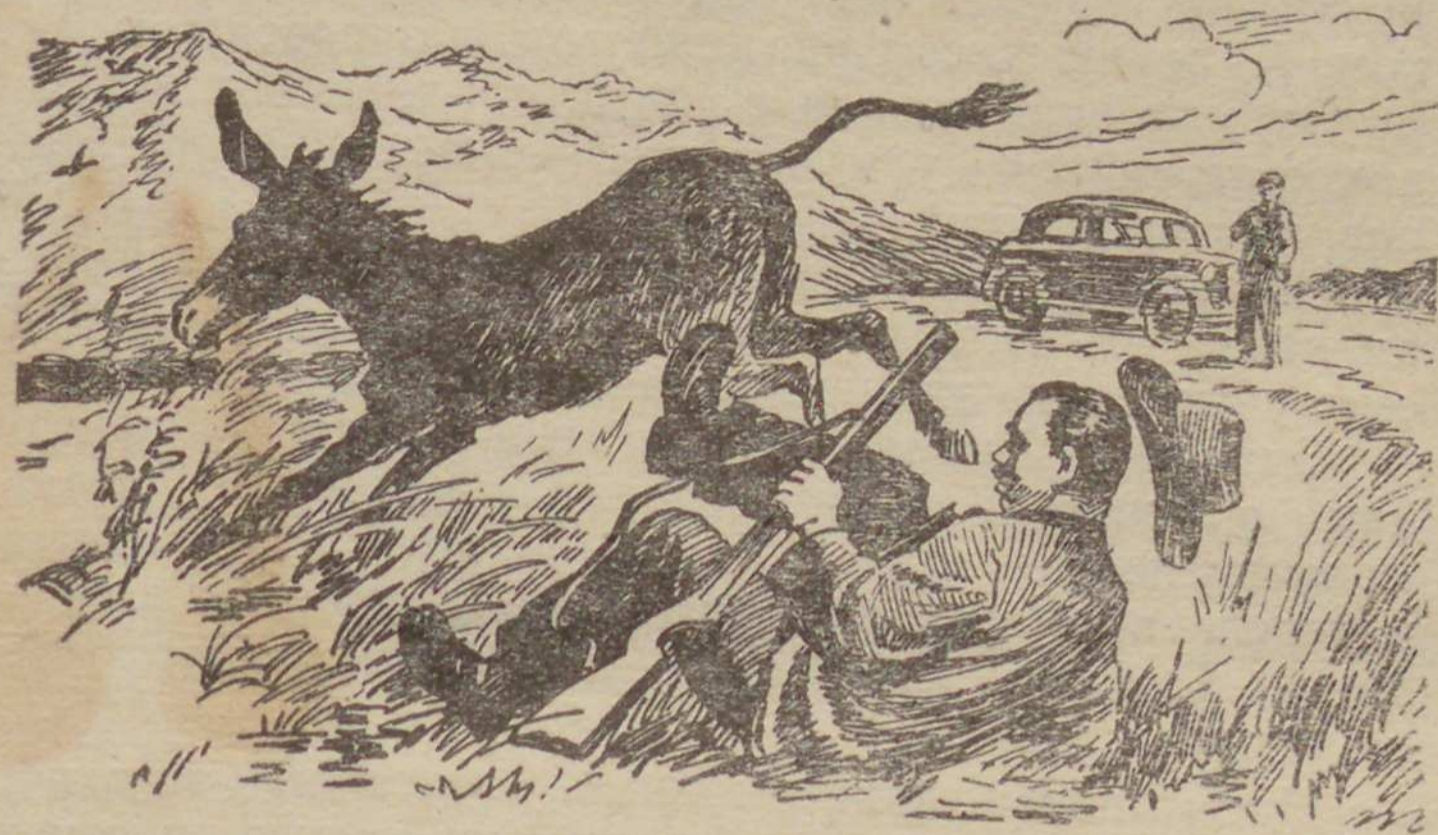
— Да ведь ружье-то сломалось отцовское.

Все громко рассмеялись. А председатель колхоза сказал:

— Ах, вот в чем дело! Сломалось ружье, найденное в море! Ай-ай, я-то думаю, наверное у него от радости

язык отнялся. Ну, ничего, завтра же мы починим отцовское ружье, а тебе подарим ружье-двустволку.

Ружье, которое мы видели в руках Яшара — Грозы волков, — было то самое, подаренное колхозом. В прошлую осень, когда Яшару исполнилось шестнадцать лет, ему вместе с паспортом выдали охотничий билет и премировали ружьем.

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Селение, где жил Салим, находилось в зоне государственного заповедника. Салим во время каникул часто гулял там с отцом. Заповедник находился на берегу залива, порос камышом, кустарником и деревьями. Среди густого камыша серебрились озера и небольшие пруды. Птицы, прилетающие сюда со всех концов света — с холодного севера и из жаркой Африки, — обосновались на берегу и на маленьких островках, которыми был усеян залив. Тут им было спокойно — людей не пускают, хищных зверей нет.

Корма на лугах и озерах было много, а если его, случалось, не хватало, — тогда тоннами рассыпали по воде и по берегу овес, чалтык, хлебное зерно.

Салим еще ребенком исходил с отцом каждую пядь заповедника. Он знал всех птиц, начиная с маленьких бекасов и кончая красавцами-лебедями.

В заповеднике работали ученые. Салим ловил для них птиц, надевал на тонкие лапки легкие алюминиевые кольца. Он давно дал себе слово после окончания

школы поступить в институт и стать научным работником. И, вернувшись сюда, работать в заповеднике

Он уже знал откуда и когда прилетают птицы, в какие страны они улетают, как они выращивают птенцов, чем питаются.

Он так увлекательно рассказывал о неведомой жизни птиц, что школьные товарищи подчас не верили ему, считая, что это просто выдумки.

Однажды Салим сквозь камыш наблюдал за птицами в заливе. Там мирно дремали пеликаны, лениво покачиваясь на волне. Бакланы полукругом плыли к берегу и, хлопая крыльями, гнали рыбу к мелководью. Там они, ныряя один за другим, ловко хватали ее клювами.

Насытившись, они, видимо, захотели отдохнуть. Поблизости не было ни островка, ни какого-либо камня, выступающего из воды. Тогда несколько бакланов, поймав по крупной рыбе, подплыли к пеликанам. Те раскрыли свои огромные клювы и проглотили рыбу, а бакланы тут же взобрались им на спины, отряхнулись, удобно устроились и затихли.

Когда Салим рассказал об этом товарищам, они стали смеяться над ним.

— Ладно, можете не верить, — разозлился Салим. — Когда я вырасту и стану ученым, я опишу это в своей книге.

Но пока Салим учился только в седьмом классе. Он помогал отцу охранять заповедник. В прошлую зиму ему удалось убить несколько хищных птиц, шакала и лису. Дирекция заповедника премировала его. На эти деньги Салим купил себе охотничий костюм, резиновые сапоги и одностволку. Ружье он всегда — и зимой и летом — носил с собой.

Как-то под вечер Салим возвращался из райцентра после комсомольского собрания. Утром шел дождь, и среди бескрайних рисовых полей, тянувшихся по обе стороны шоссе, стояли лужи. Салим свернул в поле, и ноги его по самую щиколотку погрузились в рыхлую землю. И Салим обрадовался этому: щедрый дождь в такое время года предвещал осеннее изобилие.

Далеко, на сколько хватал глаз, тянулись рисовые и хлебные поля, перемежающиеся цветущими фруктовыми садами, лимонными и мандариновыми рощами. Вдали, там, где равнина переходила в склоны гор, зеленели чайные плантации. Дальше, словно покрытые темным бархатным ковром, высились горы.

Темно-зеленые и бледно-фиолетовые вершины исчезали в густой пелене облаков.

Полоска моря на горизонте казалось серебряной каймой, обрамляющей эту чудесную картину.

Салим вдыхал свежий и чистый воздух, наполненный ароматом земли, трав, цветов.

Вдруг он услышал звуки, похожие на гоготание гусей. Высоко в небе острым углом летела стая птиц. Салим спрятался за куст у края дороги. Птицы летели прямо на него и по мере приближения снижались. Они сделали круг над самым кустом. Концы больших загнутых клювов и крылья птиц были ярко-красного цвета, а тело и ноги — бледно-розового. Стая, снизившись, села на ближний пруд, в двухстах шагах от Салима. Это были очень странные птицы. Ноги их напоминали журавлиные, шея походила на лебединую, туловище — на гусиное. Птицы, выгнув шеи, ходили по мелководью, и казалось, что по воде движутся живые вопросительные знаки.

Салим продолжал наблюдать за ними из-за куста. Он знал, что это были фламинго, которые теперь стали редкостью. Их когда-то беспощадно уничтожали: мясо их вкусно, перья мягки. Уже несколько лет, как охота на них запрещена. Салим с интересом смотрел на диких птиц. Внезапно он услышал за собою шум. Он оглянулся и увидел машину «Москвич», которая остановилась недалеко от него. Из машины с трудом вылез низенький, толстенький, чисто выбритый человек. На нем была светло-коричневая шляпа, коричневый в полоску костюм, на ногах черные лакированные туфли и новые калоши. Края шляпы были так широки, а сам он был так мал ростом, что напоминал гриб. Открыв заднюю дверцу машины, он достал оттуда красивое, с инкрустациями, двуствольное ружье. Увидев Салима, с любопытством смотревшего на него, он

сперва испуганно вздрогнул, но затем, оправившись, повелительным тоном спросил:

— Эй, куда сели эти журавли? — Наверное, из-за кустов ему не было видно птиц.

— Это не журавли, а фламинго, красные гуси, — угрюмо ответил Салим.

— Тем лучше...

Он радостно обернулся к своему спутнику, который сидел в машине за рулем, и хвастливо сказал:

— Ты слышишь? Фламинго! Я тебе говорил, что должен испытать это ружье на гусе или джейране...

И снова спросил Салима:

— Эй, куда сели эти фламинго?

— Охота на них запрещена.

— Ладно, много не разговаривай! Тебе какое дело?

— Советские законы для всех издаются. И каждый должен бороться с нарушителями.

Человек, не ожидавший такого ответа от деревенского мальчишки, сперва растерялся, но потом постарался превратить все в шутку:

— Ладно, ладно! Много не разговаривай, а то рот разрастется. Сейчас я подстрелю несколько фламинго и одного подарю тебе, поешь в свое удовольствие и забудешь всякие законы...

Низенький охотник, разговаривая с Салимом, все время поглядывал в сторону пруда. Наконец, он увидел птиц и, обрадованный, направился к ним. Но не успел он сойти с шоссе, как по щиколотку завяз в грязи. Он попытался вытащить ногу, но потерял калошу. Достав ствол ружья калошу и надев ее, он позвал своего товарища:

— Вылезай-ка, посмотри, как тут быть...

Человек, сидевший за рулем, вышел из машины. Он был худ, высок, одет скромно. Стоя рядом, они до смешного были похожи на Дон Кихота и его оруженосца Санчо.

— Слушай, не так уж это далеко. Неужто из твоего хваленного ружья отсюда не попадешь?

— Попасть-то попаду... А как мы их потом доставим?

— Ты сперва попади.

Салим понял, что эти люди ничего не понимают ни в охоте, ни в ружьях, и обрадовался. Стрелять в птицу дробью с такого расстояния — это все равно, что пытаться потушить электрическую лампочку, дуя на нее. От таких охотников птицам вреда не будет. Самое большое, что они могли сделать, — просто спугнуть стаю. А Салим как раз этого и хотел.

Повсюду в среде настоящих охотников, людей самоотверженных и влюбленных в свое дело, затесываются и такие, которые не любят и ничего не понимают в охоте. Они обычно покупают самые красивые ружья и начинают губить несчастных скворцов, сидящих на телеграфных проводах, голубей, которые привыкли к человеку и не улетают от него, ворон и галок, которые стаями беспечно расхаживают по дороге. Они стреляют, высунув дуло из окна машины, а затем хвастаются своими мнимыми подвигами. Бывает, настоящие охотники, которые любят часами наблюдать природу, возвращаются домой с пустыми руками. Но сумка горе-охотника никогда не бывает пуста. Выпросив часть добычи у товарищей, за которыми он увязался, или же купив дичи у охотников-профессионалов, он всегда возвращается с десятками фазанов, уток и другой дичи...

Салим сразу понял, что приезжий принадлежит к этому разряду. Обозленный, он молча выжидал, чем кончится попытка подстрелить фламинго. «Охотник» и его товарищ, подобно кошкам, видящим мясо, которое они не могут достать, смотрели на птиц, топчась на месте и не зная, что делать. Наконец, «охотник» тоном приказа сказал Салиму:

— А ну герой, давай-ка, найди коня или осла, я буду охотиться верхом.

Салим знал, что чуть в стороне от дороги пасется осел, и все-таки решительно ответил:

— Здесь ослов нет, а лошади на работе.

«Охотник» не понял смысла ответа Салима, товарищ же его засмеялся:

— Молодец! Хорошо ответил...

Затем он обернулся к спутнику:

— Ты хоть раз в жизни садился на коня? Говорил бы только уж об осле.

«Охотник», не обратив внимания на эти слова, все оглядывался по сторонам. И вдруг обрадованно закричал:

— Вон он, сам бог послал!

На самом деле, осел, которого Салим видел, вышел прямо к краю дороги: из-за куста виднелась его длинноухая голова. «Охотник» поспешно направился к нему. Если «охотник» сумел бы сесть на осла и осторожно подъехать к птицам, дело могло принять скверный оборот. Салим жалел, что на этот раз не захватил ружье, которое всегда носил с собой. Он мог бы сейчас выстрелить в воздух, спугнуть птиц и спас бы их от браконьеров. Нужно было что-то предпринять. Салим прежде всего посмотрел на номер машины и записал его в свой блокнот, чтобы сообщить в охотничью инспекцию. Это дало бы возможность установить кто это люди. Затем Салим пошел к канаве, тянувшейся вдоль дороги прямо к берегу моря. По обеим сторонам канавы росла густая трава и камыш.

Отсюда можно добраться до птиц раньше «охотника» и спугнуть их. Но быстро идти по скользкой траве сквозь густые заросли камыша не так-то легко. Салим, идя вдоль канавы, часто оглядывался на «охотника». Тот взобрался на неоседланного осла, покачнулся и чуть было не упал в грязь. Он закинул ружье за плечо и схватился за недоуздок. Сидя верхом на тощем старом осле, в широкополой шляпе, он стал еще больше похож на Санчо.

Салиму было смешно смотреть на него, но в то же время он боялся, что Санчо опередит его и доберется до птиц первый. Когда расстояние между Салимом и «охотником» сократилось до десяти-пятнадцати метров, тот вдруг остановил осла и снял с плеча ружье. Салим удивился: ведь фламинго были еще далеко. Но «охотник», увидя этих больших и странных птиц, прежде никогда им не виданных, уже не мог удержаться. Он прицелился, неловко прижав к плечу приклад ружья, которое было длиннее, чем он

сам. Салим, уже не беспокоясь за птиц, смотрел, как стреляет этот «охотник». Как только раздался выстрел, осел в испуге подпрыгнул, и седок вниз головой полетел в жидкую грязь. Упавшее ружье выстрелило еще раз. Осел пустился прочь во всю прыть. «Охотник», весь вымазанный, поднялся и, вытирая лицо, крикнул своему спутнику.

— Эй, сколько их осталось?

— Все! Клянусь, все! — ответил тот, покатываясь со смеху.

— Неужели все?

— Да все остались...живыми.

В конец огорченный «охотник» стал растерянно озираться. Он поднял свое ружье и шляпу, полную жидкой грязи, и пошел к шоссе, увязая по колено.

Салим, как всякий охотник, дорожащий хорошим ружьем, был обеспокоен вторым выстрелом и пошел к машине, чтобы узнать, что случилось с ружьем.

Длинный человек все еще смеялся и часто повторял:

— Поешь гуся и узнаешь, как он вкусен.

«Охотник» молча счищал грязь, прилипшую к его костюму. Товарищ его, наконец, перестал смеяться и начал помогать ему.

— Надень пока мой плащ. Ничего, не расстраивайся, на охоте такие вещи случаются. Хочешь рыбы — полезай в воду...

Когда «охотник», кое-как почистив одежду, принял за обувь, то оказалось что калоши его остались в грязи. Он безнадежно посмотрел на то место, где упал, и на дорогу, по которой прошел. Вернуться и найти калоши было трудно. Еще недавно улыбочливое, лицо его стало землистым — то ли от тонкого слоя грязи, то ли от страха и злости. Его посиневшие губы дрожали, брови были сдвинуты. Наконец, он вспомнил о своем драгоценном ружье, нагнулся и поднял его с земли. Салим подошел ближе. «Охотник», взяв тряпку, которой вытирал свои ботинки, сперва провел ею по прикладу ружья. Но когда он, взявшись за приклад, провел тряпкой по стволу, то застонал, точно порезался:

— Ой мама!

Левый ствол ружья, забитый грязью, был разорван от патронника до дула. Правый же ствол от взрыва вогнулся внутрь. Ружье, которое совсем недавно было таким красивым, теперь стало металлическим ломом.

«Охотник» сокрушенно шептал:

— Хороша проба...

Юноша понял, что этот человек не только не будет уже больше стрелять в фламинго, но и никогда не возьмет в руки ружье.

Пройдя несколько шагов, он достал блокнот и вырвал листок, на котором был записан номер машины.

ПУСТЫЕ СТРАХИ

«...Завтра на Апшероне ожидается...ветер северный, умеренный, переходящий в сильный, облачность. Временами снег...» — Так заканчивалось сообщение бюро погоды.

Действительно, уже с утра похолодало и подул северный ветер. А что касается снега, не велика беда — будет он идти или нет.

Конечно, хорошо, если бы пошел: когда мелкий снег бьет в глаза уткам, они, забыв всякую осторожность, летят низко и вблизи от берега.

Было воскресенье. Накануне, ночью мы отправились в дорогу. Путь нам предстоял недолгий. Мы должны были доехать до северной части Апшерона; на дорогу требовался час, самое большее полтора. Но мы, приняв во внимание зимнюю дорогу, ночь, капризы машины, выехали рано.

К нашему счастью камера не спустила, бензопровод не загорелся, мы не сбились с пути и поэтому прибыли на место за два часа до начала охоты. Чтобы

не беспокоить кого-нибудь в селении в такое позднее время, мы подъехали прямо к берегу, поставили машину за домом покинутого рыбацкого поселка, метрах в семидесяти от берега, и, потушив фары, стали ждать. За стеклом машины была крошечная тьма, выл ветер, шумело море.

Ночной мороз, который мы не особенно чувствовали, пока машина ехала, дал себя знать, когда мотор остыл. Мы начали зябнуть, и на этот раз, как всегда, наименее выносливый из нас заворчал:

— Говорил я вам, что рано... Не дали поспать лишней часок.

— Нет, хорошо, что мы рано выехали. Могли бы задержаться в дороге. А через час нужно идти готовить засаду...

После короткого спора наступила тишина. Все, подняв воротники и ниже надвинув шапки, начали подремывать.

Вдруг мой сосед толкнул меня в бок и шепотом спросил:

— Слышишь?

— Что?

— А ну-ка прислушайся!

Снаружи, вперемежку с воем ветра и приглушенным гулом моря, доносились какие-то странные звуки.

— Слышишь, это в поселке поют и играют.

— Может быть, — шутливо ответил я. — В старину джины и шайтаны справляли свадьбы в разрушенных банях и овданах¹. А теперь, видно, не найдя других развалин, перекочевали сюда.

— А ну-ка, — продолжал мой товарищ возбужденным шепотом, — вслушайся хорошенько! Ты что, не слышишь музыки? И в ладоши хлопают и поют... И свет внутри виднеется...

Он говорил громко, и другие наши товарищи тоже очнулись от дремоты. На самом деле, всем нам показалось, что слышатся звуки, похожие на голоса различ-

¹ В прошлые времена на караванных путях на Апшероне и в Азербайджане колодцы пресной воды, которые имели куполообразное перекрытие, со ступеньками внутри, назывались овданами.

ных музыкальных инструментов, то усиливающиеся, то утихающие.

— То, что это музыка — сказал один из наших товарищей, — верно, но только она не похожа на ту, которую мы знаем.

Другой товарищ шутливо ответил ему:

— Может быть, и джины теперь увлекаются джазом.

Наш товарищ, первым сделавший это «открытие», настаивал на своем:

— Хорошо, оставим музыку... А что вы скажете насчет света?

И правда, было очень странно: среди разрушенных камней мерцал слабый дрожащий голубоватый свет.

— Хорошо, раз там свадебный пир, — предложил я, — пойдем туда и весело проведем оставшееся время. Хоть мы и незваные гости, но, я думаю, они не такие уж невоспитанные, чтобы прогнать нас...

Снежный ветер, бивший нам в лицо, когда мы открыли дверцу машины, рассеял этот обман чувств. Джазовая какофония сразу умолкла, но голубоватый свет был виден. Мы, обойдя разрушенный дом, вошли внутрь через открытую дверь.

Это фосфоресцировали разложившиеся останки рыб, лежавших здесь со времени весеннего лова. Вокруг были врыты в землю толстые и тонкие трубы, между которыми тянулась тростниковая изгородь. Ветер отворял и вновь затворял дверь, скрипевшую на заржавленных петлях, ее задвижка ударялась то о дверь, то о железную скобу. Все эти звуки, издаваемые трубами, камышом, дверью и задвижкой, сливаясь вместе, издали действительно могли показаться каким-то дьявольским джазом. Голубоватый дрожащий свет, исходящий от фосфоресцирующих останков, дополнял эту картину.

Один из наших товарищей, смеясь, сказал:

— Если бы сейчас здесь был магнитофон, мы бы записали на пленку эту «музыку». И можно было бы продемонстрировать ее как один из лучших образцов музыки современной Америки или американизирован-

ной Европы... Если бы все то, что мы видели сейчас, — добавил он, — видел бы какой-нибудь отсталый религиозный человек лет тридцать-сорок назад и даже сейчас — ведь среди нас еще встречаются религиозные люди, — он клялся бы, что собственными глазами видел свадьбу джинов.

Наш шофер, веселый мужчина лет пятидесяти, вмешался в разговор:

— Э, зачем далеко ходить, хотите я расскажу вам случай, происшедший со мной.

Мы, изрядно промерзнув, вернулись в машину, удобно уселись, и шофер начал свой рассказ:

— Раньше было много гаджи и кербалаев¹, они зарабатывали торговлей, ростовщичеством, сдавали в наем квартиры и дачи, выискивали всякие другие легкие пути. В дачное время, как только наступал вечер, из города в селения вереницей тянулись фаэтоны и шарабаны. Мужья приезжали из города на дачу. Поев свой бозбаш или дюшбару², они усаживались под деревом и начинали беседовать о том, о сем. Мы же, ребяташки, — мне тогда было лет четырнадцать-пятнадцать, — примостившись где-нибудь в сторонке, слушали их разговоры. Нам нечем было заниматься: тогда не было ни школ, ни пионерских лагерей. Мужчины, покуривая свои трубки и поплеывая, рассказывали страшные истории о джинах, шайтанах, о подводном человеке-чудовище и о разных других сказочных существах; как такого-то унесли ночью из дома, а на завтра нашли полуживым в таком-то овдане, как второго — морское чудовище завлекло на погибель, и многое другое.

И — самое главное — всегда называли точные имена и места, будто видели все это собственными глазами. Мы же проучились всего два года в моллахане³ и там тоже слышали только о подобном и, кроме двух-трех молитв, ничего не знали. О многом мы тогда понятия не имели и верили этим рассказам.

¹ Гаджи — совершивший полонничество в Мекку, кербалай — в Кербелу.

² Восточный суп с ушками.

³ Низшая духовная школа.

Нам настойчиво забивали головы такими штуками, и ночью от страха мы долго не могли заснуть. А когда засыпали, то видели во сне страшные вещи. Уже в сумерки мы боялись проходить мимо бань, кладбища, деревьев черного тута и овданов.

Начиналась осень, дачники переезжали в город. У меня было одноствольное кремневое ружье, оно было длиннее меня и досталось мне в наследство от отцов и дедов. Курок его, если не соврать, был величиной в сапожный молоток. С вечера я условился с товарищем встать пораньше, пойти к берегу и захватить лодку. Как раз немного в стороне от этого места, где мы сейчас, на берегу лежала старая лодка. Тому, кто первый захватывал эту лодку, принадлежала пролетавшая дичь.

Так же, как и сейчас, а может быть еще сильнее, дул северный ветер. Сгорая желанием быстрее выйти на охоту, я не мог заснуть. Дома часов не было... Ночью, схватив ружье, я прибежал к берегу моря. Ночь была темная, в двух шагах ничего не видно. Кое-как я добрался до лодки и влез в нее. Прошел час, не то два, но все еще не светало, и товарищ мой не появлялся. Меня обуял страх. Ветер гудел на все лады, море бушевало, волны, ударяясь о лодку, осыпали меня брызгами, я весь промок и дрожал и в то же время от страха покрылся потом. Не только встать и уйти, я даже боялся шевельнуться. Сколько прошло времени, не знаю... Вдруг до моего слуха сквозь шум моря и завывание ветра, донеслись еще какие-то звуки. Будто кто-то тяжело шагал по лужам, образовавшимся вокруг лодки. Я отчетливо различал шаги — топ, топ, топ... И притом они слышались не сзади, а со стороны моря. Начало светать, я хотел обернуться и посмотреть, но не мог, словно кто-то связал меня. Руки и ноги отказывались служить. Все, что я слышал о джинах, шайтанах, чудовищах, подводных людях — все стало перед моими глазами. «Погибать, так погибать» — сказал я себе и кое-как обернулся в сторону моря. И что же я увидел? Прямо из моря на меня шло огромное, покрытое темными волосами чудовище. До лодки осталось всего пять-шесть шагов... Ну,

думаю, это как раз и есть подводный человек. Помню, схватился за ружье и хотел прицелиться, но от волнения спустил курок и ружье выстрелило. Отдача опрокинула меня на дно лодки. Когда я открыл глаза, то увидел, что подводный человек стоит над моей головой и говорит:

— Что ты делаешь, сынок? Чуть не подстрелил меня.

Придя в себя, я внимательно взгляделся и узнал его. Это был высокий, широкоплечий, седобородый сторож с рыбного промысла. Так как погода была холодная и дождливая, то он, нахлобучив на лоб баранью папаху и, надев тулуп, вышел проверить сети. Я еле-еле пробормотал:

— Чем же я виноват, дяденька? Погляди-ка на себя, на человека не похож. Я думал ты прямо из моря вышел.

— Эх, сынок, — рассмеялся он, — ты что думаешь, люди на земле так уж хорошо живут, что еще и из моря выходили бы на сушу? Я уже пятьдесят лет работаю здесь, и кроме рыбы ничего не видел...

После этого случая я целую неделю не мог прийти в себя. Но это и пользу принесло — у меня пропали всякие вздорные страхи. Я уже больше не верил разговорам о джинах, шайтанах и разных чудовищах.

Самый старший из наших товарищей, посмотрев на часы, сказал:

— Времени у нас еще хватит. Давайте я вам расскажу случай, происшедший со мной в молодости.

— Все мы с вами, — кто больше, кто меньше, — жили в темное дореволюционное время. В первые годы революции я оказался по служебным делам в одном южном районе. К вечеру я должен был выехать из одной деревни в другую. Хозяин дома, где я остановился, предложил мне переночевать у него.

— Утро вечера мудренее, дорога идет через лес, может что-нибудь случиться.

— А что со мной может быть? У меня нет ни денег, ни ценных вещей. И врагов нет.

— Я не то хочу сказать... Ночь темная. Лес. Можешь наскочить на джина или еще на какого-нибудь злого духа.

Может быть, я и остался бы, но эти слова сильно задели мое самолюбие. Правда, я не был особенно образован, но таким вещам с детства не верил. Я сам работал в области просвещения и был послан на проверку школ. Что бы сказали, узнав, что я придаю значение таким бредням?

— Мне не страшны разные злые духи, — ответил я. Ну, в общем, сел на лошадь и поехал. В лесу стало совсем темно. Была безлунная ночь. Я долго ехал по лесу, и постепенно крики ночных птиц, от которых мороз пробирал по коже, зловещий вой шакалов и волков и разные жуткие звуки, наполнявшие лес, начали наводить на меня ужас. Я жалел, что поехал, но и возвращаться было стыдно. К тому же я проехал больше половины пути. И откуда-то мне в голову начали лезть мысли о чудовищах, о которых я слышал в детстве: о дивах, шайтанах, русалках, драконах и других чудовищах. Я старался отогнать эти мысли и думать о другом, но не мог. Каждое дерево, каждый сук двоились у меня в глазах, принимая разные диковинные очертания. Вдруг перед моими глазами мелькнул огонек и исчез, затем снова показался. Я закрыл, потом открыл глаза и начал усиленно их тереть... Но огонек не только был виден, а даже увеличивался с моим приближением. Стали доноситься звуки музыки. У меня онемели руки и ноги. Лошадь моя остановилась. Я, не отрывая глаз от светящейся точки, застыл в седле.

Я ясно увидел, что посреди дороги горит яркий костер. Вокруг костра прыгают и танцуют карлики, ростом с вершок и с красными бородами в два вершка. Танцуя, они перепрыгивали через костер. А наш черный домашний кот, усевшись у огня, бил в бубен...

Я продолжал смотреть на эту страшную картину, как вдруг над моим ухом раздался громкий голос:

— Эй ты, на дороге.

Я вздрогнул. И костер, и краснобородые карлики, и музыка исчезли в один миг. Я ответил глухим голосом точно спросонья:

— Приезжий я, товарищ.

— Чего же ты стоишь. Езжай.

Я не знал, что ему ответить и спросил, та ли эта дорога, которая ведет к нужной мне деревне.

— Она самая, еще немного проедешь и будешь на месте.

Мужчина, дернув поводья, уехал. Когда я с ним разговаривал, то обратил внимание, что у него во рту была горящая трубка. То, что показалось мне от страха костром, было огоньком трубки. А звуками музыки показался мне звон мелких бубенцов на шее его лошади. Все остальное мне просто пригрезилось с испуга... Вот как возник и исчез еще один пустой страх...

Наш товарищ, преподаватель психологии, подвел итог всему рассказанному.

— Вот откуда берутся пустые страхи. Когда они не получают правильного объяснения, то служат на пользу религии и невежеству.

Возьмем, например, первый случай, когда наш товарищ услышал музыку и увидел свет в этих развалинах. Если бы он был один и не выяснил бы причины этого странного шума и света, то это осталось бы в его памяти как некая необъяснимая тайна.

Возьмем случай с подводным человеком, рассказанный Салманом (так звали нашего шофера). Если бы тогда дядюшка Салман встал бы и убежал или же, как часто бывает, упал бы в обморок и разбил себе лицо, а сторож прошел бы мимо, не заметив его, то Салман после клялся бы и старался всех уверить, что он своими глазами видел подводного человека и будто тот избил его.

И, наконец, если бы наш друг, который видел пляску карликов, повернул бы лошадь и ускакал, то остался бы глубоко убежденным, что видел всю эту чертовщину своими глазами.

К сожалению, пока еще у нас сохранились такие нелепые поверья...

Занимался рассвет. Небо на горизонте стало светло-зеленым.

— Все это верно, — сказал я, — но уже светает. Время на охоту.

ХОРОШИЙ ТОВАРИЩ

ТОВАРИЩ ТОВАРИЩУ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОДСТАТЬ

Эльчин и Тофик возвращались из школы домой. Им было легко и радостно: у обоих отметки были хорошие — пятерки и четверки. Они на совесть проучились две четверти и теперь будут отдыхать двенадцать дней.

— Эх, и погуляю я, эх, и повеселюсь! — Эльчин звонко рассмеялся.

— Эх, и посплю же я, и отдохну ж! — в тон ему пропел Тофик и тоже засмеялся.

— Какой же ты лентяй. И не надоело тебе спать? Посмотри в свой табель, сколько уроков ты пропустил за две четверти! Кроме выходных, ты целых десять дней ел, пил и спал дома.

— Что делать, я болел...

— А ты так делай, чтобы не болеть... А почему ты и теперь мечтаешь только о том, чтобы поспать?

Тофик не нашелся, что ответить. Чего Эльчин напал на него? Ведь он просто передразнил Эльчина,

пошутил... Но пожалуй и на самом деле он не очень любил гулять и развлекаться. Эльчин хорошо знал это. И потому сказал молчащему товарищу:

— Никаких разговоров. Эти каникулы ты проведешь вместе со мной и по плану, который я составил.

— А что ты там задумал? Может быть, ты хочешь организовать пеший поход отсюда до Гек-Геля?¹

— Не до Гек-Геля, немного поближе...

— Например?

— Например, в Бузовны, к берегу моря, где мы были летом в пионерском лагере...

Как только Тофик услышал слово «море», его прохватила дрожь. Он поднял меховой воротник пальто и уныло сказал:

— Вот еще — в Бузовны, к берегу моря...

— Да, отец дал мне слово, что в зимние каникулы он возьмет меня на настоящую охоту. Я хочу, чтобы и ты поехал с нами и узнал как это замечательно — охотиться.

— Зимой, в такой холод, на берегу моря?

— Как раз плохо, что еще не холодно... — Эльчин поднял голову и посмотрел на небо. — Сегодня с утра солнце.

Меж тем, северный ветер, едва подувший утром, постепенно крепчал. Похолодало, казалось, вот-вот пойдет снег. С севера медленно надвигались клочковатые серые тучи.

Эльчин уставился в одну точку.

— Вон, гляди, — показал он рукой, — видишь этих чаек? Они летят к морю. Наверно будет снег...

Тофик еще больше съежился и надвинул меховую шапку на самые уши.

Он посмотрел туда, куда указывал Эльчин, и внезапно чихнул. Потом выжидательно посмотрел на Эльчина.

Но тот был занят чайками и тучами и даже не обернулся. Тофик сказал самому себе:

¹ Гек-Гель (Голубое озеро) — расположено в горах около Кировабада.

— Будь здоров, будь здоров!..

Эльчин задумчиво смотрел и, решив, что Тофик с ним прощается, протянул ему руку:

— Ну и ты будь здоров! — И тут же словно очнулся: — Постой, постой, куда это ты собрался? Когда же мы договоримся о походе?

Тофик пожал Эльчину руку и сказал:

— Кажется, я опять простудился. Побегу скорее домой. Придешь к нам, потолкуем.

И они расстались.

Эльчин и Тофик подружились еще в раннем детстве. Уже семь лет они учатся в одной школе, в одном классе и сидят за одной партой. Непонятно, как они, такие разные, мирились друг с другом?

Эльчин был высоким, смуглым мальчиком, худощавым, но крепким и подвижным. Тофик же, наоборот, был маленького роста, полный, с круглым белым лицом. Его прозвали «Мимозой». Его и дома иногда называли так.

— Ну, Мимоза, как ты думаешь, что завтра ветер надует — снег или дождь?

Когда по радио сообщали, что в Москве ожидается облачность и временами дождь, Тофику говорили:

— Мимоза, иди надень галоши и плащ, завтра в Москве будет дождь.

Тофика — свое «единственное дитя», «свет своих очей» — избаловала бабушка. Она так часто говорила ему: «Не выходи во двор, простудишься!», «Не пей воды, заболеешь!», «Не бегай, устанешь!», «Много не смейся — вспотеешь», что Тофик и на самом деле начал бояться играть, бегать, как его сверстники, боялся даже громко смеяться.

Насмешки школьных товарищей на него не очень действовали, зато сильно злили его друга Эльчина. Он дал себе слово во что бы то ни стало сделать из Тофика ловкого, не боящегося ни холода, ни жары, сильного и выносливого парня. Поэтому он часто приходил к Тофику и уводил его из дому гулять.

Однажды с ними чуть не произошло несчастье. Эльчин повел Тофика в яхт-клуб и, посадив с собой в лодку, стал учить его грести. Тофик, вначале боявшийся сесть в лодку, понемногу привык и даже взялся за весла, вздымая тучи брызг. Но, когда они вернулись и приставали к мосткам, Тофик поторопился выйти из лодки и, не удержавшись, полетел вниз головой в воду. У мостков было не глубоко, и Эльчин тотчас, протянув руку, схватил Тофика и вытащил его на пристань. Тофик весь промок и был сильно испуган.

После этого случая он не только не хотел больше садиться в лодку, но даже не осмеливался подходить близко к берегу.

И все-таки Эльчин не отказался от своего намерения. Он дал себе слово научить товарища переносить трудности, и поэтому теперь хотел взять Тофика на охоту.

Когда Эльчин пришел домой, отец его, известный в Баку буровой мастер, сидел за набивкой патронов. Он тотчас взялся помогать.

Отец и сын, кончив набивать патроны, аккуратно положили их на место, почистили ружья и, вымыв руки, сели ужинать.

— Куда держим путь, отец? — спросил Эльчин.

— На северный полюс! — пошутил тот.

— Нет, отец, на этот раз давай немного поближе.

— Почему же? Боишься устать?

— Нет, отец, я не устану, но товарищ мой, Тофик устанет. Ведь он не привык ходить пешком.

— С каких это пор Тофик стал охотником?

— Если ты разрешишь, мы возьмем его с собой. Пусть привыкает. Ведь товарищ от товарища не должен отставать.

— Это верно, но тот, кто подружился с погонщиком верблюдов, должен иметь широкие ворота, — ответил пословицей на пословицу отец. — Тот, кто возьмет на охоту своего друга Мимозу, должен будет про все забыть и ухаживать за ним.

-- Нет, отец, это не совсем так. Он сам дал слово, что будет держаться стойко. Он сам хочет идти...

— Ну ладно, раз так, пусть идет. На этот раз мы поедем не на северный полюс, а в Бузовны, к Загульбе...

Эльчин благодарно посмотрел на отца. Вскоре пришло время спать и он ушел в свою комнату.

Обычно Эльчин засыпал сразу, но сегодня сон не приходил. Волнение одолевало его. Кажется, не впервые пойдет он на охоту: часто отец в конце лета брал его с собой на берег моря охотиться на уток и куликов, но теперь ему предстоит настоящая охота. И к тому же он будет стрелять из собственного ружья. Совсем недавно Эльчину исполнилось пятнадцать лет, и отец подарил ему легкое двухствольное ружье. Да еще он возьмет на охоту своего друга Тофика. Только пусть уж охота не кончится так неудачно, как гребля, пусть она увлечет его товарища...

Эльчин услышал доносившиеся из соседней комнаты голоса матери и отца и мысли его прервались.

Мать говорила:

— ...Ты что, на самом деле хочешь в эту снежную морозную зиму взять детей с собой на охоту?

— Кого ты называешь детьми? Разве месяц тому назад мы не справляли пятнадцатилетие Эльчина? Он уже не ребенок. Через три-четыре года пойдет служить в Советскую Армию. Он должен привыкать ко всяким трудностям и закаляться.

Мать молчала.

Эльчин долго ждал ее ответа и незаметно для самого себя заснул.

Проснулся Эльчин рано, как и до каникул, быстро умылся, сделал утреннюю зарядку, выпил чаю и пошел к Тофику.

Тофик же еще нежился в постели. Чего ему торопиться? Выходной день, отец и мать дома. Эльчин, поздоровавшись с ними, прошел прямо в комнату Тофика и схватил его за шею красными от холода руками.

— Хватит спать, вставай, лентяй этакий!

Тофик, как ни пытался, не мог вырваться из рук Эльчина. Эльчин стянул с него одеяло и заставил встать. И долго сидел, дожидаясь, пока Тофик позавтракает. Потом они начали обсуждать, что будут делать во время зимних каникул.

Эльчин включил в план и поездку на охоту. Тофик, выслушав товарища, испугался: слишком уже много дел он наметил.

— У нас ведь совсем не останется свободного времени. Когда же мы будем отдыхать?

— А что такое отдых, по-твоему? Валяться на кровати? Настоящий отдых — это когда время не пропадает даром, а проходит интересно и с пользой.

Как ни старался Тофик «облегчить» этот план, Эльчин твердо стоял на своем.

Зашла речь и о поездке на охоту.

Тофику хотелось поехать, хотя он и побаивался, сможет ли получить разрешение родителей и особенно бабушки?

Друзья прошли в другую комнату. Там сидели у радиоприемника мать, отец и бабушка Тофика. Читали какой-то охотничий рассказ.

Это было как раз кстати. Эльчин завел разговор об охоте и под конец сказал:

— Мой отец обещал, что на днях возьмет меня и Тофика с собой на охоту. Тофику очень хочется... Вы, наверное, разрешите ему?

Отец и мать Тофика не знали, что ответить на это неожиданное предложение.

После минутного молчания мать сказала:

— Вы же еще дети. Неужели твой отец решил взять вас? Вы же замерзнете...

Эльчин вспомнил слова своего отца и постарался в точности повторить их:

— Кого это вы называете детьми? Разве нам обоим не исполнилось недавно по пятнадцать лет? Скоро уж нам в армию идти. Мы должны уметь переносить всякие трудности и быть выносливыми.

Родители Тофика немного смягчились. Они еще не дали ясного ответа, но по выражению их лиц было

видно, что они согласны. Эльчин и Тофик, радостные, оделись и вышли из дома.

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Когда Тофик следом за Эльчином и его отцом вышел из электрического поезда, ему показалось, что он попал в темное ледяное море. Он что-то хотел сказать, Эльчину, но, не то от холода, не то от страха, не смог вымолвить ни слова.

Вокруг стояла кромешная тьма. Дул ветер, пронизывающий насквозь, словно меч. Ветер бросал в лицо сухие и острые снежинки, колкие как стеклянная пыль. Издалека доносился грохот морских волн, разбивавшихся о прибрежные скалы.

Не успели они отойти от станции несколько шагов, как поезд ушел. Тофик обернулся и посмотрел ему вслед. Теплые, светлые и с мягкими сиденьями вагоны со все нарастающей скоростью удалялись от него.

Он теперь, даже если бы и захотел, все равно не смог бы вернуться. Он был не в силах открыть глаза из-за снега, бившего ему в лицо. Он никогда не выходил из дому в такую погоду и в такие часы. Он вспомнил свой дом, свою теплую и мягкую постель.

Он услышал голос бурового мастера:

— Ну как, Тофик? Не холодно?

Он хотел сказать: — «Ой, дядюшка, холодно мне, еще как холодно...» Но ведь это было бы для него позором; и Эльчин навсегда поссорился бы с ним. И поэтому он, скрепя сердце, заплетающимся языком сказал:

— Так, немного холодновато... И при том я ничего не вижу...

— Ладно, пройдешься немного и разогреешься. Шагай твердо, дорога ровная. Ступай за мной. Привыкнешь к темноте. Погода прекрасная. Мы много настреляем..

Потом он крикнул сыну:

— Эльчин, где ты? Возьми за руку Тофика и быстрее идите за мной!

Вскоре Тофик и в самом деле так разогрелся, что расстегнул полушубок. И глаза его стали видеть.

Пройдя по узкой тропинке мимо отвесных скал, они пошли по отвердевшему песку, на скалистый берег. Среди скал было много народу. Тофик удивился. Когда эти люди пришли сюда? Что они, ночевали здесь, что ли?

Они шли по кривым узким улицам, мимо балконов, круглых площадей, напоминавших какой-то сказочный город, спустились по крутой лестнице, которая, казалось, вела в темницу, вдруг очутились в месте, напоминавшем комнату без одной стены. Сразу же прекратился ветер и снег. С трех сторон высились большие скалы, загораживавшие ветер. Четвертая выходила на море.

Отец Эльчина снял с плеч большой мешок.

— Ну, герои, вот и дошли до дому. Ну, как, не устали, не замерзли?

Эльчин тоже снял с плеча рюкзак.

— Какое там замерзли, — весело отозвался он, — даже вспотели немного... А ты как, Тофик?

— Мне тоже уже не холодно.

— Ну, герои, теперь закутайтесь плотнее. Не то можно и простудиться.

Достав термос и три стакана, он поставил их на узкий выступ скалы.

— Ну-ка, выпейте горячего чаю. А потом и за дело.

Мастер достал из глубокой ниши в скале охапку сухой морской травы и, расстелив ее на камнях, выступавших подобно скамьям у стены, сказал:

— Вот вам мягкие кресла!

Глухо прозвучало несколько выстрелов.

— Вот оно, началось!.. — быстро сказал мастер и, взглянув на море, достал из чехла ружье. Эльчин тоже взял свое ружье. Тофик глотал горячий чай и удивленно оглядывался. Но в темноте он ничего не различал.

Мастер, приготовив ружье и патронташ, вышел из укрытия. Подстелив сухую морскую траву, он улегся за скалой, напоминающей карниз маленького балкона. Потом он показал ребятам место поблизости.

— Возьмите отсюда морской травы, поудоб-

нее устройтесь и садитесь... Эльчин, не заряжай пока ружье, когда нужно будет, я скажу.

Эльчин и Тофик начали приводить свою засаду в порядок. Мастер следил за ними и бросал отрывистые указания. Когда они устроились, он сказал:

— Теперь сядьте так, чтобы обоим было хорошо видно. Когда будет лететь птица, не двигайтесь. Ну, теперь, Эльчин, можешь зарядить ружье. Положи его рядом с собой, а сам будь настороже...

Начало светать, и можно было уже различать море, небо, скалы и обнаженные деревья в садах, расположенных поодаль от берега. Скалы, которые летом отливали желто-коричневым цветом, пески, блестящие, как перламутр, синее море — все теперь казалось серым.

Тофик пристально смотрел вокруг и удивлялся: оказывается, зимой все другого цвета — и пески, и скалы, и море. А солнце? В самом деле, где же солнце? Тофик поглядел на горизонт.

Скалы показались ему знакомыми. Он обернулся к Эльчину.

— Эльчин, что это за место? Эту скалу, кажется, я уже видел.

— Ну, да, конечно, — воскликнул Эльчин, — это та самая, которую называют «Скалой спора!» Помнишь, летом ребята бросали в море с ее вершины камень — круглый и белый, как яйцо, а потом ныряли и доставали его?

— Да, — ответил Тофик, — теперь и я вспомнил!

И правда, место было знакомо им обоим. Летом они очень часто приходили сюда со своим отрядом из пионерлагеря. В нескольких шагах от скалы, за которой они сидели, высилась другая, круто возвышавшаяся над морем. Тогда вода здесь была так прозрачна, что на дне ясно проступали разноцветные камешки и песок.

— А где же солнце?.. — спросил Тофик. Эльчин тоже невольно посмотрел на восток, где море сливается с небом.

— Верно, где же оно? — Оба друга, забыв, что они на охоте, громко закричали и выглянули из засады.

Отец Эльчина обернулся к ребятам и, увидев, что они что-то ищут, схватил ружье.

— Что вы там увидели?

— Ничего, отец, мы ищем...

— Что вы ищете?

— Солнце.

— Эх вы, герои, какую мелочь ищете. А почему же в море смотрите?

— Ведь солнце всегда оттуда восходит.

— Откуда это оно восходит?

— Вон, смотри, прямо оттуда, — Эльчин указал на море.

— Когда это вы видели, что оно восходит оттуда?

— Летом, в июле.

— А сейчас какой месяц?

— Сейчас январь...

— У тебя по географии какая оценка?

Эльчин неуверенно ответил:

— Пять...

— А у тебя что, Тофик?

И Тофик замялся.

— У меня тоже пять...

— Эх, отличники, отличники! — пошутил мастер. — Если бы я был вашим учителем географии, поставил бы вам обоим двойки...

Эльчин и Тофик, взглянув друг на друга, пожали плечами. Мастер, увидев их недоумение, пояснил:

— Разве вы не знаете, как происходит смена дня и ночи, смена времен года? У зимы, как и у лета, свои законы. Летом солнце восходит оттуда... — Отец Эльчина указал вперед; потом повернулся немного вправо. — Теперь, вот смотрите, солнце восходит оттуда!

Ребята обернулись, но скала загораживала от них море. Они приподнялись немного и изумились: солнце, которое летом восходит, слепя глаза, прямо из середины моря, теперь подымалось в стороне от прежнего места. Поднявшись из-за серых облаков, оно походило на медный диск. Эльчин и Тофик переглянулись.

— Географию учить надо не только по книге, — сказал мастер, — но и по жизни. — И резко приказал:

— Скорее прячьтесь.

Тофик и Эльчин припали к земле и посмотрели на море.

В полукилометре от берега плыла моторная лодка, направлявшаяся к нефтяным вышкам, видневшимся далеко в море. Иногда она скрывалась волной, и тогда казалось, будто она плывет под водой, потом снова появлялась на гребне волны. Пенистые волны били о борт лодки, но она все-таки продвигалась вперед.

— Видите? — сказал отец Эльчина. — Это наши морские нефтяники. Они едут, чтобы сменить тех, кто работал в ночную смену. На буровых, несмотря ни на что, даже на миг не прекращают работу. Ай, молодцы, ай, спасибо! — И помолчав, добавил: — И нам помогли. Видите, идут!

Эльчин и Тофик увидели, что с обеих сторон лодки поднимались стайки птиц. Часть из них летела в открытое море, другие, делая круги, устремились к берегу. Из-за скал раздавались выстрелы... Терпенье Эльчина и особенно Тофика, который в первый раз в жизни был на охоте, иссякло. Когда же и они начнут стрелять?

Эльчин и Тофик следили за стаей птиц, летевших вправо от них. И, когда над самой головой раздались два выстрела, они вздрогнули и, обернувшись, увидели, что несколько уток, поднимаясь высоко в небо, быстро удаляются от них.

Эльчин схватил свое ружье и прицелился. Но выстрелить ему не пришлось. Птицы были слишком далеко. Отец Эльчина, заряжая ружье, крикнул ему:

— Ну, товарищ охотник, чего же ты не стрелял?

— Поздно спохватился.

— Охотник должен быть всегда начеку.. Твоя очередь прошла, теперь дай ружье Тофику.

Эльчин передал ружье.

— А ты принеси этих птиц, — добавил мастер.

Эльчин был раздосадован, что не сумел выстрелить, и даже не спросил у отца, подбил ли тот птиц, хотя спрашивать об этом было не нужно — отец никогда не давал промаха.

Эльчин выглянул из засады. Немного правее, на пенистых волнах, бегущих на песчаный берег, он увидел три черных точки. Одна из птиц была еще жива, она хлопала крыльями и переворачивалась, то вниз, то вверх головой.

Когда Эльчин спустился к берегу, волны уже выбросили птиц на песок. Эльчин, взяв их, вернулся в засаду, и вместе с Тофиком стал разглядывать птиц. Эти были самые красивые из диких уток — шилохвосты.

Раздался голос мастера:

— А, ну-ка, Тофик, быстрее, не упускай!

Тофик, тотчас же схватив ружье, повернулся на голос. Мастер, спрятавшись за скалой, показывал рукой через скалы на море. Тофик, взглядевшись, увидел, что среди волн что-то чернеет.

— Это чирок, — сказал мастер. — Самая маленькая и самая вкусная утка. Ишь какой прыткий, отделился от стаи и один плывет к берегу. Видно, сильно проголодался.

Он махнул рукой в сторону одной из скал:

— Иди туда, тихо и незаметно и стань вон за этой последней скалой. Как только волна поднимет птицу наверх, — стреляй! Она очень осторожная и ловкая... Если поднимешься раньше или же будешь медлить, то упустишь ее.

Тофик, прячась за скалами, медленно и осторожно двинулся вперед.

Он чувствовал странное волнение, какое ему еще ни разу в жизни не приходилось испытывать. Будто перед экзаменами. Подготовился как следует, но сердце все-таки колотится, и думаешь: когда все это кончится? И волнение, и вместе — уверенность: я все знаю...

Дойдя до последней скалы, он остановился и перевел дыхание. Сердце его бешено билось, он весь дрожал, но ему не было холодно; наоборот, он чувствовал какой-то внутренний жар.

Осторожно выглянув из-за скалы, он не увидел птицу. Куда же она делась? Нигде ее нет.. Он и не знал, что боязливая птица, почуяв что-то недоброе, давно уже нырнула и удалилась от берега.

Тофик посмотрел на засаду, чтобы узнать у Эльчина, куда делась птица. Эльчин указывал на море.

— Ушла.

Не успел Тофик сделать несколько шагов к скалам, как услышал голос Эльчина:

— Не зевай!

Тофик обернулся и увидел, что несколько уток летели цепочкой с берега в море. Он вскинул ружье, прицелился в самую переднюю утку и выстрелил. И удивился — птицы, как ни в чем не бывало, продолжали лететь. Почему же так получилось?!

Тофик смотрел вслед удаляющимся уткам. Он никак не хотел поверить, что не попал с такого близкого расстояния. Действительно, если бы птиц было две или три, он бы в них не попал, но на его счастье их было шесть... Дробь, хоть и случайно, попала в одну из них. Он увидел, что летевшая последней птица начала хлопать крыльями и кружиться на одном месте, потом, сложив крылья, камнем упала в море. Из засады послышался голос мастера:

— Ай спасибо, ай молодец!

Тофик быстро кинулся в море, залез по колению в холодную воду, достал утку и высоко поднял ее над головой. Утка билась у него в руке, и ее кровь, смешанная с морской водой, брызгала в лицо Тофика. Но он не чувствовал ни режущего холода воды, ни морозного ветра, не слышал шума и грохота волн, которые с ревом мчались за его спиной к берегу. Он не чувствовал никакого страха и, гордо улыбаясь, нес свою добычу. Он не сказал ни слова, но глаза его будто говорили: «Ну, как вам нравится Мимоза?!»

Мастер еще раз похвалил его:

— Молодец, из тебя выйдет хороший охотник! Но только напрасно ты полез в воду. Волны все равно выбросили бы птицу на берег...

Эльчин, подойдя к товарищу, протянул ему руку. Тофик подумал, что он хочет взять ружье. Но Эльчин, схватив его руку, в которой он держал подстреленного чирка, крепко пожал ее.

Всегда, когда они сдавали экзамены на «отлично», они так же поздравляли друг друга.

Отец Эльчина, знаменитый мастер-нефтяник, опытный охотник, назвал его хорошим охотником. Разве это не то же самое, что отличная оценка на экзамене?

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

Мой товарищ рассказывал мне о тех местах, куда мы собирались поехать на охоту.

— Селение в болотной местности, со всех сторон камыши и вода. Когда дождь или снег, то можно охотиться не выходя из дома. С порога шагай прямо в лодку...

Охотники, как многие поэты, любят преувеличения, и я, чтобы узнать действительное положение вещей, спросил:

— Подожди-ка, дорогой мой. Лучше скажи, удастся там подстрелить что-нибудь или нет?

— Что ты? Да за один день ты израсходуешь не менее двух-трех сотен патронов.

— Чтобы попусту тратить патроны, не стоит ехать в такую даль. Скажи мне, ты сам бывал в тех местах?

Мой друг немного смутился, несколько раз глотнул воздух и не совсем уверенно сказал:

— Бывал, даже несколько раз...

— Например, когда?

— Года три-четыре тому назад.

— Дорогой мой, в нашей стране за три-четыре года совершаются такие дела, которые в другой стране и за сорок лет не делаются. Может быть, там сейчас...

— Что же, по-твоему и болота высохли и климат изменился? — прервал он меня.

— Очень может быть.

Словом, после долгих споров решили все-таки ехать.

Мой друг предупредил нас, что дорога очень плохая; если пойдет дождь или снег, то часть дороги, километров десять-пятнадцать, придется ехать на быках. К тому же, поскольку селение расположено в болотистой местности, там безусловно есть малярия, поэтому мы должны в день три раза принимать хинин.. Будучи врачом, он всегда имел при себе всякие лекарства.

Первое затруднение, о котором предупреждал мой друг, нам не пришлось преодолевать. С асфальтированной дороги мы свернули на прекрасную дорогу с указателями и дорожными знаками, которая вела к селению.

Мой друг, который ездил туда по ухабистому пуги, зимой непроходимому от грязи, а летом от пыли, утверждал, что это не та дорога. Шофер же говорил, что именно эта дорога ведет к селению и что она проложена два года назад.

Проехав несколько километров по этой спокойной и удобной дороге, мой друг стал озираться по сторонам и, наконец, крикнул шоферу:

— А ну-ка, остановись. Я же сказал тебе, что это не та дорога.

Мы вышли из машины и стали осматривать местность. По обеим сторонам дороги в два ряда росли деревья. В стороне тянулись необозримые хлопковые поля. Немного поодаль виднелись белые корпуса с красными черепичными крышами, — наверно машинно-тракторная станция, жилые дома, а вокруг — густые заросли деревьев.

Врач, увидев все это, решительно сказал:

— Нет, нет, это не здесь, поворачивай обратно. Мы заблудились...

«Случилось то, чего я больше всего опасался», подумал я, и очень был зол на себя, что так опрометчиво доверился другу.

На охоте ничего нет хуже, как заблудиться. Попусту теряешь время на поиски дороги, устаешь и, вместо удовольствия от охоты, испытываешь только неприятности.

Шофер недовольно сказал:

— И чего вы сомневаетесь, доктор? Я же дорогу хорошо знаю...

— Ведь дорога туда проходила через болото и камыш. Сколько раз мы мучились, вытаскивая увязшую в грязи машину...

— Эх, доктор, — рассмеялся шофер, — мы сейчас находимся как раз посередине этого болота. Оно давно осушено. Видите, что тут теперь: и лес, и поля, и МТС, и жилые дома... Садитесь, нам осталось всего десять-двенадцать километров.

Врач удивленно посмотрел на меня: он не верил ни шоферу, ни своим глазам и все еще колебался.

Я вспомнил наш разговор в городе.

— Все может быть, ты не удивляйся. Ты помнишь рассказ Джабарлы «Фируза»? Уехал бы ты на три-четыре года из Баку, тоже не узнал бы ни окраин города, ни тем более центр... Садись, поедем.

Уже стемнело, когда мы подъезжали к селению. Вдруг по обеим сторонам широкой главной улицы зажглись электрические огни. Мой друг совсем растерялся. Казалось, мы въезжали не в селение, а в один из благоустроенных рабочих поселков, расположенных вокруг Баку.

Мы не знали куда, на какую улицу нам ехать и, остановив машину, спросили двух девочек, одетых в школьную форму, где живет Сулейман-киши (они с доктором были старые друзья, и мы ехали к нему). Школьницы указали нам на прекрасный дом с балконом в пятидесяти метрах от нас. На воротах была кнопка электрического звонка. Доктор нажал ее. Немного погодя открылась маленькая дверца в воро-

тах и вышел мужчина высокого роста, круглолицый, с густыми седеющими усами. Свет от машины бил ему в глаза, и он, чтобы разглядеть нас, приложил руку ко лбу и стал внимательно смотреть на нас. На его груди блестела звезда Героя Социалистического Труда и ленточки орденов и медалей. На нем была серая коверкотовая куртка, такие же брюки-галифе, на ногах коричневые сапоги и на голове кожаная фуражка. Мой друг, кажется, не узнавал мужчину, так же как он не узнал дорогу и деревню, и молча смотрел ему в лицо. Тот сперва удивился, а потом воскликнул громовым голосом:

— Вай, доктор! Добро пожаловать! Какими судьбами!

После взаимных приветствий, обычных для двух давно не видавшихся друзей, я познакомился с Сулейманом-киши.

Нашу машину ввели в просторный и удобный гараж, расположенный напротив ворот. Во дворе, при свете большой электрической лампы, висевшей над лестницей, ведущей в дом, стояли в ряд фруктовые деревья.

Мы, поднявшись по лестнице на балкон, прошли в комнату. Это была по-городскому обставленная, светлая и большая комната. Посередине ее стоял раздвижной обеденный стол, вокруг него были расставлены полумягкие стулья, один угол занимал диван, покрытый тонким кубинским ковром. В другом углу стояло пианино, а рядом — тумбочка с радиоприемником «Баку», дальше — письменный стол, подле него кресло и два книжных шкафа. На стене висела фотография юноши с орденами и медалями на груди.

Сулейман-киши прошел в соседнюю комнату. Я остановился перед окном и смотрел на улицу. Из окна открывался вид на селение с каменными домами и садами, залитыми электрическим светом. Мне вспомнились слова, сказанные моим другом в городе, и я спросил у него:

— Из какого же окна мы будем стрелять уток? Наверное, они сядут на карниз балкона?

А он был и обрадован и несколько раздосадован, что так попал впросак.

— Я и сам в недоумении. Если бы я не видел всего этого собственными глазами, то никогда не поверил бы, что селение может так неузнаваемо измениться за какие-нибудь три-четыре года.

— Чего вы стоите? — сказал вошедший Сулейман-киши. — Умывайтесь и садитесь за стол...

Когда мы сели пить чай, врач достал из сумки коробку с лекарствами и вытащил пакетик с белым порошком. Он жаловался на свой желудок и поэтому всегда принимал соду. Я знал это и нарочно, чтобы подтрунить над ним, спросил:

— Доктор, хину принимаешь?

Сулейман-киши удивленно взглянул на него:

— Вы что, больны, доктор?

Тот промолчал. Я ответил вместо него, что поскольку доктор считает это место малярийным, то он на всякий случай захватил с собой хинин для себя и для меня.

Сулейман-киши рассмеялся:

— Э, старо, доктор. Раньше вы всегда привозили с собой целую аптеку. Но будьте спокойны, теперь здесь, как говорится, даже на пробу ни одного комара не найдете. Как болото осушили и посадили лесозащитную полосу, с малярией было покончено.

Во дворе послышался шум машины. Я выглянул в окно и увидел въехавший «Москвич».

— Кажется, к вам опять гости. Но ведь говорится: «Гость гостю не рад, а хозяин обоим...».

Сулейман-киши даже не посмотрел во двор.

— И эта поговорка, как хинин доктора, устарела. Это в прежние времена было так, что хозяин стеснял гостя, а гость хозяина. А теперь, как говорится, слава колхозу, всего у нас вдоволь: и комнат, и постелей, и еды. Пусть десять гостей приезжают. Милости просим. Недавно у нас во Дворце культуры ребята ставили пьесу. Там один герой говорит: «Раньше мы по одежке протягивали ножки, а теперь одежду протягиваем по ножке...»

Доктор, беспокойно оглянувшись на окно, спросил:

— Сулейман, кто же это приехал?

— Мой сын, — ответил тот и показал на фотографию военного, висевшую на стене. — Он давно из армии. Окончил технические курсы и теперь директором МТС. Машина его собственная, недавно купил..

Мы долго беседовали о сельских и городских новостях и особенно смеялись, вспоминая о том, как доктор не узнавал ни дороги, ни деревни, и считал, что мы заблудились.

Доктор признался, что теперь ему стыдно за ошибку.

— По правде говоря, Сулейман, я не только селение, а даже и тебя не сразу узнал. Ты здорово помолодел.

Сулейман-киши молодцевато покрутил усы:

— А как же? Вы, доктор, очень долго искали секрет молодости, а мы его уже нашли. Когда человек омолаживает страну, землю и природу, то и сам молодеет.

Конечно, все, что мы видели и слышали, радовало нас. Но в душу мою вкралось охотничье беспокойство: раз болото осушено и заросли камыша уничтожены, что мы будем здесь делать, не напрасно ли мы приехали сюда?

Я спросил об этом Сулеймана.

— Не беспокойся.. Азербайджан богат на места охоты. На наш век хватит. Ведь Кызылагачский заповедник находится в соседнем районе. В нашем краю, особенно в южных районах, зимует водоплавающая птица. Разве птицы станут меньше от того, что высушишь болото? Наоборот, раньше маленькие болотца высыхали, а зимой замерзали, и птица тогда улетала в Иран или еще дальше, а то и вовсе погибала. Теперь мы, собрав воду из всех маленьких озер и прудов, создали такое озеро, что ему конца и краю не видно. Там электрическая станция, оросительные каналы. И птицам привольно живется на островах этого озера.

Еще затемно мы вышли из дома, чтобы не опоздать на утреннюю охоту. Когда мы достигли моста с белыми

перилами, перекинутого через широкую канаву, тянущуюся по окраине деревни, Сулейман-киши сказал:

— Вы идите по этой стороне, а я по той. Тут, наверное, будет птица. Если сюда полетят, то вы стреляйте, а если в ту сторону, то стрелять буду я. Но смотрите, будьте осторожны, здесь, среди камышей, можете встретиться с кабаном.

— На что нам кабан, — ответил я, — кому он нужен!

— Нет, нет, если встретите, не упускайте. Не захотите взять с собой, так сдадим его на здешний заготовительный пункт.

Вскоре мы услышали шум в камышах и сразу остановились. На дороге, проходившую неподалеку от канавы, упиравшейся в заросли камыша, вышли два огромных кабана. Один из них, выбравшись на открытое место, остановился и начал осторожно осматриваться, другой, хрюкая, пошел прямо на нас. Первый, постояв немного, двинулся следом за ним. Расстояние между нами всего сорок-пятьдесят метров. В рассветных сумерках кабаны казались огромными и страшными. Но пока стрелять еще нельзя. Расстояние для охотничьего ружья слишком большое. Но для того, чтобы подпустить зверей поближе, нужна была выдержка и смелость. Вдруг врач, который стоял впереди меня, поднял ружье. Чтобы не спугнуть животных и не кричать, я ускорил шаги: надо было удержать моего друга от опрометчивого поступка. Но расстояние между нами было слишком велико: я отстал, заряжая ружье пулями, и не успел. Доктор выстрелил два раза подряд. Эти выстрелы, конечно, были совершенно бесцельны.

Врач так спешил, что не зарядил ружье пулями и стрелял дробью. Я начал укорять его:

— Эх, доктор, что это вы! Разве в кабана дробью стреляют, да еще с такого расстояния.

— Что делать, — с сожалением сказал он, — я не взял с собой пуль.

Внезапно он, широко раскрыв от страха глаза, закричал:

— Идет, идет! — и стал озираться по сторонам, словно ища, куда бы бежать.

Раненый кабан очень опасен, но ведь доктор не мог его ранить — дробь с такого расстояния не могла попасть в кабана. Кабаны должны были убежать, испугавшись звука выстрелов.

Я поглядел в ту сторону, куда смотрел мой друг: одного из кабанов не было видно, другой же, несмотря на выстрелы, шел прямо на нас. Не оставалось сомнения: это был или раненый кабан, или же, что еще страшнее, бешеный. Когда кабан приблизился шагов до десяти-пятнадцати, я поднял ружье и прицелился. Как только раздался выстрел, кабан упал всей тяжестью своего тела на левый бок, вторую пулю я всадил ему в висок.

Сулейман-киши, который слышал выстрелы, но не видел птиц, закричал с другой стороны канавы.

— В чем дело, куда стреляете?

— Кабан! — закричали мы в один голос.

— Убили?

— Убили!

Сулейман-киши, обойдя канаву, подошел к нам. Еще издали увидев лежавшего на земле кабана, он воскликнул:

— Ого! Какой огромный! Молодцы. Начало неплохое...

Сулейман-киши, внимательно оглядев кабанью тушу и два больших острых, как кинжал, клыка, повторил:

— Очень большой. Самое малое — десять пудов. На деньги, вырученные за него, можно купить два отличных ружья. Да еще колхоз выдаст особую премию. — Потом Сулейман-киши удивленно спросил: — Я вижу всего две пули.. А вы сколько раз стреляли?

— Было два кабана, один ушел. — И я рассказал обо всем, что произошло.

Сулейман-киши покачал головой.

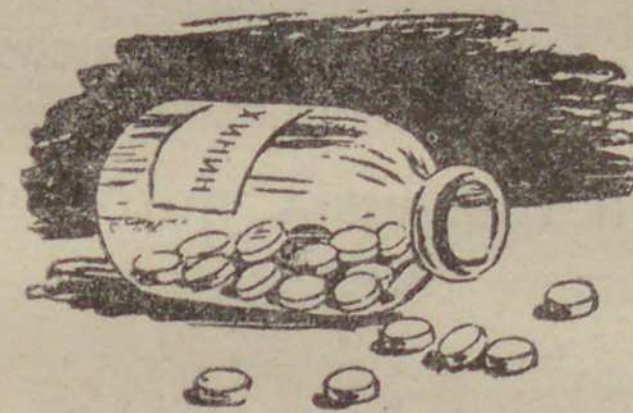
— Ай, ай! Жаль, упустили. Наверное, самка. Она плодиться будет. Хорошо если бы вы и ее убили. Но с этим славно расправились. Пуля угодила прямо в

сердце. Если бы он сразу не свалился, вам бы не спастись от его клыков.

Доктор все еще не пришел в себя от недавнего испуга. При голубоватом свете раннего утра его лицо было очень бледным. Кажется, последние слова Сулеймана снова испугали его. Он только теперь понял, как велика была опасность, которой мы избежали.

Сулейман-киши, поглядев на него, сказал шутливо-надзидательным тоном:

— Эх доктор, до каких пор вы будете таким непредусмотрительным? А сами говорите о предусмотрительности. Маленького комара боитесь, таскаете с собой целый килограмм хинина, а для такого огромного кабана пули не заготовили. Охотник, как воин, всегда должен быть готов ко всякой случайности.

ДВЕ ПУЛИ

СПЕРВА НАЙДИ ТОВАРИЩА, ПОТОМ ПУСКАЙСЯ В ПУТЬ

— Ну как, едем?

— А как же, слово мужчины!

— Это верно, но только знаешь ли ты, сколько снега выпало? Говорят, море у берега замерзло...

— Еще лучше. Может быть, встретим белого медведя и застрелим его. Это ведь особое удовольствие — убить белого медведя на Апшероне.

— Ты все в шутку превращаешь, а я серьезно говорю. Подумай как следует. Я за то, чтобы поехать. Такое в сто лет раз бывает, чтобы Каспий у берегов замерз... Пусть даже и поохотиться не сумеем, зато поглядеть на это интересно. Но если ты решишь поехать, то не будь, как всегда, раззявой. Возьми все, что необходимо. Смотри, я заранее предупреждаю, что ничего тебе не дам. Потом не обижайся. Подумай как следует и соберись как следует. И чтобы ружье и патроны не забыл дома.

— Ладно, ладно, раз уж едем любоваться на льды, а не охотиться, зачем же ружье и патроны?

— Тогда хоть оденься потеплее, чтобы не простудиться.

— Вот это — другое дело, но это ты прежде себе скажи. Я повидал зиму на Урале и поохотился там. Такие морозы и снега для меня — сущий пустяк.

Приятели, подшучивая друг над другом, решили, что завтра рано утром отправятся в путь первым электрическим поездом.

Один из них, который давал советы товарищу, был инженер Эльхан, хоть и не старый, но опытный охотник. Еще учась в техникуме, а затем в институте, он проходил практику на нефтяных промыслах и исколесил весь Апшерон. В последние годы он заведовал электрооборудованием морских буровых и считался одним из лучших инженеров. Эльхан был предусмотрителен и требователен к себе и к товарищам не только на работе, но и на охоте.

Его собеседник «уралец» Октай, был совсем другого склада. После окончания ремесленного училища он прошел практику на большом уральском сталелитейном заводе и теперь работал в Баку. Насколько он был точен, внимателен и дисциплинирован на работе, настолько безалаберен, неаккуратен в охотничьем деле, хотя очень любил его. Иногда случалось, что, придя к месту охоты, он обнаруживал, что оставил патроны дома. Однажды вместо ружья он взял треножник из-под фотоаппарата, в футляре.

Поэтому Эльхан и советовал запастись всем необходимым, так как на этот раз им предстояло охотиться в условиях зимы, невиданной на Апшероне. Нужно быть ко всему готовым и хорошо снаряженным.

Эльхан и Октай сошли с электрического поезда задолго до восхода солнца. Обильно выпавший снег отражал безоблачное, звездное морозное небо, и все кругом было хорошо видно. Товарищи огляделись. Было странно, что на этой приморской станции, куда

всегда в это время года по выходным дням приезжало много охотников, вышли только они.

Поезд низко и гортанно проревев, тронулся в путь. Друзья направились к асфальтированной дороге, ведущей к селению, расположенному на берегу моря.

Эльхан дошел до конца перрона и стал спускаться по ступенькам. Ему показалось, что лестница кончилась, он шагнул вперед и провалился по пояс в снег. Тогда он снова поднялся по ступенькам. Только сейчас они поняли, почему здесь нет других охотников. Снег выпал слишком глубокий. Но как бы там ни было, должны же быть люди, которые вчера шли со станции в селение и обратно? Какой же дорогой они шли?

Эльхан подумал, что люди, наверное, ходили напрямик, старой дорогой. Он направился по перрону в обратном направлении. Там перрон был намного выше, и снег сдувало ветром. Но все-таки он доходил до колен. В снегу, в сторону селения, тянулась узкая тропа.

На Апшероне, действительно, никогда не видели такой снежной зимы. Снега выпало столько, что сообщение между станцией и селением было прервано. Рабочие нефтяных промыслов, живущие в селении, убедившись, что машина, которая каждое утро приезжала за ними и отвозила их на работу, в такую погоду не приедет, рано утром гуськом, ступая друг другу в след, пошли на станцию, чтобы вовремя успеть на работу.

Эльхан, найдя эту тропу, обрадованно позвал Октая:

— Иди за мной.. Спасибо нашим рабочим. И на работу успели и нам дорогу проложили. Не то не прошли бы.

Трудно было назвать тропой то, чему они так обрадовались. Просто по снегу тянулась цепочка глубоких следов, оставленных ногами полутора десятка людей, прошедших здесь недавно. С большим трудом двигались вперед друзья. На холмистых местах снег был по колено, а на ровных — доходил чуть не до плеч. Приходилось волочить ноги, как это делают,

когда идут по пояс в воде. Пройдя несколько метров, друзья распахнули свои полушубки.

Они глубоко и часто дышали, словно долго и быстро бежали, от них шел пар. Стоял мороз, вокруг искрился снег, а они обливались потом, как в жаркий летний день. Эльхан, шедший впереди, остановился и положил на снег рюкзак и футляр с ружьем. Они тотчас же провалились в снег, и отойди он на несколько шагов — вряд ли смог бы он найти их быстро.

Октай, который шел с опущенной головой, не заметив, что Эльхан остановился, наткнулся на него. Тропа была узкой, он потерял равновесие и упал в снег, вернее не упал, а сел — снег был по пояс.

— Ну, что случилось, — спросил Октай, — чего остановился?

— Как это, чего остановился? Я хоть стою, а ты уже лежишь...

И правда, Октай, сам того не замечая, постепенно, под тяжестью рюкзака и ружья, повалился в снег, увязли также рюкзак и ружье. Он попытался встать на ноги, при каждом движении его голова и плечи, под тяжестью рюкзака и ружья, уходили все глубже в снег, а ноги болтались в воздухе. Эльхан не мог удержаться от смеха.

— Эх ты... нырни и ступай под снегом. Еще, еще, вот так...

После долгой возни, Октай, наконец, перевернулся лицом вниз, поднялся на ноги и заворчал, отряхиваясь:

— Ты тоже хорош, стоишь в стороне, как столб.

— Ничего, все к лучшему, закалишься. Да к тому же ты уралец, такие вещи тебе нипочем.

— Ладно, ладно... А чего же мы стали?

— Слушай-ка, Октай, шутки в сторону. Давай подумаем, как быть дальше? Нам надо пройти десять километров. Мы еще и полкилометра не одолели, а уже обливаемся потом... Ну, что ты скажешь?

— Нехорошо возвращаться. Идем, была не была...

Эльхан и не собирался возвращаться. Он еще ни разу, даже в бурю, не позволял себе этого. Он хотел только испытать товарища.

— Давай тогда что-нибудь придумаем. Так идти невозможно.

— А что делать? Не изобретем же мы здесь сани или еще что-нибудь...

— А почему бы не изобрести? Изобретем, и еще какие...

Немного пораздумав, друзья уложили свои рюкзаки, ружья и полушубки на клеенчатый плащ Октая и перевязали наподобие лодки. Связав ружейные ремни и свои пояса, они прикрепили их к этому подобию «саней» и стали тянуть их по гладкой поверхности снега. Им стало легче, «сани» скользили, не требуя особых усилий. Тут возник вопрос: кому тянуть их? Сперва тянули вместе. Но сойти с тропы было нельзя: они сразу увязали в снегу. Когда же пошли друг за другом, разгорелся спор.

— Слушай, сани не хочешь тянуть, так хоть себя тяни — подшучивал Эльхан. — Может и сам сядешь в сани?

— Сани-то я тащу, а вот ноги свои тащить не могу. Немного погодя Октай проговорил:

— Эх жаль, не взяли с собой собак, впрягли бы их в сани. Раз уж такая зима, мы бы, как на севере, на собачьих упряжках.

— Как бы не так... Боюсь, не пришлось бы тебе и собак тащить на себе.

— А еще лучше, набрести бы здесь на пару оленей, да заарканить их, так бы и помчали они нас до самого места.

— А может пара лебедей? Каждый оседлал бы одного, а пожитки тянулись бы за нами...

— Ну, знаешь... если мы будем так идти, не помнит ли нам кто-нибудь охоту барона Мюнхгаузена.

— А почему ты не говоришь о Приме?¹

Октай, занятый разговором, совсем забыл о санях и не тянул их, а почти повис на ремне.

Эльхан, почувствовав лишнюю тяжесть, остановился. Октай, идущий сзади, натолкнулся на него и на этот раз уже Эльхан, не сумев устоять, упал лицом в снег.

¹ Охотник-хвостун из азербайджанских народных сказок.

Теперь настала очередь смеяться Октаю. Он нахохотался вдоволь.

— А ну, как себя чувствуешь?

— Смейся, смейся... Как бы не пришлось тебе опять...

Эльхан быстро встал на ноги и стряхивал с себя снег.

После этого друзья решили тянуть сани по очереди.

— Вот смотри, — Эльхан указал рукой вперед, — до того мигающего желто-красного огня тащи ты, а потом буду тащить я.

Октай посмотрел в том направлении, куда указывал Эльхан.

— А где же желтый и красный цвет? — спросил Октай — Это же обыкновенная электрическая лампа...

— Погляди-ка получше..

И в самом деле, ярко вспыхнул красный огонь и в тот же миг исчез; опять виднелся обыкновенный электрический свет.

— А где желтый?

— Немного погоди... Вон, смотри!

На этот раз с такой же силой сверкнул желтый свет и тут же погас. Эти огни рассекали мглу, как огромный сверкающий меч, узкий у рукоятки и расширяющийся к концу.

— Что это такое? — спросил Октай.

— Маяк.

— Маяк? А я в другом месте видел маяк, он всегда, как прожектор, светил ровно.

— И так бывает. Каждый маяк светит по-своему. По свету маяка, по частоте мигания или по изменению его цветов моряки издали определяют место, где они находятся.

— Вот оно что... А я, по правде говоря, ничего не знал об этом. Я думал, что все маяки светят одинаково.

— Ты еще кое о чем узнаешь. А ну-ка, взгляни сюда. — Эльхан повернулся влево, посмотрел на море. Он хотел показать товарищу мигающие маячки, выстроившиеся в ряд далеко от берега, на большом расстоянии друг от друга, по пути следования судов, и

объяснить, что это — маяки, указывающие кораблю путь, не дающие ему сбиться с курса. Но сколько он ни вглядывался, так ничего и не смог увидеть и очень удивился этому.

— Куда ты смотришь?

— Да так, ничего... — смутился Эльхан. — Пошли дальше, а то, как говорят, много сразу узнаешь, — быстро позабудешь.

Друзья медленно двигались вперед. Свет маяка казался близким. На самом деле маяк был очень далеко. Октай совсем выбился из сил, но маяк все не становился ближе.

— Послушай-ка, дружок, маяк-то вовсе не приближается. Ты, видимо, хитришь.

— Кто же к кому должен приблизиться — мы к маяку или он к нам? — засмеялся Эльхан. — Ничего, не хнычь. Осталось совсем немного. Как дойдем до маяка, считай, что мы уже у берега...

НЕ ВСЕ ТО ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ

Друзья подходили к морю. Небо постепенно светлело. Эльхан вскарабкался на бугор, который поднимался от морского берега, подобно плотине.

— Ну, вот и дошли! — и тотчас же воскликнул удивленно и немного испуганно: — Что это такое? — И замер на месте.

— Что случилось?

— Взгляни-ка, мы пришли на северный полюс.

Октай, как ни вглядывался, ничего не мог понять. Перед ним тянулись серые скалы, покрытые снегом. Крупные и мелкие зубчатые обломки беспорядочно громоздились друг на друга, превосходя в три-четыре раза рост человека, а иногда достигая высоты трехэтажного дома. Октай, повернувшись к онемевшему от удивления Эльхану, спросил:

— Море за этими скалами, что ли? А ты говоришь дошли...

— Дойти-то дошли, мы на берегу, но только...

Эльхан замолк. Зимнее, розовое солнце, выглянувшее справа от них из-за скал, уходящих далеко в

море, объяснило им все. Пред глазами двух охотников словно бы возник волшебный хрустальный дворец.

Причудливые нагромождения скал, которые недавно казались серыми, вдруг воспламенившись, за сверкали всеми цветами радуги. Это были не скалы, а глыбы льда. Нижние пласты были бутылочного цвета, немного выше — темно-зеленого, еще выше — желтовато-голубого, а самые верхние, отражая солнечные лучи, блистали розово-голубым цветом...

Морские воды, гонимые ветром, дувшим накануне, пробилась между этими ледяными горами и, стекая с острых и прозрачных, как разбитое стекло, граней ледяных глыб, застыли огромными замысловатыми сосульками. Теперь на них падали солнечные лучи, и они сверкали и переливались точно хрусталики, свисающие с люстры.

Все это напоминало громадный, медленно вращающийся калейдоскоп, который создает удивительные сочетания цветов, оживленные игрою света, одно прекраснее другого.

Друзья, застыв, стояли перед этой ни с чем не сравнимой картиной. Они стояли молча, боясь пошевелиться, чтобы не стряхнуть с себя очарование. Наконец, Октай, более нетерпеливый, не выдержал:

— Что это такое, Эльхан? Или, может, мы видим сон? Жаль, что никто из нас не поэт, не художник, а то бы мы...

— Если бы мы были поэтами или художниками, мы сейчас храпели бы в своих мягких, теплых постелях. Что им делать в этих местах в такое раннее утро, в такой мороз? В музеях довольно картин, а в библиотеках книг, которыми они могут спокойно пользоваться.

— Если даже охоты не будет, то и того, что мы видим, хватит с нас. Ты только взгляни! — Но Октай с удивлением заметил, что Эльхан не только не любит открывшимся перед ними видом, но даже чем-то обеспокоен. — Что ты молчишь? Бесчувственный ты, что ли?

— Знаешь что, Октай, есть хорошая русская пословица, — не все то золото, что блестит... Хоть эти льды

и кажутся очень красивыми, но могут принести большую беду. Подует сильный ветер, они придут в движение и нанесут немалый ущерб нашим морским буровым.

Как будто в подтверждение его слов, небо начало темнеть, подул быстро усиливающийся северный ветер, ледяным холодом обжигавший лицо.

В один миг тучи заслонили солнце. Раздался странный, все усиливающийся гул. Казалось, будто где-то били стеклянную и фарфоровую посуду и обломки бросали с большой высоты в воду.

Приглушенный шум волн, разбивавшихся о льды, примешиваясь к этим звукам, сливался в общий грохот. От недавнего сказочного видения не осталось и следа. Ледяные глыбы, тускло блестевшие в сумерках, толкали, давили, крошили и кромсали друг друга.

Льдины двигались, и все вокруг дрожало, как при землетрясении.

Вдруг вдали будто сверкнула молния. Хоть и не было видно ее голубых зигзагов, но вся земля и небо осветились красно-белым светом. Она сверкнула еще несколько раз подряд. Вслед за ними раздался гром, много страшнее небесного.

Эльхану и Октаю показалось, что земля задвигалась. Это еще можно было себе представить. Но гром и молния в это время года были невероятны... Что же это было?

Друзья не могли знать, что это сверкали и грохотали «катюши», в свое время громившие на фронтах фашистских захватчиков. Теперь они громили «ледяную армию», которая двигалась, грозя разрушить нефтяные вышки.

Казалось, разгневанная природа пошла в поход на человека, осмелившегося подступиться к сокровищам, спрятанным у нее на груди.

Давно шла борьба между сильным и смелым человеком и надменным, беспокойным морем. Когда человек вонзил в его бушующую грудь первые свои стальные вышки, море взбурлило, вскипело и призвало на помощь мощные подземные силы. Пенистые волны воспламенились, дохнули огнем. Но смелый человек

не испугался, не отступил, поднял нефтяные фонтаны выше морских волн, потушил пламенные воды, пронзил сердце моря, взял его кровь...

Человек создал на бушующих волнах высокие буровые вышки. Море еще больше разъярилось, его прерывистое дыхание слышали бешеные ветры, прилетели к нему, и море начало наступать на буровые своими белогривыми волнами, с воем, похожим на вой дивов. Оно поколебало, но не сумело свалить нефтяные вышки.

Человек, черпающий силу и мощь из своего разума, проложил мосты-эстакады, построил дома, создал город над бушующими волнами.

Теперь человек и на море, как и на земле, — полновластный хозяин. Здесь он работает и отдыхает, строит и веселится.

И море начало последний бой, бой не на жизнь, а на смерть. Оно, собрав целое войско ледяных глыб, с диким ревом пошло в наступление на человека. Оно хотело разрушить все, что создано им в течение долгих лет упорным, мужественным и благородным трудом...

Самолеты, прорезая тучи, носились над морем. Они разноцветными ракетами указывали, где самое большое скопление враждебных сил, огромные ледяные глыбы, которые медленно, но упорно двигались к буровым вышкам, эстакадам и домам. С берега тяжелые орудия посылали туда свой огонь, ломали и крошили ледяные громады.

Это была война. Самая настоящая война между человеком и слепыми силами природы. Тяжелая война не прекращалась ни днем, ни ночью. Наконец, победил человек. Советский человек!

Молодые друзья-охотники слышали первые залпы этой невиданной доселе войны.

— Что это такое, Эльхан? — тревожно спросил Октай.

— Сегодня какой-то особый день. Этот снег, эти льды, эти молнии и гром... Все это так удивительно!

ОСТОРОЖНОСТЬ КРАСИТ ГЕРОЯ

Друзья отошли далеко от прибрежной полосы к скалам высотой в рост человека. Лет тридцать-сорок назад они служили естественными засадами для охотников. Но за последние годы Каспий обмелел, и эти скалы оказались на расстоянии пятидесяти-шестидесяти метров от берега. Теперь молодые охотники прятались за этими скалами от свирепого ветра.

Ветер усиливался, тучи сбивались плотнее, становилось все холоднее. Холод гнал на юг бесчисленные стаи птиц, которые до тех пор прятались то там, то здесь.

Птицы летели на этот раз не так, как они летят в обычное время — по определенной линии, соблюдая осторожность, далеко от берега, теперь они летели и справа и слева, заполняя все пространство. Холод гнал их, и они, несмотря на неумолчную стрельбу, стремительно уходили на юг. Это был не перелет, а бегство.

Оба охотника едва успевали заряжать ружья. Ружья, нагреваясь от непрерывной стрельбы, жгли руки сквозь перчатки. Охотники охлаждали стволы, погружая их в снег, и снова принимались стрелять. Менее опытный Октай, не разбирая, близко они, далеко ли, стрелял в каждую птицу, которая попадалась ему на глаза. Эльхан же терпеливо и осторожно выбирал цель. Он стрелял наверняка, почти без промаха.

Не прошло и часа, как появились крупные птицы и в еще большем количестве. Октай возбужденно крикнул:

— Эльхан, у тебя есть патроны?

— Что, опять начинается?..

— Нет, правда, есть?

— Ну есть, а что такое?

— Дай несколько штук.

— Калибр моего ружья — двенадцать, а твоего — шестнадцать, не подойдут!

Как ни был неопытен Октай, он хорошо знал, что это верно. Но он был настолько разгорячен, что некогда было думать об этом.

— Дай, может быть, подойдут.

Эльхан громко засмеялся:

— Если бы ружейные стволы были сделаны из резины, тогда, может, и подошли бы.

Немного погодя и у Эльхана кончились патроны, заряженные дробью — для охоты на птиц. У него оставалось только два патрона с пулями — на случай встречи с кабаном, волком и другим хищным зверем. Октай, увидя эти патроны, обрадовался:

— Видишь, у тебя осталось два патрона, ну заряди ружье и стреляй! Вот, гляди, видишь стаю гусей?

— Не только в гусей, даже в золотых лебедей стрелять не буду.

— Почему же?

— Потому что это пули. У охотника на всякий случай всегда должно быть при себе несколько пуль.

— По-твоему, на нас могут напасть волки или медведи?

Октай произнес эти слова с иронией.

— Как знать? Все может быть...

— Разве кто-нибудь когда-нибудь видел здесь — не говорю уж волка или медведя, а хотя бы шакала?

— А разве здесь кто-нибудь видел зимой ледяные горы, молнию и гром?

Как Октай ни настаивал, Эльхан был непоколебим. Они и так подбили много птиц. Собрав и связав их, они уселись за скалами и принялись завтракать.

Эльхан, попивая горячий чай из термоса, внимательно смотрел на берег, на медленно двигавшиеся ледяные глыбы, громоздившиеся друг на друга. Потом он увидел темное пятно, двигавшееся по льду к берегу. Оно походило на ползущего человека. Эльхан застыл со стаканом в руке.

— Что ты опять увидел? — заинтересовался Октай, но когда он хотел повернуться и посмотреть, Эльхан остановил его:

— Погоди, погоди, не двигайся, смотри сюда, через скалы, видишь?

В это время темное пятно исчезло в расщелине льда.

— Нет, ничего не вижу, а что там такое?

— Пока я и сам не знаю, сейчас узнаем.

Темное пятно вновь показалось на широкой льдине.

— Смотри, — сказал Эльхан, подтолкнув Октай.

— Да, да, вижу, что это такое?

— Тюлень.

— Какой большой!

— Молчи, посмотрим, куда он поползет.

Друзья, притаившись за скалой, стали внимательно следить за тюленем. Он проворно пробирался между ледяными глыбами, с высоких льдин легко соскальзывал вниз, слишком высокие льдины обходил. Он то исчезал, то снова появлялся. Иногда он останавливался, поворачивая голову из стороны в сторону, обнюхивал воздух и снова двигался вперед, приближаясь к берегу. Эльхан посмотрел на берег, куда полз тюлень. На расстоянии метров двухсот от того места, где они сидели, что-то желтело. Эльхан долго и зорко вглядывался, пока понял, что это осетр, выброшенный, видимо, на берег северным ветром, пригнавшим ледяное поле. Все стало понятным. Тюлень, который приплыл сюда надвигающихся льдах, наверное, очень проголодался. Ледяные глыбы преградили ему путь к морю, и он не мог найти никакой пищи. Теперь же, почувствовав запах жирного осетра, он полз, чтобы утолить голод.

Эльхан зашептал на ухо Октаю:

— Верно говорили отцы: желудок приносит голод.

— Что это значит?

— Молчи... тихо... не видишь, что ли, выходит на берег, чтобы насытить желудок... — и он показал рукой на место, где должен был вылезти тюлень.

— Давай подстрелим его! — Октай хотел вскочить на ноги.

— Тише, тише, а то сейчас спугнешь его. Говоришь, подстрелить? Было бы неплохо. Ты смеялся насчет медведя, а это не хуже медведя. Но чем ты будешь стрелять?

— А у тебя же ведь есть две пули.

— Ага... А помнишь, что ты говорил?

Эльхан задумался. Он не знал, тратить ли ему пули, которые он на всякий случай сохранил, или нет? Если стрелять, то значит, оба они, имея в руках ружья, останутся безоружными. А если не стрелять... Но как упустить такой случай? Наконец, он решил, что одну пулю он выпустит, а другую во что бы то ни стало сохранит до конца.

Эльхан не отрывал взгляда от тюленя. Вот он соскользнул с последней ледяной глыбы, выполз на песчаный берег, остановился и начал осматриваться, потом быстро двинулся к рыбе. Добравшись до нее он начал жадно есть. Эльхан зарядил ружье одним патроном.

— А почему одним? — спросил Октай. — Клади и другой, вдруг не попадешь?

— Должен попасть, а если и не попаду, то вторую пулю все равно сберегу.

— Зачем она тебе?

— Зачем, я тебе раньше сказал... Ну ладно, сиди тихо, не выглядывай отсюда!..

Эльхан снял с себя полушубок, взял ружье и пополз к берегу.

Весной сельчане развели здесь огород. Чтобы предохранить его от ветра, морской воды и песка, они возвели изгородь со стороны моря. Эльхан полз вдоль кольев. Ветер сметал снег с берега, но во впадинах было все же много снега, и Эльхан двигался по нему. Эльхан взмок, еще не успев проползти и полсотни метров. Припав к земле, он перевел дух. Осторожно выглянув из-за изгороди, посмотрел на тюленя, все еще занятого едой. Если бы Эльхану удалось приблизиться к нему еще метров на пятьдесят, можно было бы стрелять. Он снова пополз. Прикинув, он увидел, что расстояние между ним и тюленем сократилось метров до шестидесяти-семидесяти. Для охотничьего ружья, даже заряженного пулей, расстояние это было еще велико. Но здесь перед ним лежало открытое пространство — изгородь здесь смыло и унесло в море. Дальше ползти было невозможно. Эльхан прижал ружье к плечу. Тюлень, очевидно почувство-

вав опасность, высоко поднял голову, словно птица, собирающаяся взлететь. Больше нельзя было ждать ни секунды.

Эльхан тщательно прицелился и выстрелил. Как ни был он уверен в себе, он знал, что убить тюленя из охотничьего ружья на таком расстоянии очень трудно.

Тюлень, вздрогнув и, неуклюже подпрыгивая, пополз к льдине, но не достигнув ее, закружился на месте, упал на бок и остался лежать без движения. Эльхан бросился к нему. Октай, выйдя из-за скалы, тоже побежал к товарищу. Странно, что он бежал, захватив с собой незаряженное ружье.

— Ну, молодец, право молодец! — закричал он еще издали.

У тюленя из-под левого плавника все еще текла кровь. Это был крупный тюлень. Его черновато-коричневая шерсть, короткая и мягкая, с мелкими черными полосками, уходящими под живот, походила на мрамор, иссеченный прожилками. Голова его, очень маленькая по сравнению с туловищем, напоминала мяч.

Эльхан достал финский нож, который всегда брал с собой на охоту, и начал снимать шкуру с тюленя.

— Что ты с ней будешь делать?

— Если бы было две шкуры, вышел бы хороший полушубок. А из одной я сошью пару хороших охотничьих сумок. Одну себе, а другую дам тебе, чтобы ты крепко помнил: всегда на всякий случай нужно иметь при себе несколько пуль.

СБЕРЕЖЕННОЕ ОРУЖИЕ КОГДА-НИБУДЬ ПРИГОДИТСЯ

Друзья, вернувшись к своей стоянке, стали собираться. Они кончили охотиться еще до полудня.

На этот раз, хотя ноша их и была тяжелой, идти им будет гораздо легче: они нашли на берегу несколько сучьев и смастерили что-то похожее на сани. Постелили на них шкуру тюленя, положили сверху

свои пожитки и подбитую дичь. Эти самодельные сани легко скользили по снегу, казалось даже — они двигались сами по себе. От моря до садов, на расстоянии около полукилометра, снега было сравнительно меньше, он здесь покрылся коркой. Стоило на нее наступить — она тотчас трескалась, и ноги увязали в сухом, хрустящем снегу.

Когда охотники приблизились к садам, идти стало трудней. Здесь была низина, и ветер доверху намел в нее снега со всех бугров. Были тут и глубокие ямы, откуда в свое время добывали строительный камень, и водяные колодцы. Теперь все они исчезли под снегом. Идти здесь было не только трудно, но и опасно. Можно упасть в колодец и переломать себе ребра.

Эльхан, знавший в этой местности каждый клочок земли, шел впереди и выбирал дорогу. Октай же с санями двигался сзади. Поверхность снега была гладкой и чистой. Эльхан увидел на снегу странные следы — словно здесь волокли что-то тяжелое. Отпечатки ног ветер замел, и трудно было разобрать, кто здесь прошел — человек или животное.

Эльхан остановился и стал внимательно осматривать все вокруг. Но он ничего не смог понять.

Неподалеку уже начинались маленькие дачные дома. Виднелись низкие, полуразвалившиеся изгороди, стены, покрытые наполовину снегом, голые ветви чинар и инжировых деревьев.

Октай, мурлыкающий себе под нос какую-то песню, подойдя к Эльхану, спросил:

— Ну что опять остановился, заблудились, что-ли?

— Нет, дорогой мой, мы-то не заблудились, видно, кто-то заблудился. Вот только не пойму кто это. Постой, я посмотрю еще.

— Давай пойдем! Тоже, нашел время разыгрывать из себя следопыта...

— Нет, Октай, ты подожди меня минуты две, я сейчас вернусь. Может быть, это колхозная телка или бычок, жалко, может замерзнуть...

Эльхан пошел по следу. Пройдя немного, он увидел, что след ведет на горку. Снега здесь было мало, и следы отчетливо различались. Эльхан от удивления

застыл на месте. Рука его невольно потянулась к ружью.

На снегу виднелись следы больших лап. Эльхан не мог поверить своим глазам. Он никогда в жизни не видел в этих местах таких следов. Ясно различались круглые отпечатки мясистой ступни и вокруг нее — пальцев с острыми когтями. Понятно, чьи это следы, но поверить этому было невозможно...

Эльхан снял с плеча ружье, зарядил его единственным патроном и начал осторожно двигаться вперед.

Октай, оставшись один, начал от скуки искать, чем бы заняться. Среди подстреленных птиц была красивая утка-пеганка, легко раненная в крыло. Октай хотел довести ее живой до города. Он отвязал эту птицу и стал любоваться ею. Она встрепелась, вырвалась у него из рук и, ударяя здоровым крылом по снегу, припадая на один бок, побежала к саду. Октай не хотел упустить ее и кинулся за ней. Падая и проваливаясь в снег, он пытался поймать птицу. В полусотне метров от Октая она перемахнула через полуразрушенный забор. Октай уже подходил к забору, как вдруг Эльхан, увидев его, предостерегающе закричал:

— Остановись, Октай, назад!

В это время из-за разрушенного забора раздалось грозное рычанье и показалась полосатая голова огромного тигра.

Октай, обезумев от ужаса, повернулся и хотел бежать к Эльхану, но упал лицом в снег. Тигр выскочил из-за забора и прыгнул на Октая. Но не то тигр был обессилен долгим голодом, не то рыхлый снег помешал ему оттолкнуться, он упал в двух-трех метрах от забора. Октай, уже не в силах подняться на ноги, полз к Эльхану. Тот, держа наготове ружье, не отрывая взгляда от тигра, шел вперед.

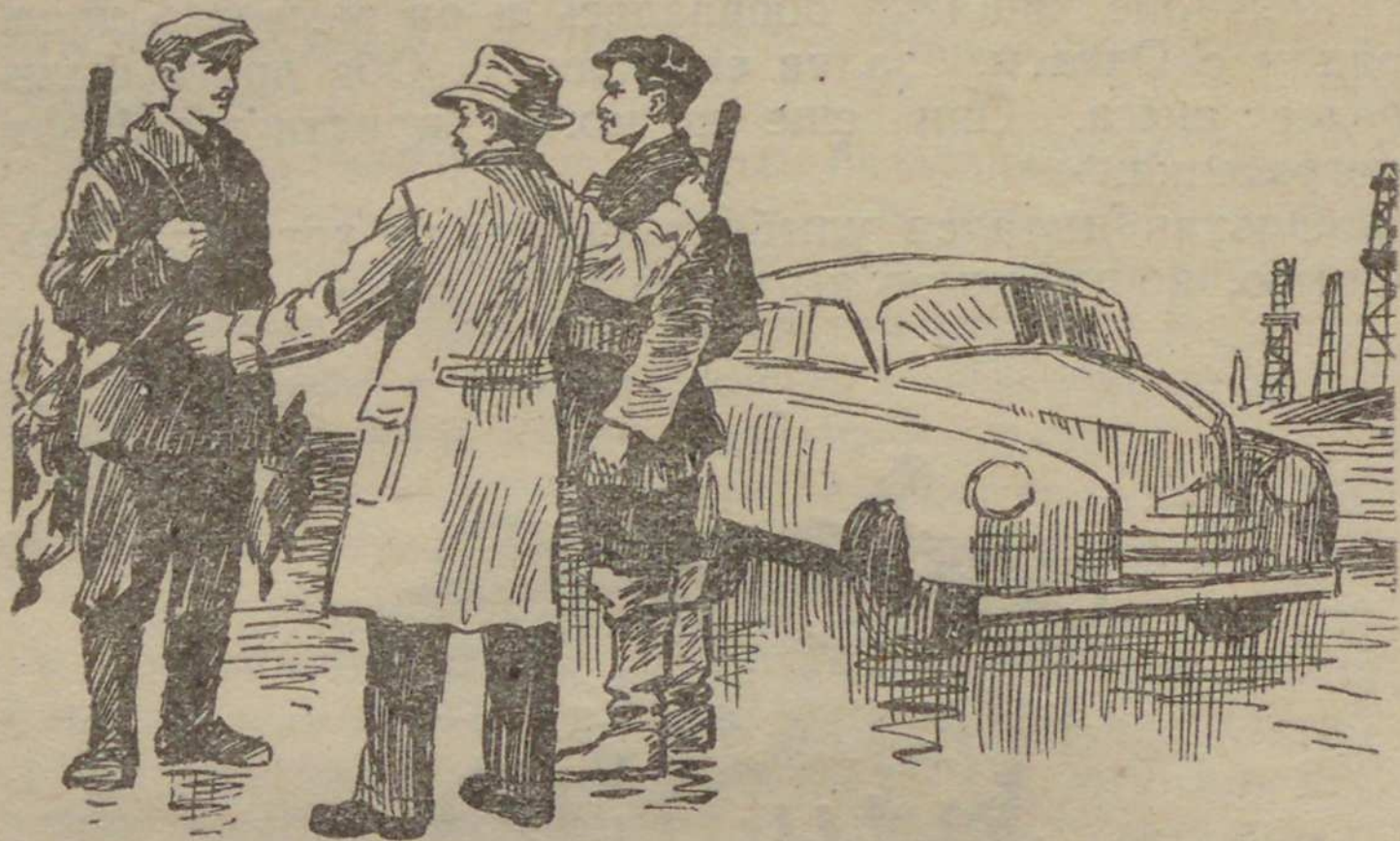
Сейчас нельзя было нерасчетливо выпустить последнюю пулю. Теперь их жизнь зависела от этой единственной пули.

Когда тигр еще раз, яростно зарывав, прыгнул, Эльхан прицелился ему прямо в грудь и выстрелил.

Рычание хищника оборвалось и он замертво упал рядом с Октаем, залит его кровью. Оба друга были белее снега. Они еще не могли прийти в себя от потрясения.

Эльхан пытался улыбнуться, что-то хотел сказать Октаю, но не сумел выговорить ни слова.

ОГНИ ЗАЖГЛИСЬ

Когда наступает пора охоты, на острове Артема, как это всегда бывает вблизи большого города, становится слишком многолюдно, особенно в воскресные дни.

В каждую из каменных засад, расположенных друг от друга на расстоянии нескольких метров по краю дамбы, соединяющей остров с Апшероном, пробираются по два-три охотника. Во время утиного сезона, между ноябрем и февралем, дамба напоминает огневую линию фронта. На всем ее протяжении один за другим раздаются выстрелы.

Но утки летят обычно высоко и не вдоль, а поперек дамбы.

Молодые охотники не жалеют пороха, но дробь не достигает цели, и утки с гоготанием, похожим на смех, пролетают мимо. Будто издеваясь над незадачливыми охотниками, они проносятся у них на виду, садятся на воду, ныряют и беспечно резвятся...

С дамбы на море открывается удивительная картина, будто на поверхности воды, метрах в ста от берега, проведена какая-то невидимая линия.

Утки, кашкалдаки, водяные куропатки будто знают дальность прицела ружья лучше многих опрометчивых охотников и ни на шаг не переходят эту линию. Они плавают пестрыми стаями и хлопают крыльями. И даже, положив голову на спину, дремлют, равнодушные к ружейной пальбе.

Но горе той птице, которая перейдет эту черту или же полетит вдоль дамбы: каждый взмах ее крыльев будет сопровождаться бесчисленными выстрелами, и один из них обязательно собьет ее.

Всякому, не только охотнику, доставит удовольствие стоять в стороне и наблюдать эту картину. Охота здесь требует особого умения и ловкости. Скорость и направление ветра и полета птиц, расстояние до них от засады требуют особого навыка, чтобы в какую-то долю секунды прицелиться и выстрелить, да при том еще так, чтобы птица упала на дамбу. Если она упадет в море, то ветер унесет ее и она достанется рыбам.

Конечно, такая охота очень трудна, нужны быстрота, точность глазомера, совершенная меткость стрельбы. Но разве самая трудность достижения цели не делает ее более желанной?

Мой друг, заведующий одним из нефтяных промыслов на острове Артема, пригласил меня на охоту. Хоть сам он и не был охотником, но любил наблюдать за охотой и умел хорошо принять гостя. Он имел квартиру из двух комнат, был приветлив и умел хорошо заваривать чай. А что еще нужно охотнику?

Однажды я возвращался с охоты с пустыми руками и понуро опущенной головой. Мой друг, провожая меня, подбадривал и приглашал снова приехать

— Повидаться и побеседовать — с удовольствием, — сказал я, — но на охоту сюда я больше не приеду. Не могу охотиться в таком шуме. Здесь охотников больше, чем птиц.

— Ничего, ты еще разок приезжай. Здесь много укромных мест для охоты. Я тебя познакомлю с одним молодым парнем, он знает все эти места.

— Это другое дело... Были б живы... — неохотно согласился я и собрался тронуться в путь.

— А ну-ка, погоди, погоди! — неожиданно остановил он меня и начал кого-то громко звать: — Рашид, Рашид! Иди сюда побыстрей!

Я выглянул из машины: кто-то, весь увешанный птицами, тяжело ступая, выходил на асфальт дороги. Птицы, висевшие на нем, раскачивались из стороны в сторону, как маятник. Он приближался и уже можно было ясно разглядеть птиц. Я не поверил своим глазам. Он нес селезня, плосконоску, шилохвость и даже несколько черных гусей.

— Вот уж никогда не думал, что здесь можно настрелять таких птиц!

Я, словно очнувшись, взглянул на удачливого охотника. Судя по его богатой добыче, я ожидал увидеть опытного пожилого мужчину. Но передо мной стоял высокий, широкоплечий юноша лет двадцати, со сросшимися черными бровями, карими глазами и с тоненькими усами.

— Он на охоту приехал, — сказал обо мне мой друг. — Мы перед ним в долгу. С пустыми руками возвращается и решил больше сюда не приезжать... Возьми ты его с собой на то место, где ты охотишься, пусть вдоволь постреляет.

Рашид немного замаялся. Мой друг не заметил этого, но я, зная, как хранят охотники в секрете хорошее место, догадался о причине замешательства. Юноша перехватил мой взгляд.

— Зачем же оставаться в долгу? — и, сняв с плеча связку птиц штук в двадцать, протянул мне: — Пожалуйста, возьмите с собой.

— Большое спасибо, — ответил я. — Но мне нужна не битая птица, а такая, которую можно стрелять.

Рашид, слегка помрачнев, сказал:

— Ну ладно, пока возьмите эту, а в следующий раз пойдем вместе...

Как ни просили меня мой друг и Рашид взять с собой несколько птиц, я не соглашался...

Тогда глаза Рашида сверкнули.

— Раз так, то оставайтесь. Утром посмотрим...

Это значило ответить на вызов вызовом. Мои слова и отказ от птиц распалили охотничью страсть юноши. Мне же только это и нужно было.

Вечером мы с моим другом пошли во Дворец культуры. На асфальтированной улице, по обе стороны которой выселись красивые новые дома, было светло как днем. Несмотря на то, что осень подходила к концу, в садах, разбитых перед домами, пестрели яркие цветы. Деревья, посаженные вдоль улицы, образовали прекрасную аллею. Она тянулась до сада, зеленевшего вокруг дворца. И казалось, что дворец, похожий на огромный, величественный корабль, плыл рассекая ветви деревьев, блестящих в лучах яркого электрического света.

Пестрые афиши и объявления у входа говорили о кипучей жизни дворца: спектакль драмкружка, в кинозале фильм «Советский Азербайджан», календарь футбольных матчей между местными командами, лекции о международном положении, шахматный турнир, выступление ансамбля народной песни и пляски учащихся местной средней школы и многое, многое другое...

В просторном светлом фойе дворца стояла доска почета с портретами передовых нефтяников острова. Среди них я увидел портрет молодого мастера нефти Рашида, с которым я уговорился утром пойти вместе на охоту. Мой друг указал мне на фотографию другого молодого человека, висевшую рядом с портретом Рашида. С отеческой любовью глядя на них, он сказал:

— Оба они замечательные ребята. Второй — это друг и «соперник» Рашида — Алексей. Они бригады соревнующихся комсомольских бригад. Обе бригады выполняют план на сто пятьдесят — сто восемьдесят процентов. Они и соревнуются и очень часто, собравшись вместе, советуются, помогают друг другу...

Мы гуляли по фойе. Из одного зала неслись звуки

народной песни под аккомпанемент тары и кеманчи¹. В другом громели бурные аплодисменты, из одной комнаты доносилось постукивание нард², в другой в полной тишине играли в шахматы.

В конце фойе была большая комната, освещенная настольными лампами с зелеными шелковыми абажурами. В ней стояли глубокие кресла и диваны, на круглых столах, покрытых зеленым сукном, лежали свежие газеты и журналы. Это была комната отдыха. Одни тут читали газеты и журналы, другие, удобно усевшись на диване и облокотившись на руку, о чем-то задумались.

— Что ж, посидим, отдохнем немного? — предложил мне друг.

— Неплохо бы, я ведь очень устал за день.

Мы сели в кресла, стоявшие в дальнем углу.

— Ну, как тебе нравится наш дворец? — спросил мой друг.

— Тут просто замечательно! — с готовностью откликнулся я. — По правде говоря, я никак не предполагал, что на вашем маленьком острове может быть такой прекрасный Дворец культуры. Особенно радуется, что здесь столько народу. Наверное, это потому, что сегодня выходной.

— Да, многие так думают, — улыбнулся мой друг. — Но это неверно. Здесь каждый день так: промыслы работают круглые сутки, день и ночь, поэтому здесь и в будни то же, что и в выходные дни. Те, которые работают сегодня, будут отдыхать здесь завтра. И опять, как и сегодня, будетлюдно и весело. Но часто, говоря о наших достижениях, о самоотверженном труде, вовсе забывают про это. Недавно я прочитал книгу, написанную об известном мастере нефти, и очень разозлился. Получается так, будто этот нефтяник понятия не имеет об отдыхе. Он настолько устал, что дремлет в машине. Шофер же, жалея его, останавливает машину, чтобы бедняга немного отдохнул, а тот

¹ Тара и кеманча — музыкальные инструменты.

² Нарды — восточная игра наподобие трик-трака.

просыпается и велит ехать дальше... Может, иногда бывает и так, но ведь у нас не только трудятся, но и отдыхают — да так, как ни в одной стране мира. Одно дополняет другое. Сколько в нашей стране таких же дворцов культуры как наш, да еще домов отдыха, курортов, санаториев, спортплощадок, театров, кино, стадионов. Разве люди, заполняющие их зимой и летом, — не рабочие и колхозники? Далеко ходить не надо, возьмем наших Рашида и Алексея...

И мой друг с горделивой радостью стал рассказывать, как Рашид и Алексей выросли и стали мастерами нефти, об их прекрасном будущем:

— Рашид — потомственный нефтяник, а Алексей — сын волжского рыбака. Они подружились, когда еще учились в ремесленном училище. А потом приехали на работу сюда, на остров Артема. Тут, работая, они окончили техникум. И сейчас готовятся получить высшее техническое образование. Их бригады — самые передовые на острове. И к тому же Рашид страстный охотник и хороший кеманчист. Он завоевал первое место на бакинском смотре самодеятельности. Алексей же — один из лучших шахматистов республики и талантливый изобретатель.

Живое чувство, с которым говорил заведующий промыслом, передалось и мне. Думая о завтрашней встрече с Рашидом, вернулся я домой и с нетерпением ждал наступления утра.

Было еще совсем темно, когда пришел Рашид. С вечера северный ветер начал крепчать, сильно похолодало.

Рашид, заметив, что я ежусь в холоде осеннего предутрия, засмеялся:

— Самая подходящая погода для охоты. Кажется, вы продрогли. Ничего, скоро согреетесь.

Это была правда. Как бы ни было холодно, в разгар охоты всегда согреешься. Не доехав до места, мы слезли с машины и пошли пешком. Тьма стояла крошечная. Шел мокрый снег вперемежку с мелким дождем. Все усиливающийся ветер острым мечом насквозь пронизывал тело. Я двигался по пятам уверенно шагавшего Рашида. Мы шли молча. Наконец, шум

морских волн, набегающих на прибрежные скалы, и бьющая прямо в лицо соленая водяная пыль указали на то, что мы дошли до берега. Вскоре мы достигли песчаного мыса, который тянулся вдоль моря.

— Дошли!... — Рашид остановился и показал на вырытую в песке засаду, просторную и удобную, выстланную мягкой морской травой.

— Пожалуйста, — сказал он, — садитесь и приготовьте ружье и патроны.

Рашид уселся рядом со мной. Было еще совсем темно, и я спросил:

— Мы поторопились, пока очень рано?

— Нет, — ответил Рашид и указал на восток. — Смотрите, уже светает. Сейчас начнется.

Сквозь разорванные клочья тяжелых черных туч, идущих с севера, виднелось небо, окрашенное в слабый фиолетовый цвет.

— Что это за место? — спросил я у Рашида.

— Самая северная точка острова, — он показал на электрические столбы, стоящие невдалеке от нас на берегу. — Дальше морские нефтяные вышки. Вон виднеются их огни.

— Буровая Алексея там?

— Да, видите с того края свет, это его буровая. Он в ночной смене работает. Вы его знаете?

— Слышал о нем... Кажется, вы с ним соревнуетесь? Как идут ваши дела?

— Отлично. Если буря не помешает, то и в этом месяце мы с ним будем наравне. Мне-то ничего: моя буровая на суше. Алексею трудно бывает в такую погоду. Но он большой изобретатель и, чтобы облегчить работу, постоянно придумывает что-нибудь новое. Если из-за этой бури случится авария, он хлопот не оберется.

— Тогда ваша бригада выйдет на первое место?

— Такое первенство — не доблесть. Нужно самим добиться его.

— Вы, кажется, очень дружны с Алексеем?

— Друзья-то мы друзья, даже больше, чем друзья... Только жаль, что он не охотник. Тут у нас расхождение. Я в шахматы не играю, а он на охоту не

ходит. Но мы уговорились: он научит меня играть в шахматы, а я его — охотиться. Тогда наша дружба будет на все сто семьдесят пять процентов!

Рашид вдруг схватился за ружье. Но было уже поздно. Стайка в пять-шесть уток, как тень, пронеслась над ними.

— Жалко! — Рашид ударил по прикладу ружья. — Прозевали!..

Это были шилохвости, а они не очень часто попадают. Вскоре началась охота. И какая охота!

Резкое похолодание, сильный ветер и снег согнали птиц с насиженных мест. Над нами пролетали то маленькие, то большие стаи и отбившиеся от них птицы — по две, по три. Мы еле успевали заряжать ружья, быстро стреляли и сбивали очень много.

Рашид, несмотря на свою молодость, был умелым охотником. Он не давал промаха, даже стреляя птицу на дальнем расстоянии, и частенько приговаривал:

— Ага! Вот так! Молодец! — А иногда выкрикивал: — Это для Алексея! Это для Маркара! Это для уста-Баба.

Но неожиданное происшествие прервало нашу охоту. Во время сильного порыва ветра в море сверкнула голубоватая вспышка, похожая на молнию, и раздался приглушенный треск.

— Ах ты! — воскликнул Рашид, точно его ранили.

— Что случилось?

— Электрический провод оборвался!

Он вскочил и стал торопливо сбрасывать верхнюю одежду. Однако резиновые сапоги он не снял.

— Что ты делаешь, Рашид?

— Надо соединить провод! — Он нагнулся и поднял кусок медного провода, толщиной в мизинец, который мы употребляли вместо шомпола, и ринулся к морю.

— Рашид, подожди, простынешь! — попытался я остановить его. Но он словно не слышал меня и, уже достигнув полосы прибоя и входя в воду, прокричал мне:

— Ничего не будет! Сколько раз приходилось зимой лазить в воду за птицей.. А там люди работают, машины...

В шуме и завывании ветра я уже не мог больше слышать ее голос.

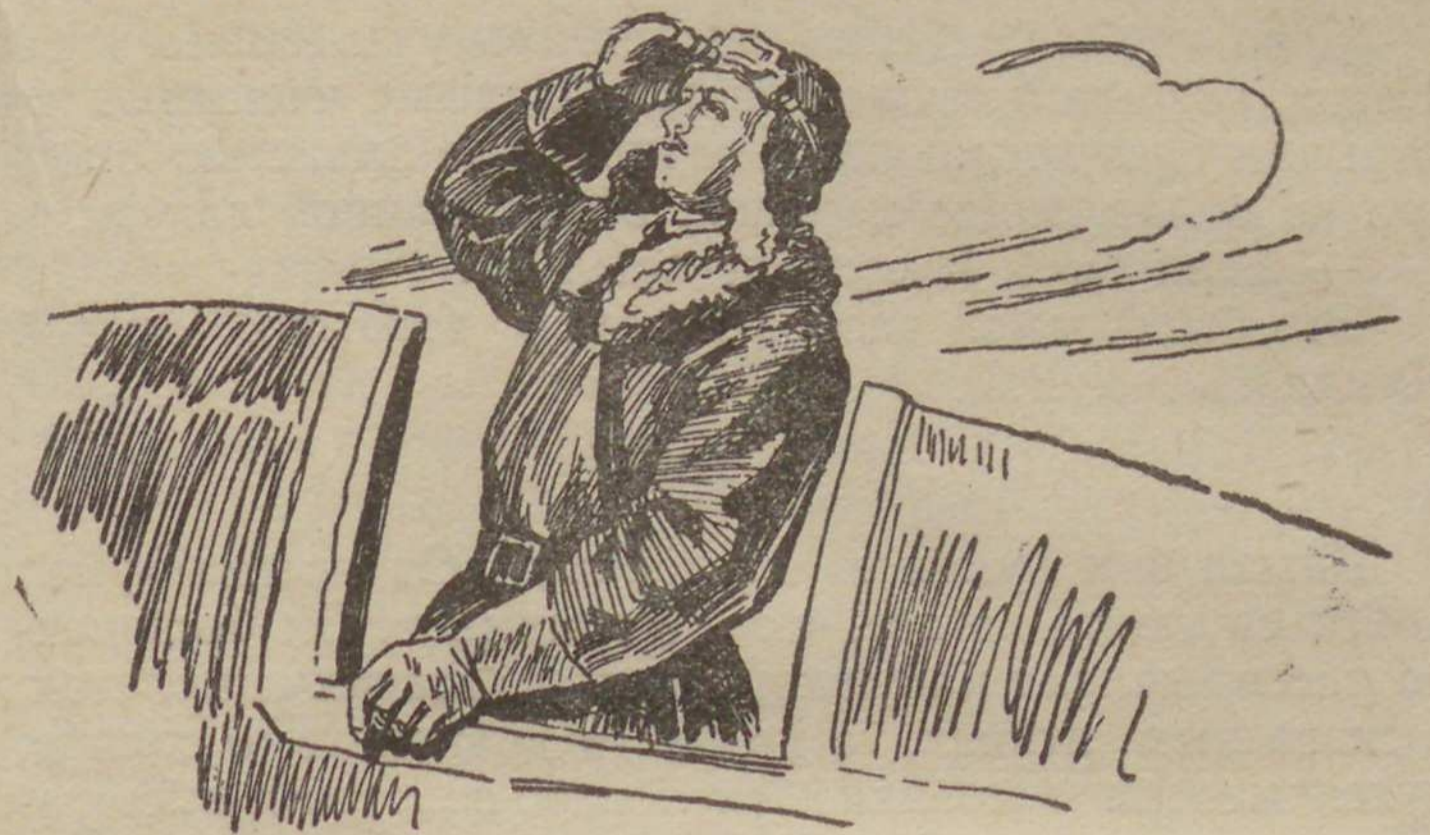
Я восхищался смелостью и самоотверженностью Рашида, но видя, как он в этот пронизывающий холод движется вперед, грудью разрезая волны, очень беспокоился, как бы с ним не случилось несчастье.

Уже совсем рассвело, и ясно виднелись выстроенные в ряд и уходящие в море электрические столбы, но на морских вышках свет погас.

Рашид миновал первый столб и подходил ко второму. Волны перекатывались через его плечи... Но он, не останавливаясь, шел вперед.

Вот он достиг второго столба и схватился за него. Он что-то искал вокруг. Что он мог найти среди бушующих волн? Он продвинулся вперед, нашел конец порванного провода и вернулся обратно. Полез на столб. Волны пытались свалить его. Ветер бил по его лицу морской пеной и мокрым снегом. Он поднялся еще выше. На вершине столба Рашид что-то делал несколько минут. Я видел, как он вытягивал то одну руку, то обе.. Вдруг в том месте, где он соединил провод, сверкнула маленькая голубая искра, и в море на вышках зажглись огни.

Рашид, разрезая волны, возвращался к берегу.

СОКОЛ

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

Кямал очень любил бабушкины сказки. Когда ему было шесть лет, он не засыпал, пока бабушка не расскажет ему о чем-нибудь необычайном. В сказках говорилось о том, как люди летают на чудесных коврах-самолетах, как волшебные птицы на своих крыльях в мгновение ока переносят героев из края в край. И какими были все эти герои! Храбрыми, мужественными, стойкими. Никто из них не успокаивался до тех пор, пока не достигал желанного. Они сражались с дивами и драконами, схватываясь с ними врукопашную, преодолевали всякие преграды...

Кямал заслушивался этими сказками и часто во сне видел себя таким же удивительным героем. Он несся на крыльях Зумруд-птицы, побеждал дивов и драконов.

И потом целый день не мог расстаться со странными видениями своих снов.

Село, где жил Кямал, находилось у подножья горы Кяпаз, покрытой вечным снегом. Целыми часами он не отрывал глаз от снежных вершин и с завистью смотрел на орлов, гордо парящих в безоблачной лазури.

— Если бы и мне такие крылья!..

Это было самой давней и самой заветной мечтой Кямала.

Кямал был умен и настойчив. Он всегда умел добиться ответа на все, что его занимало. Он бесконечно расспрашивал бабушку и мать о коврах-самолетах, о сказочных птицах, о дивах и драконах, о солнце, луне, звездах и молнии, голубовато-золотыми зигзагами перечеркивающей небо. Но не всегда он оставался доволен их ответами. А порой, когда они были чем-нибудь заняты, то просто хотели отмахнуться от него.

Отец Кямала — Рашид был командиром Красной Армии. Однажды летом семья Кямала выехала на дачу. Отец его был в военном лагере. Он часто навещал своих. Как-то, разговаривая с отцом, Кямал задал вопрос, давно уже не дававший ему покоя:

— Папа, почему люди не могут летать, почему у них нет крыльев?

— Есть, сынок, — улыбнулся отец. И, ласково поглаживая его по голове, просто и занимательно рассказал о самолетах...

Проснувшись однажды утром, Кямал, по своему обыкновению, поднялся на холм, который высился неподалеку от их дома. Оттуда он оглядывал окрестность — зеленый бархат бескрайних равнин, густые леса, реки, извивающиеся серебряными лентами. Легкий туман поднимался из ущелий и таял в прозрачной голубизне неба.

В ясной вышине кружились орлы, широко распластавшие могучие крылья.

С поля, расположенного возле военного лагеря, донесся сильный прерывистый гул. Он все рос,

и Кямал увидел множество самолетов, один за другим поднимавшихся в высь. Орлы мгновенно рассеялись. И вместо них, только гораздо выше, реяли самолеты, то описывая крутые петли, то штопором падая вниз, сотрясая воздух, и снова, точно ракеты, устремляясь в вышину.

Потом все самолеты, как журавлиная стая, вытянулись стройным косяком. От каждого из них отрывались белые точки и падали вниз. Чем больше они приближались к земле, тем яснее можно было разглядеть людей, висящих на огромных полосатых зонтах.

Это было так красиво, так удивительно, как никогда даже и не снилось Кямалу.

Один из парашютистов приземлился шагах в двухстах от холма, на котором стоял Кямал. Мальчик стремглав сорвался с места и добежал, когда ноги парашютиста коснулись густой травы.

Парашютист оказался молодым смуглым красноармейцем. Улыбаясь, он начал складывать парашют и подошел к Кямалу, который, как зачарованный, во все глаза смотрел на него.

Красноармеец потрепал Кямала по щеке, словно стараясь пробудить его от сна, и ласково сказал:

— Что, и ты хочешь быть летчиком?

Кямал, действительно, точно очнувшись, бросился к нему и, с неожиданной смелостью обняв за шею, крикнул от всей полноты захватившего его чувства:

— Да, буду, непременно буду!

С этого дня ковры-самолеты, чудесные златокрылые птицы, сказочные героини сменились в мечтах Кямала стальными птицами, парящими выше орлов, разноцветными парашютами, раскрывающимися как гигантские одуванчики, и молодыми летчиками, покрытыми темной бронзой загара.

СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Наступила снежная зима с трескучими морозами. Зима имеет свою прелесть. Холмы и равнины прокрыты, словно ватой, пушисто-белым снежным покровом. Ветви деревьев клонятся под тяжестью снега. Оста-

новились скованные стужей реки. Порою холодные лучи солнца прорывались сквозь облака, и тогда все вокруг сверкало алмазами, слепя глаза. Непередаваемо хороши хлопья снега, неторопливо опускающиеся на мерзлую землю и приятно похрустывающие под ногами. Ласково пощипывает щеки мороз.

Ленивые дети не торопятся утром вылезти из-под теплого одеяла. Нехотя встав, они идут в школу, а вернувшись, ложатся на боковую возле очага и говорят: «Накормите посытнее, укройте потеплее».

Кямал был не из таких. Он вставал раньше всех в доме, разламывал лед, которым был покрыт маленький ручеек во дворе, наполнял водой рукомойник и, умывшись, уходил в школу. После уроков, вместе с такими же, как и он, сорванцами, Кямал катался на санках с холма за деревней.

Он смастерил себе прекрасные санки: по бокам были прибиты, как у самолета, два крыла из фанеры.

Огромное удовольствие доставляло Кямалу, когда санки стремительно проносились по скату и, съехав с уступа, на мгновение отрывались от земли и летели, как птица, по воздуху, пока не достигали покато́й поверхности холма.

По примеру Кямала все его товарищи тоже приделали крылья к своим санкам.

Так Кямал собрал отряд «летчиков».

В эти дни его отец получил отпуск и приехал в родное село. Он привез в подарок сыну игрушечный самолет.

Как-то вечером Кямал увидел, что отец собирается на охоту, — он чистил ружье и набивал патроны.

— Папа, а меня ты возьмешь с собой? — спросил Кямал.

Маленькая машина гудела, точно настоящая, отрывалась от земли и, сделав несколько кругов вокруг железного шеста, к которому была прикреплена проволокой, снова опускалась.

Кямал созывал всех своих приятелей, часами заводил игрушечный самолет, восторженно рассказывая о летчиках, о том, что слышал от отца.

Отец сперва не соглашался:

— Сейчас зима, холодище, ты еще простудишься да и устанешь, я ведь пойду далеко.

— Нет, папа, — не унимался Кямал, — я не из тех, кто боится холода и устает в пути. Возьми меня с собой, вот увидишь, я пригожусь тебе.

В конце концов отец согласился.

Но на следующее утро, встав спозаранку и, увидев, как сладко спит Кямал, пожалел разбудить сына и ушел один.

Кямал проснулся и узнал, что отец ушел без него. Все утешения и уговоры матери были напрасны.

Кямал был в большей обиде на себя, чем на отца «Ну, почему я проспал?» — упрекал он себя.

Через несколько дней, когда отец снова собирался на охоту, Кямал заручился обещаниями отца непременно взять его с собой. Он решил не спать всю ночь.

Все в доме заснули, а Кямал лежал в постели, не смыкая глаз. Иногда дремота одолевала его. И он вспомнил сказку о Меликмамеде, который, чтобы не заснуть, порезал мизинец и посыпал рану солью...

Но это средство не понравилось Кямалу. «Нет, наверно, Меликмамед не имел силы бороться со сном, — подумал он, — если ему пришлось отрезать палец... Я и мизинец не отрежу, и не усну!».

Размышляя о Меликмамеде, об охоте, о самолетах, Кямал ворочался с боку на бок. Порой сон смежал его веки, но он сейчас же встряхивался и то и дело поглядывал в окно — не рассвело ли.

Запели петухи.

Кямал вскочил, оделся и перекинул через плечо сумку, приготовленную еще с вечера.

Отец застал его уже готовым в путь. Смеясь, он похлопал мальчика по плечу и сказал:

— Вот теперь все как следует. Пойдем.

Этот день был самым счастливым в жизни Кямала. Ему удалось победить сон...

СОКОЛ И ОРЕЛ

Настала пора цветов. Прохладное и благоуханное дыхание весны, щебетанье птиц, влюбленных в солнце, разноцветные бабочки, чудесное весеннее раздолье радовали сердце. В одно такое прекрасное утро все население города стеклось на поляну, которая издавна славилась как красивейшее место.

Автобусы, трамваи, машины, устланные коврами, переполненные смеющейся молодежью, стариками и детьми, направлялись туда. Когда-то еще деда приезжали сюда погулять. Зрители тогда рассаживались на лужайке и смотрели, как боролись храбрецы, состязаясь в силе и ловкости. Здесь также устраивались скачки.

И сейчас здесь проходили состязания. Школьники, девочки и мальчики, готовились соревноваться, сдавать нормы на значок «Готов к труду и обороне».

Дежурные с красными повязками на руках указывали места гостям, рассаживая всех в строгом порядке. Зрители и участники соревнований образовали полукруг, в центре которого был поставлен стол. За ним сидели судьи и руководители соревнований.

Соревнования начались точно в назначенное время. Проворные и ловкие школьники показывали свои достижения в беге, прыжках, преодолении препятствий, метании диска и стрельбе в цель. Но в сегодняшнем спортивном празднике была еще одна, особенно интересная часть. Впервые на празднике выступали со своими моделями юные авиамodelисты.

Главный судья взмахнул красным флажком. Оркестр заиграл авиационный марш, и авиамodelисты с поднятыми над головой моделями выстроились в ряд, став на заранее определенные места. Зрители с восхищением смотрели на них, нетерпеливо ожидая полета моделей.

Среди моделлистов был и Кямал. Со страстным нетерпением он ждал этого дня, этой минуты.

Подали знак, и маленькие модели, словно сказочные птицы удивительной раскраски, взвились в голубое небо. Когда очередь дошла до Кямала, он выпустил из

рук модель, и та, восторженно, словно живая, и загудев, как настоящий самолет, взлетела в небо и поднялась выше всех моделей.

На ее серебряных крыльях алела звездочка, а на фюзеляже крупными красными буквами было написано «СОКОЛ». Все глаза были устремлены на нее. Небо было безоблачно, воздух чист и свеж.

И вдруг из груди Кямала и всех зрителей вырвался крик изумления. Паривший в голубой выси, не замеченный никем, орел, сложив крылья, стрелой бросился на «Сокола». Долетев до него, орел опять распротер крылья и закружился над моделью. Остановившись на минуту в воздухе, словно подвешенный, и взмахнув крыльями, он снова устремился на модель. И опять, долетев до нее, стрелой бросился назад.

Вот властелин неба в третий раз ринулся на прилетевшую в его владения незваную гостью, чтобы растерзать ее, но опять у него ничего не получилось: он не решился. Он привык к тому, чтобы все птицы, на которых он нападает, испуганно улетали прочь. А эта удивительная птица гордо летела вперед. Это смутило орла, и он отступил, постепенно скрываясь вдали.

Кямал облегченно вздохнул. Через минуту и орел и «Сокол» исчезли из глаз, улетев в разные стороны.

При объявлении результатов соревнования оказалось, что «Сокол» Кямала завоевал первенство. Он летал выше, быстрее и дальше всех. Авиамodelный кружок их школы завоевал второе место. Кямала наградили грамотой и ручными часами.

Он был счастлив. Его «Сокол» победил орла — властелина неба.

Победа Кямала и школьного кружка не была неожиданностью. Эта победа была результатом серьезного труда на протяжении многих месяцев, настойчивой и кропотливой работы учителей, партийной, комсомольской и пионерской организаций и учкома.

Авиамodelному кружку, организованному Кямалом, помогал учитель физики, знающий и чуткий человек. Первые построенные ребятами модели не

только не летали, а даже с места не трогались. У некоторых опускались руки и, охладев к работе, они говорили: «Эх, ничего из этого не выйдет». Тогда учитель подбадривал их, рассказывал о трудностях, с которыми встречались великие изобретатели и ученые.

Кямал радовался своим удачам в учебе, в кружке, на соревнованиях и гордился ими, но каждый раз, вспоминая о том, как много сделали великие люди — ученые, полководцы, революционеры, для того, чтобы привести человечество к счастливой жизни, — он говорил себе: «Вперед, всегда вперед!».

ХРАБРЫЙ СЫН И МУЖЕСТВЕННАЯ МАТЬ

Среднюю школу Кямал окончил на отлично и задумался о своей будущей профессии. Сидя за письменным столом, он разглядывал разноцветную прозрачную модель самолета, с любовью сделанную им самим из целлулоида.

Мечта уносила его вдаль, рисуя перед ним картины жизни, более заманчивые, чем сказочные.

...Высоко в небе, где белеют облака, виднеется разноцветное прозрачное здание.

Отсюда тянутся бесчисленные невидимые нити во все уголки необъятной родины. По этим дорогам ежедневно, бесшумно и плавно, пролетают красивые сверкающие самолеты. Они летят высоко над облаками к самой стратосфере и, как в сказке, семилетний путь проходят в мгновение ока. Вот очередной самолет остановился у площадки. Открылись двери. Пассажиры проходят по разноцветному, как ковер, сверкающему полу и заходят в комнатки, похожие на кабинки лифта. Через несколько минут они выйдут из этих комнаток и разойдутся кому куда надо.

Кямал нажимает на одну из кнопок на столе и на зеркальном экране видит самолеты, идущие из Москвы во Владивосток, Баку, Ташкент, Сталинабад, на Сахалин. Он нажимает на другую кнопку и проверяет самолеты, летящие над Нью-Йорком, Парижем, Токио, переговаривается с летчиками.

Когда на стене пробили часы, Кямал очнулся от заманчивых грез. Улыбаясь своим мечтам, он погладил самолетик, как живую птицу, и, отложив его, включил радио.

— Война!..

Кямал не мог понять — во сне он или наяву. Он застыл в оцепенении... Но в ушах звучали последние слова о том, что дело советского народа — правое дело.

Он еще раз бросил взгляд на самолетик на столе и встал. Подошел к окну. Был свежий июньский день, какой бывает только в горных местах. Солнечные лучи падали на вершину Кяпаза, поднимавшуюся из-за пушистых облаков.

Горный ветерок приносил пьянящий аромат и прохладу. Природа застыла в удивительном молчании.

Соловьи, звонко распевавшие по утрам, сейчас молчали. Кямал задумчиво смотрел на вершины.

Под розовыми, серебряными и голубыми облаками над вершиной Кяпаза ползло черное облако. Это была грозная туча.

И в одно мгновение светлый сияющий день померк и померк. Сверкнула молния. Поднялся такой грохот, словно небо собиралось упасть на землю. Сначала мелкий, а потом все крупнее и крупнее посыпал град, точно хотел уничтожить все на свете. Но немного погодя солнце выглянуло из-за туч и ослепительно засверкало. Птицы словно разом обрели язык. И опять небо стало чистым, прозрачным, опять седой Кяпаз гордо возвышался — словно свет мстил мраку.

Расправились нахмуренные брови Кямала. Он невольно улыбнулся: казалось, сама природа отразила все то, что мысленно проносилось перед его взором.

Мать, зайдя в его комнату, застала его у окна. Еще не зная ни о чем, она любящими глазами поглядела на сына и сразу почувствовала, что он чем-то озабочен.

— Что, дитя мое, или молния напугала тебя? — шутливо спросила она.

Кямал, неловко улыбнувшись, молча взглянул в добрые материнские глаза. Мать привыкла, что сын

на одну шутку всегда отвечал пятью, не лез за словом в карман, был всегда весел. Увидев его сегодня молчащим, со странной застывшей улыбкой на губах, она долгим взглядом посмотрела на сына, стараясь угадать его мысли.

Выросшая в горах, мать Кямала была смелой женщиной. Муж ее служил сейчас в пограничных войсках и, значит, находился на самом жарком участке фронта. Сын тоже решил идти туда, на фронт. Как она будет вести себя, когда узнает об этом?..

И когда Кямал сообщил матери страшную весть о своем решении, она не дрогнула, не стала отговаривать сына.

Только, крепко стиснув губы, закрыла глаза, прижала его к груди и благословила его. Вместе с поцелуем матери Кямал почувствовал на щеках две теплые капли.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Строгий комиссар с темными курчавыми волосами, в которые вкрались первые сединки, собрал в своем кабинете только что окончивших курсы молодых летчиков и беседовал с ними.

— Помните о героической отваге капитана Гастелло! Это отвага нового, советского человека. Ни один фашистский летчик не проявил подобного мужества и никогда не проявит. Фашизм превратил его в безынициативного раба. А наши люди—хозяева своей родины, своей свободы.

Потом комиссар стал беседовать с каждым летчиком в отдельности и, как родной и близкий человек, расспрашивал о жизни каждого, желал лучше узнать эту молодежь, которая завтра должна была ринуться на врага.

Очередь дошла до Кямала, и комиссар спросил, улыбаясь:

— А ну, дружище, ты моложе всех, кажется, и в детстве авиамоделистом был... Расскажи-ка о случае с «Соколом».

Кямал стал говорить о своем раннем увлечении авиацией, о своих былых мечтах и надеждах, о своих первых дерзаниях. Он рассказал и о том, как гордый орел повстречался с его «Соколом» и как победила его модель. Этот удивительный случай заинтересовал всех.

— Это происшествие, — сказал комиссар, — не только интересно и удивительно, оно, к тому же, и очень поучительно.

Вы только подумайте, почему орел, этот властелин неба, испугался игрушечного «Сокола?» Потому что орел никогда не встречал сопротивления в воздухе. На какую бы птицу он ни нападал, та пугалась, бежала, и орел, гордый своими победами, становился еще смелее, терзая свои жертвы. «Сокол» не испугался и не отступил, наоборот, он летел смело навстречу, и тогда сам орел испугался. Гордая хищная птица была покорена маленьким творением человеческого ума и воли. Знайте, что таковы и фашистские мерзавцы! В небе Европы они тоже считали себя властелинами. А теперь они встретились с советскими летчиками. И фашистские стервятники будут побеждены красными соколами!..

Кямал вел наблюдение в воздухе, кружил над аэродромом, не спуская с неба зорких глаз. Вдруг над самой головой он увидел черную точку и тут же потерял ее из виду. Когда, набрав высоту, он пошел на поиски, то заметил, что сзади на него стремительно летел вражеский самолет. Кямал приготовился к бою. Он ясно видел черную немецкую машину с нарисованными на борту свастикой и орлом, разинувшим клюв.

На аэродроме была поднята тревога. Комиссар вышел на наблюдательный пункт и, увидев в бинокль фашистский самолет, стиснул от волнения зубы. Тревога и опасения закаленного в боях хладнокровного комиссара были понятны. Он отлично знал повадки этой птицы.

Враг послал сюда этого опытного и хитрого асса, чтобы узнать расположение аэродрома, который причинял немцам так много хлопот. Обнаглевший, он ле-

тел над самой землей, стремясь, чтобы по нему открыли огонь, либо поднялись самолеты, чтобы вступить с ним в бой, и тогда он обнаружил бы аэродром. Хотя это ему и не удавалось, но, видимо, он чуял что то и недаром вот уже сделал несколько кругов над этим местом. Фашистский самолет был неуязвим для обыкновенных пуль. А летчик, несомненно, был первоклассным асом. Нападая с головокружительной скоростью, он приводил в смятение противника и, открыв огонь, мгновенно исчезал.

Если бы сейчас в воздухе был опытный и умелый летчик, комиссар так не взволновался бы, но Кямал...

Кямал повернул самолет и решил встретиться лицом к лицу с врагом. Но руки и ноги плохо повиновались ему. Инстинкт самосохранения уводил его от смертельной опасности.

А разве не было с ним то же самое, когда он впервые прыгал с парашютом? Но ведь он давно переборол в себе эту оторопь и потом сам посмеивался над былыми страхами.

И вот Кямал решительно потянул на себя ручку и с неожиданной скоростью, описав петлю, направил свой самолет прямо в лоб противнику. Теперь оба летчика со стремительной быстротой шли друг на друга. Если один из них не свернет — они разобьются вдребезги.

Фашистский летчик не спешил открывать огонь. Он хотел получить удовольствие, испугав врага и сбив его затем с хвоста. Кямал мгновенно вспомнил встречу орла с «Соколом», вспомнил недавние слова комиссара и, собрав всю силу воли и мужество, тоже не открывал огня. Он решил во что бы то ни стало или воспользоваться своим моральным превосходством над противником, или погибнуть вместе с ним.

Наблюдающие увидели снизу, как два самолета, стремительно летевшие один навстречу другому, вдруг окутались черным дымом и огнем. Из груди наблюдавших вырвался возглас сожаления и горечи... Все это длилось лишь секунду.

Самолет Кямала взмыл в высь, а черный фашистский самолет, объятый дымом и пламенем, падал на

землю. Вскоре от него отделилась белая точка. Это был фашистский летчик, спускавшийся на парашюте. Кямал, кружась над парашютом, проводил его до земли. Увидев, что на земле незванного гостя, как и следовало, встретили наши автоматчики, он вновь поднялся в воздух и продолжал вести наблюдение, словно ничего и не произошло.

Комиссар удивился при виде доставленного к нему «гостя». Это был фашистский полковник сорокапяти-пятидесяти лет, широкоплечий, полный, с обрюзгшим лицом, с мешками под покрасневшими глазами, с подстриженными ежиком рыжими волосами.

Глаза его блестели испуганно, как у волка, попавшего в капкан. Руки и губы дрожали от злости, на щеке подергивался мускул. Видимо, чересчур надеясь на себя и на свой самолет, фашистский полковник не снял с себя перед полетом не только знаков различия, но и орденов и медалей, которыми была увешена вся его грудь.

Комиссар молчал, выжидая и не заговаривая с пленным. Немец не вынес молчания и заговорил первый.

— Я пролетел над всей Европой от Варшавы до Парижа, от Тираны до Лондона, участвовал в сотнях боев, я сбил десятки самолетов... Еще не было случая, чтобы кто-нибудь устоял передо мною, и не была отлита пуля для моего самолета... — высокомерно говорил он, стараясь как-нибудь скрасить свое поражение. — Не может быть! Наверное, этот летчик — бывалый английский воздушный волк. Наверно, у вас есть какое-то тайное оружие...

Комиссар улыбаясь молчал. Немец, как можно вежливее, спросил комиссара:

— Я прошу вас, ради бога, не откажите. В политике я ничего не понимаю. Я спортсмен. А ведь битва, хоть и кровавое дело, но это тоже спорт, приносящий удовольствие. Я хочу знать, кто мой соперник, что за тайное оружие у вас?..

Комиссар усмехнулся:

— Слов нет, хороший спорт... Прелести этого

спорта скоро узнает фашистская Германия. И тогда вы поймете, какая разница между боксерской перчаткой и миной, между футбольным мячом и десятитонной бомбой... А что касается вашего соперника и тайного оружия, то я могу показать вам их.

Комиссар посмотрел на часы, нажал кнопку и приказал вошедшему дневальному вызвать Кямала. Когда вошел Кямал, комиссар прижал его к груди и поцеловал в лоб.

Указав на застывшего в недоумении немца, он сказал:

— Посмотри на стервятника, которого ты сбил. — И добавил, обращаясь к фашисту: — Вот ваш соперник.

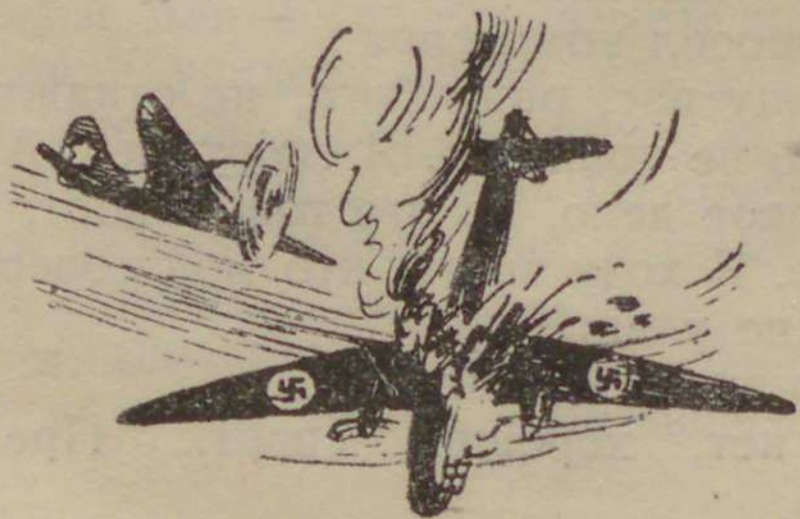
Тупо поглядев на юношу восемнадцати-девятнадцати лет и услышав слова комиссара, немец вдруг издал отвратительный крик, похожий на карканье ворона, схватился обеими руками за голову и стал в исступлении кусать губы.

Он ожидал увидеть перед собою бывалого волка, подобного себе, страстного «кровавого спортсмена». И увидев юнца, у которого еще «молоко на губах не обсохло», взбесился от злобы.

Кямал понял, что творилось в душе фашиста, и с насмешливой вежливостью, показав на графин с водой, сказал по-немецки:

— Выпейте, пожалуйста, холодной воды.

— А что касается нашего оружия, — добавил комиссар с гордостью, — то вы на себе испытали его силу, а имя ему, если хотите знать — большевистская воля.

РАНЕННЫЙ ГОЛУБЬ

ДВА БЕРЕГА

Весною и осенью погода часто меняется. Смотришь — сегодня ясный день, воздух душист и свеж, а завтра — пасмурно, ветрено и небо хмурится. День не похож на день, в течение суток погода меняется не раз. Безоблачное, ясное, прозрачное голубое небо вдруг темнеет, мгновенно поднявшийся ветер гонит тучи.

То целыми часами моросит мелкий, нагоняющий тоску дождь, то вдруг разразится ливень, словно желая затопить весь мир. Он нагрянет внезапно, вместе с громом и молниями и прекращается так же неожиданно, как и начался, успев промочить до нитки нерасторопных спутников.

Потом солнышко вновь выглянет из-за поредевших туч и весело смеется, как шалун, любующийся своими проказами.

Про такие проливные дожди народ сложил по-ловицу: «Хороший дождь смывает краску с богатого и грязь с бедного — тогда-то и видно, кто краше».

Был один из таких изменчивых осенних дней. До полудня стояла ясная, хорошая погода.

Еще не поблекшая зелень лугов, деревья с разноцветной листвой радовали глаз. Песни турачей, перепелов, жаворонков слились в единый хор.

А горы, ушедшие ввысь своими снежными вершинами, со склонами, устланными темнозеленым бархатом, казались близкими, — словно до них рукой подать.

И при взгляде на эти безбрежные просторы, тополя, белые домики с красными крышами, виднеющиеся из-за фруктовых деревьев, громадные заводы, дымящие трубами в голубое небо, пассажирские и товарные поезда, мелькающие по железобетонным мостам, сереброкрылые самолеты, сверкающие в небе, — сердце наполнялось гордостью, лица сияли, и опять оживала в памяти знаменитая советская песня:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...

Но у этой громадной свободной страны есть границы. И к вечеру мы дошли до одной из ее границ, до берега Аракса.

Заход солнца был прекрасен.

Поэты и художники сотни раз изображали закаты. И точно так же, как их описания не похожи одно на другое, так и этот закат не был похож ни на какой другой. Очевидно, природа не любит повторений. Каждая заря, и утренняя и вечерняя, имеет свою неповторимую прелесть. И поэты, не довольствуясь предыдущими описаниями, вкладывают свои чувства в описание картин, которые они видят сами.

Аракс, легендарный Аракс, из которого пили воду кони героя Вараза, смелого Джаваншира, отважного Бабека, Гачага-Наби¹, освещается с этого берега алы-

¹ Легендарные народные герои

ми лучами. К середине река блестит серебром, а дальше темно-стальной цвет ее постепенно чернеет и противоположный берег исчезает во мраке.

Словно от середины реки к самому небу поднимается занавес. Он упирается в облака, и облака кажутся громадными перевернутыми кастрюлями.

Пламенеет закат над Араксом, становится все более ярким, потом кроваво багровеет и, наконец, делается темнолиловым, а затем густая серая мгла окутывает противоположный берег.

Из мрака стаями летят журавли. Курлыча, они устремляются к нашему берегу и улетают в розовые дали.

Темнеет все больше и больше. Огни, вспыхивающие на земле, как бы отражаются в небесной дали в виде звезд. На горизонте еще алеет заря, а на той стороне за прозрачной занавесью тоже загораются огоньки. Они похожи на сверкающие искорки костра, который стараются потушить, притаптывая огонь. Но тщетно. Искорки эти не гаснут. Они могут мгновенно вспыхнуть высоким пламенем.

Ночь я провел в деревне, расположенной недалеко от Аракса, в доме молодого учителя. Он был сыном батрака, не имевшего в прошлом ни дома, ни очага, и батрачившего в этой же деревне в садах и огородах. Он рано потерял отца, воспитала его мать. Поступил в школу и заслужил любовь сельчан своими способностями и трудолюбием. Потом вступил в комсомол и с его помощью закончил педагогическое училище. Но вместо того, чтобы вернуться в родное село на работу, юноша был вынужден уйти на фронт. Сейчас на нем был китель без погон, который ловко сидел на худощавой фигуре и очень шел к его открытому взгляду, приподнятым на концах и сросшимся тонким бровям, усам и черным густым волосам, зачесанным за уши. Два ряда орденских колодок и красный значок комсомола служили как бы эпиграфом к его биографии.

Мы беседовали весь вечер, почувствовав друг к другу расположение. Он любил свое дело глубоко и сильно, как это свойственно нашей молодежи, и с увлечением рассказывал о нем.

— Однажды, учась в Баку,—говорил он,—я слушал лекцию старого профессора. Это было задолго до войны. Профессор рассказывал о новом тайном оружии империалистов — о ядовитых газах, смертоносных микробах и других ужасных средствах уничтожения. Профессор говорил, что они употребляют еще и такое средство, от которого слепнут на некоторое время, а иногда и на всю жизнь. Но у нас есть отличное средство против них: это оружие, открывающее глаза, показывающее людям истину. Имя ему — ленинизм. Перед этим оружием все остальные бессильны. Так говорил старый профессор. Та убедительность и вера, с которыми он произнес эти слова, произвели на меня огромное впечатление. И тогда мое желание еще лучше овладеть этим могучим оружием, стать учителем и воспитывать наших детей в духе ленинизма, еще более окрепло, и я посвятил ему всего себя...

— Когда я был там, находясь в рядах нашей армии, — сказал молодой учитель, показывая рукой за реку, — когда я увидел царившие за Араксом мрак и бесправие, это стремление овладело мною целиком и превратилось в цель моей жизни.

Учитель замолчал, как человек, у которого переполнена душа, а слов нехватает. Он сжал зубы, и в глазах его можно было прочесть многое.

Оглядев стены комнаты, он стал смотреть в одну точку. Я взглянул туда же. На стене висели ружье и саз¹.

Еще при входе в комнату я заметил это ружье и, как любитель охоты, хотел осмотреть его получше. Но сейчас саз заинтересовал меня больше, потому что глаза моего собеседника были устремлены именно на него... Желая нарушить тягостное молчание, я спросил:

— Вы, кажется, играете на сазе?

¹ Саз — музыкальный струнный инструмент.

Этот вопрос пришелся кстати. Эльдар, так звали молодого учителя, взглянул на меня, улыбаясь, как ребенок. Потом он поднялся, снял саз со стены и, настраивая его, проговорил:

— Это единственная память об отце. У этого саза удивительная история. Отец мой в молодости батрачил по деревням на той и на этой стороне Аракса, он часто пел, аккомпанируя себе на сазе. На той стороне он любил красивую служанку хана, и девушка ответила ему взаимностью. Конечно, хан никогда не дал бы согласия на женитьбу. И вот в один прекрасный день отец похитил и увез девушку. Слуги хана погнались за ним и ранили его. Этот саз был у него за спиной. Вот видите, — сказал он, показывая на темные пятнышки, — это следы его крови. Все это рассказала мне моя мать...

Эльдар глубоко вздохнул, устремил взгляд вдаль, прижал саз к груди, заиграл и запел печальным голосом:

Аракс переплыть
Ты сумеешь едва ли...
От родины силой
Меня оторвали...

В звуках саза, в голосе Эльдара и в глазах его было нечто такое, от чего эта нежная песня вызывала в человеке не печаль и горечь, а надежду и желание бороться.

Мне хотелось, чтобы эта песня под чудесную музыку продолжалось без конца, но Эльдар вдруг прервал пение и повесил саз на место. Видимо, он решил переменить тему разговора, снял со стены ружье и присел рядом со мной.

— Значит, утром выходим на охоту. В хорошее время вы приехали, сейчас пора выхода турачей и фазанов.

Откровенно говоря, наша предыдущая беседа и пение Эльдара заставили меня позабыть об охоте. Но я поддержал его попытку переменить разговор.

— Конечно, — сказал я, — осень — лучшая пора для охоты, солнце припекает птиц, и они, позабыв вся-

кую осторожность, подают голоса. Но у меня такой обычай — будем стрелять только самцов...

Я сильно устал — не легко проходить целый день пешком, — а постель была чистая и мягкая. И все-таки я никак не мог заснуть. Но не перемена места была причиной этому. Правда, многие плохо спят на новом месте, как бы оно покойно ни было. Но человек, привыкший к охоте, не таков. Он может заснуть и в тряской машине, и на открытом воздухе, и на голой земле. Так в чем же дело?

Лампа была потушена, лунный свет, проникая в окна, освещал половину комнаты. В открытые окна врывалось теплое дуновение ветра, несущее запах сирени и фруктовых деревьев, доносились ночные соловьиные трели. Соловей, усевшийся на ветвь дерева у самого окна, время от времени заливался песней. Разве можно передать словами ее прелесть? Ведь песенку канарейки, рожденной и выросшей в клетке, научившейся в неволе равнодушно издавать свои трели, мы называем красивой. Канарейка не знает, что такое свобода и даже не мечтает о ней, она принимает неволю как должное и слагает свои песни в этой неволе. Разве можно сравнить ее песню с песнями вольного соловья!

Что хотел сказать он в этой непередаваемой песне, которую он пел от зари до зари, песне, которая сотрясала его маленькое тельце и, казалось, вырывала по кусочку его сердце?...

Всем известны бесчисленные сказания о розе и соловье. Поэты написали об этом множество стихов.

Но когда слушаешь песню соловья, забываешь обо всем, и никаким поэтам не веришь.

Что это за песня? Песня любви и тоски по розе? Но разве соловей не сидел на кусте роз, разве цветок не был около него? Если так, то к чему же такие страдания? В этой песне и горечь разлуки, и сладость свидания, и горе, и надежда. Соловей, этот крошечный певец, наверное, ничего не знает об этом. Но человек,

открывающий своим трудом и волей все тайны природы и объясняющий их, хочет овладеть и этой тайной.

И когда я пытался разгадать тайну соловьиной песни, я подумал, что мир разделен на-двое — мир счастья и свободы и мир неволи и гнета... Я был у реки, разделяющей эти два мира, и соловей пролетал в этих местах. Мне казалось, что, по временам прерывая пение, соловей прислушивался к чему-то на том берегу и от всего сердца отвечал песней надежды.

И правда, как много было схожего между песнью, которую совсем недавно пел Эльдар, и трелями соловья!

Сон охотника очень чуток. Каким бы усталым он ни был, как бы поздно он ни заснул, под действием какой-то подсознательной силы он просыпается в тот час, как задумал с вечера.

Но на этот раз случилось не так. Изумительный закат, который я наблюдал на берегу Аракса, песня Эльдара и пение соловья заставили меня забыть об охоте. Я заснул только к утру. Это было странное состояние — между сном и бодрствованием, когда и сновидения, и действительность, и мечты — все смешивается. То мерещились черные трупы повешенных в той стране мрака, где горизонт окрашен кровавым багрянцем, слышались душераздирающие крики матерей, то казалось, что молнии, сверкающие в чернокровных облаках, зажигали огромный пожар. Из пылающих жилищ слышались плач и стоны детей. Стенания матерей перемешивались с детскими криками, эти стоны улетали в небеса и, исчезнув в облаках, вновь оживали в песне Эльдара. Горизонт светлел, озаренный ранними лучами, отраженными в зеркальном озере... Но это уже не мечта и не сон, а сама жизнь. Да, я не спал. Из окон виднелось над деревьями чистое, светлое небо моей Родины. Из репродуктора, включенного с вечера, слышались позывные московского радио.

Эльдар, думая, что я сплю, на цыпочках прошел к репродуктору, чтобы выключить его.

— Не трогайте, пусть играет, — остановил я его. — Пусть играет...

— Вы проснулись? — спросил он улыбаясь. — Вы поздно заснули, спали беспокойно, и я думал, что вам еще не хочется вставать. А я с удовольствием слушаю эти звуки каждое утро — добавил он. — И где бы я ни был — и в заметенных снегом окопах, и на той стороне Аракса, в стране рабов и господ, — каждый раз при этих звуках я чувствовал за собой мою великую свободную страну.

Эльдар глубоко вздохнул. Он хотел сказать еще что-то, но перебил самого себя:

— Ну ладно, охотнику надо быть на охоте... Перекусим немного и пойдем, сейчас дичь выходит на корм. Немного спустя мы отправились в путь.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ И ДВУНОГИЕ НЕЧЕСТИВЦЫ

Ночью не то выпала роса, не то прошел мелкий дождь, — под мягкими лучами утреннего солнца на листьях фруктовых деревьев, на свежей зелени трав алмазами блестели мелкие капельки. На краю деревни начинались заросли камыша, сначала редкие, а чем дальше, тем все более и более густые. Когда мы выходили со двора, собака прыгала вокруг нас, бросалась из стороны в сторону, то забегала далеко вперед, то возвращалась. Я, по правде говоря, сомневался в удаче охоты; когда охотишься на фазанов и турачей, решающая роль принадлежит собаке. Если она не найдет птицу, вовремя не спугнет ее, самый опытный охотник не добьется успеха. Эти птицы часто гуляют в одиночку или по-двое; почувствовав опасность, они настораживаются и прячутся в зарослях и, если охотник случайно наткнется на них, взлетают прямо у него из-под носа; тогда неопытный стрелок теряет, и его выстрелы пропадают зря. Да и убитую птицу нелегко найти в густых зарослях. Все это дело охотничьей собаки.

Собака Эльдара Пегий казалась очень породистой. Но, глядя, как она резвится и прыгает вокруг нас, я потерял всякую надежду на ее охотничьи способности.

Однако я ничего не сказал Эльдару, не желая его обидеть. Я знаю, что это большое место всех охотников. Каждый охотник уверен, что его ружье и собака — самые лучшие на свете. Уже не рассчитывая на успех, я закинул ружье за плечо и не спеша шел позади, решив вдоволь насладиться раннею весною и красотой этих мест. Я шел и любовался тихим перламутровым озером, в котором причудливо отражались зеленый стройный камыш, цветы и травы.

Вдруг Эльдар остановился и поманил меня пальцем. Я подошел к нему. Он показал на собаку. Пегий еще недавно весело резвился, а теперь осторожно, но быстро шел, приносясь к земле и помахивая хвостом.

— Напал на след, — прошептал мне Эльдар, — сейчас найдет.

Не успел Эльдар договорить, как собака остановилась как вкопанная. Она застыла, устремившись всем телом вперед, правая лапа ее была наполовину согнута и повисла в воздухе, большие уши насторожены, хвост торчал, как прут. Собака стояла без движения, словно стрела в натянутом луке, готовая вот-вот вылететь. От напряжения все тело Пегого мелко дрожало, как от холода.

— Приготовьтесь, — шепнул мне Эльдар, — это самец!

Я приготовил ружье, собираясь бросить папиросу.

— Не спешите, — засмеялся Эльдар, — пока я не прикажу, собака не шевельнется, простоит так хоть целый час.

Мое терпение истощилось, становилось жаль собаку. Все напряженное тело бедняги ожидало приказа. Я бросил папиросу и подал знак Эльдару. Одновременно с командой «возьми!», собака бросилась в кусты, и длиннохвостый фазан поднялся с шумом в воздух. В ту же секунду я выстрелил из обоих стволов, но промахнулся. Птица улетела немного вперед. Тогда выстрелил Эльдар, и фазан камнем упал на землю. Теплый ветер принес нам его маленькое перышко.

Пегий, наблюдавший за падением птицы стоя на задних лапах, бросился вперед и тотчас вернулся с

добычей. Положив фазана перед Эльдаром, он посмотрел своими умными глазами сперва на меня, потом на добычу и затем на Эльдара. Мне показалось, что пес упрекает меня и любит своего хозяином. Эльдар поднял еще живого, трепещущего фазана и протянул мне. Я никогда не видел птицы такой красоты. Порою, глядя на необычно красиво изображенные художником пейзажи, птиц или цветы, мы считаем, что в природе нет подобных красок и отдаем дань художнику, придумавшему все это, но когда встречаешься с чудесами природы, невольно думаешь, насколько бледно творение художника.

Я закурил снова, хотя только что бросил папиросу, взволнованный красотой птицы и еще более тем, что не смог застрелить ее, такую крупную, на близком расстоянии. Эльдар понял мое смущение и досаду и осторожно заметил:

— Зачем вы поторопились?.. А хорошо, что вы не попали.

Я не понял и посмотрел на него, еще более смутившись:

— Если бы попали, — продолжал он, — нам бы не видать этой красоты, она разлетелась бы в куски.

Правда, у каждой охоты свои особенности. Уже пятнадцать лет, как я увлекаюсь охотой. Но все это время стрелял водоплавающую дичь, и моя неудача на этот раз была естественна. После нескольких таких промахов я уловил суть и этой охоты. Мы убили по несколько турачей и куропаток. Приближался полдень, начало припекать, и птицы, насытившись, ушли в чащу камыша. Все настойчивые поиски собаки были напрасны. Пес, резво прыгавший утром, убежавший от нас намного вперед, сейчас плелся за Эльдаром, высунув язык. На наши окрики «Ищи, ищи!», он пробегал вперед и возвращался, виновато виляя хвостом. Смотри на хозяина, он, казалось, хотел сказать: «Ну, хватит, что ли, пора и отдохнуть!» Напрасные поиски утомили и нас.

Эльдар, хорошо знавший местность, указал мне на тенистую иву.

— Пойдем отдохнем, — сказал он, — выйдем на охоту еще раз под вечер.

Из-под небольшой скалы возле дерева выбивался родник, чистый как слеза. Разрядив ружья, мы повесили их на дерево. Когда я стал снимать убитую дичь с пояса, я застыл в изумлении: от одного из фазанов на поясе остались лишь голова и шея, а у другого нехватало половины бедра и туловища.

— Это что такое? — спросил я с удивлением.

Я подумал сначала, что дичь ободралась о ветки и кусты. И правда, по дороге я чувствовал, будто дичь за что-то цепляется и оборачивался, но нигде не было ни кустарника, ни колючек.

Я рассказал Эльдару о случившемся, он засмеялся и сказал с сожалением:

— Это работа мерзавца-шакала.

Ничего не поняв, я с удивлением взглянул на него.

— Пока мы идем в камыши, — объяснил он, — за нами следят десятки глаз. Шакалы, лисицы, дикие кошки — все они наши спутники на охоте. Если бы не собака, мы не собрали бы и половины настролянного. Они раньше нас находят подстреленную птицу и уносят ее. Самый вредный среди них — это шакал. Говорят о хитрости лисы, но она большая трусиха; дикая кошка чересчур осторожна, а шакал — отъявленный наглец. Это он пообрывал птицу.

Вначале я не поверил Эльдару, но постепенно, припоминая все подробности, я убедился в его правоте и вечером решил быть осторожнее.

Умывшись, мы уселись в тени ивы.

После охоты, во время которой напрягаются все силы человека, отдых зимою у костра, а летом в тени дерева приносит столько же удовольствия, как и сама охота.

Есть особое наслаждение и в усталости от охоты, и в отдыхе после нее.

Мы разложили свою охотничью скатерть у родника, под сенью ивы, на невысокой бархатной травке и только было принялись за еду, как заметили двух

вооруженных пограничников с собакой-ищейкой. Эльдар узнал их и, вскочив, позвал:

— Коля, Каграман! Здравствуйте, идите, гостями будете.

Пограничники подошли и поздоровались с Эльдаром как старые друзья. Эльдар познакомил нас.

Охотничья собака Эльдара — английской пойнтер — и немецкая овчарка пограничников сначала подозрительно обнюхивали друг друга, а потом быстро подружились, стали играть.

Каграман и Эльдар были фронтовыми товарищами. После войны Каграман остался на сверхсрочной службе и был послан на границу. А Николай, издавна служивший здесь, хорошо знал и любил эти места. Они только что сменились с дежурства и шли на отдых.

Три товарища вспоминали фронтовую жизнь, рассказывали о разных происшествиях на границе, попивая ароматный чай из термоса. Видно, Каграман любил пошутить. Заметив на дереве лишь голову и шею фазана и на скатерти косточки от съеденной курицы, он сказал со смехом:

— Что, не донесли птицу до дому, прямо тут растерзали ее и съели?

Я рассказал о случившемся. Все засмеялись.

— Только она сможет справиться с таким наглцом, — сказал я, показав на овчарку.

— Нет, — возразил Каграман, — она не связывается с шакалами; у нее своя специальность. Она охотится только за двуногими зверями.

— И за бескрылыми воронами, — добавил Николай.

— Расскажи-ка свою историю, — предложил Каграман.

— Что за история? — поинтересовался Эльдар.

— Да ничего особенного, обычная на границе, — ответил Николай.

— Если можно, расскажите, — попросил я. — То, что для вас обычно, для меня, наверное, интересно.

— Однажды, рано утром, — начал свой рассказ Николай, — я шел со Смелчаком, — он показал на собаку, — вдоль границы, по своему участку. Ночь

накануне была темная и ветреная. Утром стоял густой туман. Такая погода на руку «ночным птицам» (я потом лишь понял, что «ночными птицами» он называет нарушителей границы). Когда мы проходили по опушке леса, Смелычак вдруг насторожился и, понюхав землю, потянул меня в лес. Я нагнулся и внимательно осмотрел землю, но ничего не заметил. А Смелычак зря никогда не настораживается. Я вынул пистолет и последовал за собакой. Мы прошли порядочное расстояние, когда вдруг Смелычак подошел к дереву и остановился под ним. Он обежал дерево несколько раз и поднялся на задние лапы, словно хотел забраться на него. Еще раз осмотрел землю и опять ничего не заметил и хотел было уже уйти, но Смелычак не унимался и лаял, подняв морду кверху. Я внимательно посмотрел на дерево и заметил что-то черное между ветвями.

— Слезай вниз! — сказал я, направив на него пистолет.

Неизвестный слез с дерева и, ничего не говоря, поднял руки. Это был высокий полный мужчина. На чистом русском языке он стал говорить о том, что якобы за границей ему плохо жилось, и он бежал к нам. Я сказал ему, что все выяснится на месте. Не отошли мы и двух шагов, как Смелычак стал опять лаять на дерево. И когда я повернулся, чтобы позвать собаку, задержанный мною нарушитель набросился на меня сзади. Мы оба повалились на землю. В ту же минуту я увидел как с дерева спрыгнул второй нарушитель и бросился на помощь своему товарищу и как Смелычак кинулся на него. А мы катались вдвоем по земле, стараясь одолеть друг друга. Ему удалось пере-силить меня, я очутился под ним. Он навалился на меня всей тяжестью и уперся коленом мне в горло. Я начинал задыхаться, у меня потемнело в глазах. В это время я услышал отрывистый лай Смелычака. Наши собаки так обучены: если нарушитель бежит, сопротивляется, они преследуют его, догоняют и, вцепившись, готовы его задушить и растерзать, а если тот не сопротивляется и стоит спокойно, то собака кладет лапу ему на плечо и отрывисто лает, ожидая нашего

прихода. Я понял, что Смелычак задержал нарушителя и зовет меня. Но что я мог сделать? Если бы я был в силах позвать Смелычака, он бы спас меня, но я не то что кричать, а едва мог дышать. Еще минута и я потерял бы сознание. Нарушители убили бы и меня и Смелычака. Единственной надеждой было то, что Смелычак придет мне на помощь, увидев, что меня нет.

И вдруг я вздохнул свободно, словно с меня сняли целую гору. С трудом подняв голову, я увидел, что Смелычак вцепился сзади в шею свалившему меня нарушителю и опрокинул его. Я подполз к валявшемуся на траве пистолету и трижды выстрелил в воздух. Тогда Смелычак, бросив нарушителя, кинулся ко мне. Я рукою показал ему на второго, приказав идти туда. Первый лежал ничком. Не дав ему пошевелинуться, я связал ему сзади руки и предупредил, что при попытке бежать пристрелю его, а сам направился к второму. Тому Смелычак вцепился зубами в руку и положил правую лапу ему на плечо; рядом валялся пистолет. Нечего и говорить, как важно задерживать незваных гостей живыми. Они пытаются перебраться без шума и берутся за пистолет только в последнюю минуту. После того, как я трижды выстрелил в воздух, нарушитель понял, что все пропало и схватился за пистолет, но Смелычак предупредил его. Мы повели обоих перед собой. Товарищи уже спешили к нам на помощь, услышав мои выстрелы. Да, наш Смелычак оправдал свое имя...

Николай подозвал свою собаку и погладил ее по голове. Я взял оставшуюся на скатерти куриную ножку и бросил ее Смелычаку. Но собака даже не взглянула на нее.

— За кого вы принимаете нашего Смелычака? — засмеялся Каграман. — Он не жадный, как другие псы. Он умрет с голоду, а от постороннего пищи не примет.

Только после того, как Николай показал Смелычаку на мясо и разрешил ему: «Возьми!», собака, не спеша, взяла кость и, отойдя в сторону, стала грызть ее.

А наш Пегий в это время поглядывал то на него, то на меня и облизывался. Я бросил ему другой кусок.

— Нельзя! — сказал Эльдар, когда Пегий бросился к еде. Собака покорно села на свое место.

— Возьми! — разрешил хозяин, и Пегий радостно схватил кусок. Эльдар, очевидно, хотел доказать, что его собака тоже воспитана.

Мы засмеялись и поднялись на ноги; пограничники собрались идти домой, мы — на охоту. Прощаясь, я спросил, откуда их овчарка.

— Эти собаки проходят специальное обучение, — сказал Николай. — Нам очень помогают пионеры и школьники. Вот Смелычака, например, воспитала одна бакинская пионерка и подарила пограничникам...

Перед началом охоты я дал себе слово отомстить шакалам. С этой целью я зарядил один ствол ружья крупной картечью. Подвесив убитых птиц себе на пояс, я шел по густому камышу, далеко от собаки, чтобы раздражить шакалов. Но на этот раз почему-то никто не трогал приманку. Однажды, почувствовав, как птица зацепилась за что-то, я стремительно обернулся, но это оказался куст.

Дойдя до конца зарослей камыша, я вновь почувствовал как кто-то потянул птицу. Я продолжал свой путь чуть замедлив шаги. Дерганье повторилось, только еще сильнее. Я быстро обернулся и увидел шакала, кинувшегося в камыш, как камень, брошенный в воду. Я быстро выстрелил и, заряжая ружье, бросился в камыши. Эльдар, поняв в чем дело, подошел ко мне. В камышах распластался шакал, заряд попал ему в затылок и челюсть, ножка турача так и осталась в его зубах.

— Вот это хорошо, — обрадовался Эльдар. — Правда, настреляли мы сегодня мало, зато спасли жизнь сотням птиц. Скоро начнут вылупляться птенцы, а этот подлец безбожно истребляет птиц.

Он вынул из кармана большой охотничий нож. Я спросил, что он собирается делать.

— Сниму шкуру.

— Зачем это нужно, не стоит терять время, пойдем!

— Э, нет, это дело пяти минут. К тому же и премию получим.

— Какую премию?

— А как же, союз охотников и колхозные правления выдают премии за уничтожение вредителей сельского хозяйства.

— Ну, я уже получил свое, отомстив ему за искалеченных птиц, а премию дарю вам.

Эльдар за пять минут снял шкуру с шакала, положил ее в сумку, и мы продолжали свой путь.

ТАЙНА

Мы возвращались в деревню. Теперь все чаще и чаще встречались вороны, галки и голуби, летающие в одиночку, попарно и стайками. Степной голубь и лесной, называющийся вехирь, который немного больше степного, считаются хорошей дичью. Бакинские охотники даже специально выходят к скалам за городом, чтобы поохотиться на голубей.

Почему-то ни один голубь не попадался мне. А Эльдар, шедший в десяти шагах от меня, не обращал на летевших прямо на него голубей никакого внимания. Я вначале удивился этому, но потом понял в чем дело.

По старым поверьям, восходящим, возможно, к тем древним временам, когда наши предки поклонялись различным животным, некоторые птицы и звери особо почитаются человеком. Говорят, в Индии до сих пор существуют племена, поклоняющиеся быку. Если, например, какой-нибудь бык там забредет на базар и станет поедать зелень и овощи у продавца, то его не только не отгоняют, а наоборот, человек, у которого бык съел что-нибудь, считает это для себя большим счастьем. На гербах многих стран Европы и Востока до сих пор еще сохранились изображения животных и птиц.

И в нашем народе такие птицы, как голубь, аист, угод, ласточка, сова и другие, по старинному обычаю, считаются священными, о них сохранились сказки и предания.

В то время как бакинцы с удовольствием едят иволгу и горлицу, во многих районах их считают священными.

Я решил, что Эльдар из-за этого и не стреляет в голубей.

Мы приближались к деревне, идя по берегу реки. Эльдар шел в десяти шагах впереди меня. Я заметил голубя, летящего навстречу нам вдоль берега. Желая подтрунить над Эльдаром, я выстрелил как раз в тот момент, когда голубь пролетал над ним. Покружив в воздухе, птица упала в реку, легко раненная в крыло, и в эту же минуту Эльдар так вскрикнул, что я испугался, не причинил ли ему вреда. Правда, расстояние от голубя до него было большое, но все же я мог случайно ранить его. У меня замерло сердце; подбежав к Эльдару, я взволнованно спросил:

— Что случилось? Не ранило ли вас?

Заметив мой испуг, он улыбнулся своей чисто детской улыбкой.

— Ничего, — успокоил он меня, — ничего,

Убедившись, что он на самом деле невредим, я облегченно вздохнул и посмотрел туда, куда упала птица. Голубь, взмахивая крыльями, приближался к берегу. Пегий побежал к нему, но Эльдар остановил его необычно сердитым окриком, полным упрека и печали:

— Нельзя!

Бедная собака, видимо не привыкшая к такому обращению, вернулась, поджав хвост.

Почему-то мне показалось, что это горькое «нельзя» относилось больше ко мне, по старой пословице: «Дочь моя, это я говорю тебе, а ты, невестка, слушай!».

Голубь вышел из воды на берег. Когда я подошел, он ничуть не испугался, и я без всякого труда поймал его. Это был красивый степной голубь. Клюв и ноги у птицы были красные, глаза — прозрачные, как кристалл, головка, точно сделанная искусным мастером, напоминала мягкий шарик синего бархата, шея и грудь были темно-зеленого цвета, переходящего в иссиня-черный. Когда голубь двигался, эти краски то разделялись, то сливались, образуя невиданную цветовую гамму, переливавшуюся от темно-зеленых брюшка и боков к черным с ярко-зелеными крапинками крыль-

ям. Краешек его левого крыла был пробит насквозь, но кость не была задета.

Желая сохранить голубью жизнь, я осторожно положил его в сумку и вернулся к Эльдару. Мне хотелось узнать причину его взволнованного крика и той неожиданной нервной возбужденности, следы которой до сих пор были заметны на его лице.

— Что это было, друг мой, почему вы так напугали меня!

— Ничего... у нас в голубей не стреляют, — сказал он, пытаясь улыбнуться.

Но по выражению его лица и по тону можно было догадаться, что дело не только в этом. Я не профессионал-охотник. Я полюбил охоту потому, что она дает возможность вблизи наблюдать природу и людей. Поэтому я захотел узнать подлинную причину волнения Эльдара.

— Нет, дружище, — возразил я, — только из-за этого вы не вскрикнули бы так взволнованно. Здесь кроется что-то другое. Если можно, расскажите мне.

Эльдар, словно припоминая что-то, уставился в одну точку и после некоторого колебания сказал с заметной грустью:

— Это длинная история, и к тому же вы устали. Идемте отдохнем немного, я расскажу вам дома.

Я удовольствовался его обещанием, видя, что эта тема глубоко волнует его и вызывает горькие раздумья. Молча мы отправились в деревню.

Голубей попадалось нам все больше и больше, и можно было настрелять их сколько угодно. Не желая, однако, обижать Эльдара, я не притронулся к ружью.

При входе в деревню, мы, по правилам охоты, разрядили ружья. Проходя мимо дворов, огороженных заборами, я заметил, что на крыше каждого дома сидело по несколько голубей. Много голубей прогуливалось по дворам, не пугаясь играющих ребятишек, они вместе с курами и цыплятами искали корм. Когда мы дошли до дома Эльдара, я увидел на крыше голубятню в виде ящика. На маленькой плоской крыше ее сидели два голубя, очень похожие на того, которого я ранил. Один из голубей чистил себя клю-

виком, наводя красоту, а другой надул зоб, вскинул голову и, распутив хвост веером, обхаживал первого: «ваг-ваг-гуррр...» Сначала я подумал, что Эльдар азартный голубятник. И, откровенно говоря, мне это не понравилось. Одно дело выращивать и воспитывать животных для сельского хозяйства и обороны, и совсем другое — разводить голубей для собственного развлечения или — петухов для боев.

Раньше многие бездельники держали петухов, баранов, собак и других животных, чтобы устраивать побоища, натравливая их друг на друга и любуясь, как они дерутся, истекая кровью. И, что еще хуже, это было иногда средством наживы. Когда я был ребенком, по соседству с нами жил молодой парень. У него было много разноцветных лохмоногих голубей. До позднего вечера он смотрел, как они летают, переманивал голубей у других любителей, бегал по соседним крышам, кидал камни, разбивал стекла. Не было дня, чтобы он не затевал скандала с другими голубятниками-соседями.

Однажды он свалился с крыши трехэтажного дома и разбился насмерть. С тех пор я ненавижу голубятников.

Голубятня в доме Эльдара была невелика. Во дворе не гуляли крикливо раскрашенные голуби, каких я видел у голубятников. Тогда я предположил, что Эльдар либо держит почтовых голубей, либо просто, пожалев птиц, построил им жилище. Эти догадки уже не вызывали во мне неприязни. Ведь почтовые голуби, как и ищейки или пограничные собаки, полезны и в хозяйстве и в обороне. Строить домики для голубей, скворцов и других птиц, помогать их размножению и беречь их — безусловно полезное дело.

Вынув из сумки раненого голубя, я сказал, протянув его Эльдару:

— Возьмите, Эльдар, и этого голубя, пустите его к остальным, рана у него легкая, она скоро заживет. Говоря по правде, я жалею, что стрелял в него.

Эльдар, улыбнувшись, взял голубя. Вынув горсть зерна из мешочка, висевшего на столбе, он высыпал его на землю и протяжно просвистел. Голуби с голу-

бятни и с крыши слетелись на его зов и стали клевать зерно.

Я заметил, что у одного из голубей правое крыло раскрылось меньше левого и он летел косо. Эльдар пустил моего раненого голубя к остальным. Его крылышко беспомощно свисало. Голубь на минуту остановился, осмотрелся и потом, поправив клювом раненое крыло, поднял его кверху и как ни в чем не бывало стал клевать вместе с другими голубями.

После нашей охоты больше, чем отдохнуть и поесть, мне хотелось услышать рассказ Эльдара. Мы почистили ружья, умылись и прошли в комнаты.

ЛЮДИ НОВОЙ ДЕРЕВНИ

По обычаю гостеприимства, оставшемуся от наших дедов и прадедов, когда к кому-либо в дом приезжает дальний гость, все почтенные сельчане, независимо от того, звали их или нет, приходят навестить его.

Мы пили чай, беседуя с Эльдаром о минувшем дне. Я с нетерпением ожидал его рассказа о голубях и поэтому стремился быстрее закончить разговоры на другие темы.

Выпив свой стакан, Эльдар сказал:

— Пойду посажу того голубя в голубятню, он сам взлететь не сможет.

Он ушел, и я решил, что по возвращению он расскажет мне обещанное. Вскоре Эльдар вернулся, но не один.

— Пожалуйста, пожалуйста, — приветливо говорил он кому-то за дверью.

К комнату вошли четыре колхозника. Эльдар познакомил нас. Один из них был мужчина на вид сорока пяти-пятидесяти лет, высокий, широкоплечий, с добродушным лицом. Из-за морщин, лучами идущих от уголков его глаз, казалось, что он все время смеется. И правда он, когда говорил и когда слушал, посмеивался, показывая из-под усов тесный ряд белых зубов. Летнее солнце и зимний холод сделали его щеки смуглыми. В глазах и в голосе его были простота и задушевность, невольно передававшиеся окружающим.

В разговоре выяснилось, что Дашдемир-ами¹ (так звали этого мужчину) был человек, видевший виды, прошедший огонь и воду. Еще безусым юношей он был в отряде Гачага-Наби и сражался на обоих берегах Аракса. Я очень обрадовался, увидев бывшего соратника героя, жизнь которого стала легендой, и не удержался от просьбы рассказать что-нибудь.

— Сохранилось ли в вашей памяти какое-нибудь событие? — спросил я.

— То, что слышишь от других, забывается, но разве можно забыть то, что произошло в собственной жизни?

— Если так, расскажите что-нибудь.

— Эх, кардаш-оглу², рассказывать так много, слов не хватит... Я, пожалуй, утомлю вас. И к тому же вы только что вернулись с охоты, устали. Будем живы, приедете еще раз сюда, спокойненько побеседуем.

Увидев, что Дашдемир-ами вынул кисет и стал сворачивать самокрутку, я предложил ему папиросу.

— Спасибо, — сказал он, — это табак, который я сею у себя во дворе. От другого табака у меня кашель. Очень хороший табак. Попробуйте.

Я закурил. Действительно, табак был душистый и приятный.

— Ну как? — спросил он.

— Отличный табак, — ответил я, — не придерешься ни ко вкусу, ни к аромату.

Привыкший с подобным похвалам, Дашдемир-ами сказал со спокойной уверенностью:

— Наша земля — золото! В прошлом никто не знал ей цены. Страну разорjali, покупали чай в Индии и в Китае, рис и апельсины — в Персии и даже в Италии, а табак — в Турции. А теперь все это мы выращиваем здесь и вдесятеро лучше. Недавно я повез мой табак в Баку. В министерстве всем понравилось. С этого года разрешили сеять на специальном опытном участке,

¹ Ами — дядя по отцу, принятое обращение ко взрослому.

² Кардаш-оглу — сын брата, принятое обращение.

Другой гость, с медалями и орденами за участие в Великой Отечественной войне, вмешался в разговор и полусерьезно сказал:

— Даштемир-ами — наш районный Мичурин. В его саду есть такие удивительные деревья, что не веришь своим глазам. В разгар зимы он собирает виноград, а если на яблоне увидишь абрикосы, на абрикосовом дереве апельсины — не удивляйся. Он говорит, что в наших садах должны расти всякие небывалые фрукты, и обязательно — круглый год.

Дашдемир добродушно ответил в тон парню:

— А что, бала¹, что же здесь удивительного? Ты вот стахановец и выполняешь по семь-восемь норм, отчего же мне мичуринцем не быть? Буду, и еще как шагну! Ты мне скажи: сбывается то, что я говорю, или нет?

— Правда, — вмешался в разговор Эльдар, — Дашдемир-ами вырастил в своем саду множество сортов растений, не боящихся ни зноя, ни мороза, ни засухи. И не только в нашем, но и во многих колхозах района выращиваются растения, взятые из сада Дашдемира-ами. Особенно пионеры и школьники распространяют его питомцев. В прошлом году в ответ на призыв пионерской печати украсить нашу страну фруктовыми садами, наша школа разбила красивый сад. Ребята учатся в этом саду ухаживать за деревьями и переносят опыт к себе домой и к соседям. Дашдемир-ами всегда помогает им.

Дашдемир-ами крякнул и покрутил ус с шутливым самодовольством.

Мы все рассмеялись. Один из гостей почему-то не участвовал в беседе. По всем признакам, по цвету глаз и волос, он был, очевидно, русским. Обращаясь к нему по-русски, я спросил:

— Давно ли вы живете здесь?

Он ответил со смехом на чистом азербайджанском языке с местным акцентом:

— Мы здешние, еще с дедовских времен.

Заметив на моем лице удивление, он пояснил:

¹ Бала — дитя, обращение к младшим.

— Еще проклятый дед царя Николая сослал наших предков сюда. Царь хотел удержать в одной руке два арбуза. Наши предки — молокане, ссылаясь на запрет своей веры, отказывались давать солдат в его армию. И царь, желая удалить их из России, сослал сюда, думая разжечь раздоры между ними и местными жителями. Но вышло наоборот. Рука об руку с здешними людьми мы начали бороться за свои права и в этой борьбе стали кровными братьями. А после революции совсем породнились. Вот, — добавил он, указав на парня, шутившего с Дашдемир-ами, — этот парень — мой зять.

— И внук у него есть, — заметил со смехом Дашдемир-ами, — одна бабушка зовет его Руслан, а другая — Рустам.

Подали кушать. Как большая дружная семья, перебрасываясь шутками, все уселись за стол. Поев, Дашдемир-ами поднялся и сказал товарищам:

— Ну, пошли, они устали, пусть отдохнут.

Пожелав нам спокойной ночи, они ушли. Эльдар пошел проводить их.

РАСКРЫТИЕ ТАЙНЫ

Вернувшись, Эльдар повторил слова Дашдемира-ами:

— Вы устали, ложитесь отдохнуть.

Но я напомнил о его обещании рассказать, что его взволновало, когда я ранил голубя. Он почему-то опять захотел отложить беседу на завтра, но я настаивал. Тогда он уселся против меня и рассказал следующее:

— Мы живем на границе, здесь очень часто случаются странные и неожиданные происшествия. Коля рассказывал вам днем об одном из них. Но границу охраняют не только пограничники, здесь каждый житель — пограничник, каждый охраняет границы Родины, как зеницу ока. Если каким-либо образом «ночная птица» обманет бдительность пограничников, то она вскоре будет поймана местными жителями.

Я родился и вырос здесь и был не только свидетелем многих таких происшествий, но и участником их. Случай с раненым голубем напомнил мне одно из них.

Два года тому назад стояло такое же утро, как и сегодня. Я возвращался берегом от своих друзей-пограничников, и увидел на той стороне реки человека в гражданской одежде, разгуливающего с охотничьим ружьем. Это было странно. Я знаю, что там почти нет охотников. Охотиться на пограничном берегу воспрещается. Но за последнее время мы привыкли к подобным странностям: после того, как там появились англо-американские «советники», мы стали часто видеть на том берегу «охотников», «художников», рисующих пейзажи, или «фотографов». Некоторые из них, «заблудившись», оказывались иногда на нашем берегу. Таким мы указывали потом правильную дорогу. Одним словом, этот странный охотник заинтересовал меня. Прикинувшись равнодушным, я вошел в густые камыши и оттуда стал наблюдать за ним. Он ходил взад и вперед по определенному отрезку, как часовой, и поглядывал на наш берег, но больше глядел на свой. И часто смотрел на небо. Прошло немного времени. Я уже устал и решил продолжать свой путь, как вдруг увидел, что он снял ружье с плеча и приготовился стрелять. Я посмотрел вверх: над его головой летел обыкновенный голубь. Было ясно, что он хотел сбить его. Это меня удивило еще больше. Жители того берега, как и наши люди, считают голубя домашней птицей и не стреляют в них. Когда голубь пролетел, тот выстрелил, но не попал. Голубь, напуганный выстрелом, полетел быстрее; он уже был над рекою, когда послышался второй выстрел. Голубь, пролетев немного, боком упал в реку и точно так же, как и подбитый вами, стал хлопать крыльями по воде и еле-еле выбрался на наш берег. Я подобрал его. Это был самый обыкновенный голубь, из тех, которые живут у нас на крышах и копаются в поисках корма с нашими цыплятами и курами. Кстати сказать, эти голуби не перелетные. Они никогда не покидают приглянувшихся им мест, где вьют свои гнезда. Однако, как охотник-наблюдатель, я заметил, что за последнее время с того берега к нам

перелетают стаи голубей и обратно не возвращаются. Видимо, их гнезда разорены и достались совам...

Сначала я так и не мог понять, почему же странный «охотник» стрелял в этого голубя. Сбивать птицу над рекой не было смысла, так как течением ее все равно унесло бы от него.

И вдруг меня осенила мысль. Ведь раньше голубей использовали как средство связи. Да и сейчас, когда нет возможности связаться по радио или по телефону, используют голубей. Может быть...

С этими мыслями я осторожно осмотрел птицу и нашел под раненым крылышком бумажку, свернутую в трубочку. Я прочел ее. Это было трогательное письмо, полное надежды и веры...

Тогда этот голубь стал мне дорог вдвойне. Он был посланцем угнетенного братского народа. Поэтому, когда вы ранили голубя, я вспомнил тот случай и невольно вскрикнул...

Эльдар умолк. Видимо, он хотел на этом закончить разговор. Но, уступив моим настояниям, поднялся и принес письмо. Он хранил его, как святыню. Послание было написано еле разборчивым мелким почерком.

На бумаге, намокнувшей от воды и крови голубя, были розоватые прожилки, как на мраморе. Эльдар принес вместе с письмом и лупу. Мы вместе прочли письмо.

«Дорогой друг, родной брат! Горячий привет тебе от героического народа славного Бабека¹, великого Хатаи², отважного Саттар-хана³.

Мы, группа свободомыслящих и свободолюбивых юношей, искали возможность передать тебе сердечные слова с нашей родины, превращенной теперь в темницу.

Наши глаза всегда обращены в вашу сторону. Мы увидели, как голубки, эти счастливые птицы, перелетают из нашего мрака в страну света и счастья. И мы

¹ Б а б е к — предводитель народного восстания против иранского и арабского владычества в X в.

² Х а т а и — правитель и поэт.

³ С а т т а р - х а н — вождь революционно-освободительного движения в начале XX в.

поручили одному из них это письмо. Мы знаем, что в мире света у нас есть братья, их язык — как наш язык, их сердце — как наше сердце, их кровь — такая же, как наша. Это придает нам веру и отвагу. Нас лишили родного языка, лишили возможности слышать правду о родном крае. Нас высылают в дальние края из родной земли, каждая пядь которой напоена кровью наших дедов.

Но мы знаем, что такое борьба за родину и свободу, мы вкусили свободу и научились у вас, у славной советской молодежи, защищать ее. Великое солнце свободы дало нам силу и разум.

Наши палачи не понимают, что для солнца нет расстояний.

Наш лозунг таков: Да здравствует солнце! Да здравствует мир и свобода!».

Прочитав это письмо, мы молча посмотрели друг на друга. Каждый понимал, что творится в душе другого.

И в тот вечер мы не проронили больше ни звука. Только до самого рассвета слушали песню соловья — песню горькой печали и надежды...

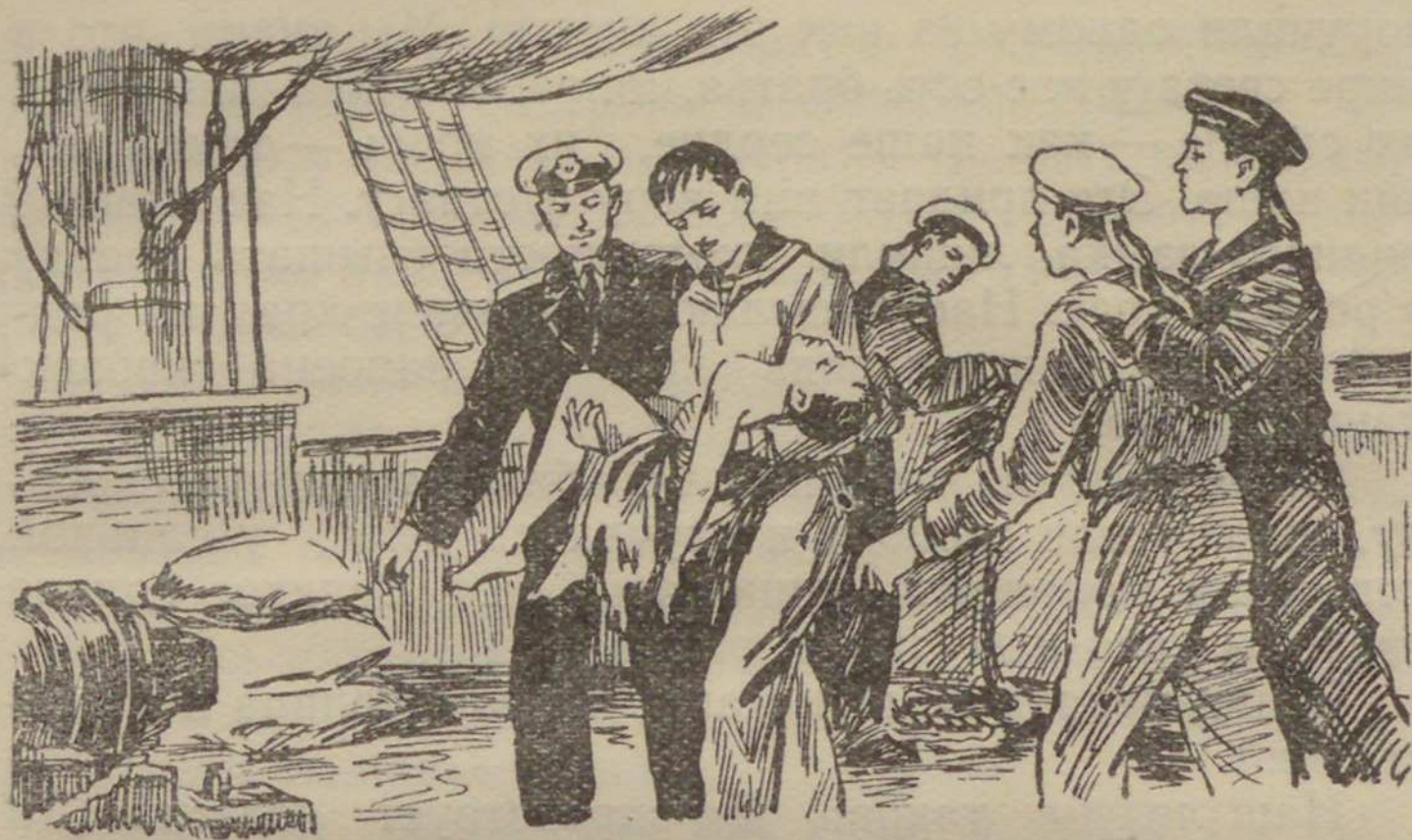
Утром, собираясь прощаться, я вышел во двор и посмотрел на голубятню. Там был только голубь, раненный мною вчера. Я удивленно взглянул на Эльдара. Он понял меня и ответил:

— Они вольные птицы. Сейчас летают вдоль Аракса. У голубя, которого ранил тот «охотник», крыло давно зажило. Он каждое утро и вечер летит на реку, кружит над берегом, и мне кажется, что возвращается грустным-грустным... Кто знает, может быть, там у него птенцы остались.

Когда Эльдар говорил это, раненый голубь возвратился со своим товарищем. Покружив над домом, они сели на голубятню.

Я внимательно посмотрел на голубя. И мне показалось, что он с грустью глядел в сторону Аракса.

В тот же вечер мы простились с Эльдаром. Я обещал ему никогда больше не стрелять голубей.

Т Е З К И

ДВЕ «ШАХЕРЕЗАДЫ»

Советское учебное судно «Утро» подходило к одному из портов Басрийского залива, чтобы пополнить запасы продовольствия и питьевой воды. Парусное судно, оно в то же время было снабжено всей необходимой современной морской техникой: для того, чтобы стать хорошим моряком, нужно знать не только современную морскую науку и технику, но и уметь плавать под парусами, уметь грести, уметь древними способами, по солнцу и звездам, определить местонахождение, скорость и курс корабля. Поэтому-то «Утро» чаще всего плыло под парусами. Оно походило на огромного сказочного лебедя, который плывет, подняв свои белоснежные крылья над спокойной, сверкающей гладью моря.

Давно уже стемнело, горизонт окутала тьма южной ночи. На небе горели звезды. Они горели так низко, что казалось, можно достать до них — стоит только протя-

нуть руку. Млечный путь сиял, похожий на фосфоресцирующее облако, готовое коснуться верхушек мачт.

Воздух замер, не чувствовалось даже легкого дуновения ветра. Корабль будто не двигался. Но свет, падающий на воду из иллюминаторов и от боковых и кормовых сигнальных фонарей, а также едва слышимый шум разрезаемой воды, доносившийся с носовой части, говорили о том, что корабль, хоть и медленно, но все-таки движется.

Море в далеком, усыпанном огнями порту, темное как и небо, напоминало асфальт после дождя.

На палубе царил тишина. Обычно на пароходах, подходящих к порту, всегда подымается невероятный шум и гам. Возгласы людей, впервые увидевших чужую страну, радостные восклицания возвращающихся на родину, назойливые вопросы туристов, налаживающих свои бинокли и фотоаппараты, стук чемоданов пассажиров, готовящихся сойти с парохода, сливаются в сплошной нестройный гул.

Но на этом корабле не было ни купцов, торопящихся сойти на берег, ни туристов, ни людей, возвращающихся на родину. Весь экипаж корабля состоял из молодых советских моряков, оканчивающих мореходное училище, и из их преподавателей и воспитателей. Молодые моряки во время этого учебного плавания посетили порты, города и страны, о которых слышали и знали еще во время учебы. Сейчас те, что стояли на вахте, были заняты своим делом, остальные отдыхали. Хотя корабль находился вдали от Советской страны, но он составлял ее маленькую часть, его дыхание было слито с дыханием Родины, он жил ее жизнью.

Азад, отдохавший в каюте вместе со своими товарищами, улегся перед открытым иллюминатором и смотрел на море. По мере того как корабль приближался к берегу, на озаренном огнями горизонте все более четко вырисовывались контуры минаретов, куполов, плоских крыш с решетчатыми перилами, финиковых пальм, бананов и олив.

Глядя на них, на звезды, горевшие в черно-бархатном небе, на недвижимое море, на тающие в воде

полосы света, Азад уносился в мечтах далеко-далеко, в мир сказок и легенд.

Он слышал и читал удивительные сказки и предания об этих местах. Теперь они оживали в иллюминаторе, переплетаясь с давними детскими мечтами. Ему казалось, что, сойдя с корабля, он вступит в мир волшебств и чудес: летающих ковров, золотокрылых птиц, похожих на яркое опахало, пери, танцующих и прозрачных шелках, багдадских воров, карабкающихся по веревке, конец которой заброшен в небо, дивов, выходящих из кувшинов, драконов, сторожащих сокровищницы, полные драгоценностей...

Конечно, Азад хорошо знал, что все это выдумка, но сказки и легенды, слышанные им в детстве, книги, прочитанные им, кинокартины будили в нем странно-неотвязные мысли о тех местах, к которым они сейчас приближались.

Но как непохож этот пестрый блеск на действительность... Чтобы отделаться от запутанных мыслей, Азад включил радиоприемник, стоявший в каюте на маленьком столике около его койки. Радиоприемник был настроен на Москву.

Издали донесся звон бубенцов словно бы приближавшегося каравана. К этому звону робко примешивались печальные звуки флейты и скрипки; потом они крепились, разливались волнами, как грозно бушующее море.

«Шахерезада»!..

Азад любил музыку и особенно сильно — это изумительное произведение.

Когда бы и где бы то ни было, на любом концерте или по радио, если в программе была «Шахерезада», он обязательно слушал — и всегда вместе с ней, с Улькяр...

Улькяр — соседка Азада. До седьмого класса они учились вместе, в одной школе. Улькяр брала также уроки музыки и после окончания семилетки поступила в музыкальное училище. Азад же пошел в мореходное училище. В этом году оба они, окончив училище, начнут самостоятельную трудовую жизнь.

Их семьи дружили. Азад рано остался сиротой. Отец его был капитаном нефтеналивного судна, он погиб в годы Великой Отечественной войны. Когда Азаду было шесть-семь лет, отец рассказывал так много интересного о мореходстве, так часто брал его с собой на прогулку в море, что пробудил в сыне любовь к своей профессии. Ребенком Азад носил только матроску. У него было много фотографий, на которых он был снят вместе с отцом, одетым в морскую форму. С последней фотографией — на ней отец был уже в военно-морской форме — Азад никогда не расставался. Вот и теперь эта карточка висела в овальной рамке над койкой Азада. Мать же его заболела и умерла вскоре после гибели отца.

Хотя Азад и остался без отца и матери, но не знал сиротства. Он учился и овладевал любимой профессией.

Потеряв мать, Азад особенно сильно привязался к семье Улькяр. Все свое свободное время он проводил у них. С ними вместе он ходил в театр, в кино и на концерты. Очень часто дождливые осенние и зимние вечера они проводили дома. Улькяр играла на пианино. Вместе слушали радио и с увлечением говорили о будущем. Если и раньше в чутком сердце Азада была склонность к музыке, то после знакомства с Улькяр она превратилась в подлинную любовь.

Теперь, далеко от родины, слушая в каюте корабля «Шахерезаду», Азад был уверен, что и Улькяр в эту минуту сидит у радиоприемника. Она имела привычку, слушая любимую мелодию, тихонько подпевать и дирижировать самой себе. Азад тоже невольно стал подпевать и взмахивать рукой в такт музыке.

«Шахерезада»...

Созданная в духе восточных легенд, она как бы сливалась со сказочной южной ночью, с ее ярко горевшими звездами, с россыпью огней, сверкавших на горизонте, на берегу и на воде. Казалось, будто девушки-пери, пленницы дивов и драконов из сказок «Тысяча и одной ночи», рассказанных Шахерезадой повелителю правоверных, освободившись из плена и подчиняясь прекрасной мелодии, танцуют на ровной

глади моря, озаренные ярким светом, скользят подобно тонким облакам, плывущим под легким дуновением предутреннего ветра. Вдруг, словно блеснула молния и прогремел гром, море вспенилось, уснувшие дивы и драконы проснулись и с бешеным ревом погнались за ними, ловят их острыми, длинными когтями, заливаются диким смехом, кричат и беснуются. В этот крик, хохот и рев ворвались крики совы, завывание волка...

Азад повернулся и посмотрел на приемник. Ему показалось, что он нечаянно дотронулся до рычага приемника и поймал американскую станцию. Но нет, крик, шум, рев, хохот филина — вся эта дикая разноголосица усиливалась.

Азад посмотрел в иллюминатор. Только теперь он понял; пока он мечтал под звуки «Шахерезады», корабль подошел к берегу. И эта какофония доносилась с берега, из портового ресторанчика.

И странно — этот джаз тоже исполнял «Шахерезаду». Но как! Как говорят, не дай бог видеть глазами, слышать ушами...

Азад брезгливо поморщился и быстро выключил приемник, словно музыка, приносимая радиоволнами, может оскверниться, как жемчужина, упавшая в помойную яму. Потом он встал и вышел на палубу.

КРОВАВЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

К соседнему причалу подошел большой американский пароход. Он стал напротив пришвартовавшегося «Утра». Он походил больше на тюрьму, чем на корабль — неуклюжее, громоздкое судно без мачт, с узкими иллюминаторами, тяжелыми подъемными кранами. Причал был окружен солдатами. Огромные подъемные краны, скрипя цепями, поднимали с палубы и из трюмов корабля танки, орудия, части самолетов, длинные деревянные ящики и опускали их на пристань.

Хотя американцы и не скрывали своей «помощи» странам Востока, но все-таки считали, что лучше

всего оказывать эту «помощь» ночью, подальше от посторонних глаз.

Длинные, широкие и толстые доски тянулись к открытым трюмам американского парохода. По этим доскам двигались слабые, худые, в лохмотьях люди, сторбленные под непосильно тяжелой ношей... Они таскали на пароход мешки риса, фиников, сушеных абрикосов. Эти люди с тоской и ненавистью смотрели на мешки, которые несли для чужестранцев, видимо, вспоминая о голодных и больных женах и детях, оставленных дома. Их губы шептали проклятия.

Американская помощь... Какая это странная помощь, что все от нее вопят и остаются без работы! Эта помощь разоряет мелких ремесленников, крестьян превращает в нищих, лишает куска хлеба и обрекает на голод тысячи женщин, юношей и маленьких детей.

Азад в различных портах, куда они входили, своими глазами видел какова эта помощь. Теперь, глядя на картину, развернувшуюся перед ним, он вспомнил другую, которую видел не так давно.

В одном из восточных портов стоял огромный американский пароход. Не то он уже был разгружен, не то окончил погрузку, — как бы там ни было, но на нем все было спокойно. Палуба сильно возвышалась над пристанью. По ней гуляли американские моряки. Они покуривали сигареты, ели апельсины, бананы и бросали кожуру и отрезки на пристань.

На пристани толпились дети всех возрастов, закутанные в лохмотья. Очень трудно было отличить девочек от мальчиков — их одежда была и не для мальчиков, и не для девочек, и едва прикрывала тело. Волосы у всех были взлохмачены, лица черны от грязи и копоти. Они походили на озабоченных взрослых людей, на плечи которых возложена забота о доме, о семье. Даже внезапные их улыбки скорее напоминали горькие гримасы. Благодаря американской «помощи» у каждого из них остались дома безработные отцы, превратившиеся в нищих, больные матери, голодные и голые братишки и сестренки. Они не могли и думать о школе, а собирались около пристаней, вокзалов, магазинов и складов, таскали тяжелые грузы, зарабаты-

вая деньги на хлеб. А когда не бывало работы, они попрошайничали, рылись в мусоре, выискивая что-нибудь съедобное.

Так было и теперь. Когда американские моряки бросали на пристань объедки, дети, как голодные птицы, набрасывались на них, стараясь вырвать друг у друга. Они толкались, а иногда и дрались...

Видимо, это понравилось американцам. Они, громко смеясь, позвали остальных матросов на палубу и стали кидать детям различную снедь. К пароходу ринулись дети с другого конца пристани и с соседних улиц.

Американцы бросали горсти дешевых лакомств и остатки еды, а потом упоенно смотрели на драку ребят. Глядя на избитых и окровавленных детей, они, очевидно, получали огромное удовольствие. Точно так же, как боксеров на ринге, они своими криками подзадоривали дерущихся детей. Они свистели, кричали, аплодировали, покатываясь со смеху...

Советские моряки, не в силах вынести это жестокое зрелище, сжав кулаки и скрипя зубами, уходили в каюты.

Азад, глядя на этих детей, вспомнил годы своего детства. Вот они на берегу Каспия с веселыми криками бегут по перламутровому песку и кидаются в прохладные морские волны. Далеко разлетаются хрустальные брызги. Белая пена на воде образует причудливые узоры. Волны ласкают загоревшие, почти бронзовые тела ребят.

Каждый год они проводили лето в пионерских лагерях на берегу Каспия или же на эйлагах в горах...

Когда Азад увидел, как эти цивилизованные дикари грубо издеваются над голодными, несчастными детьми, кровь ударила ему в голову. Он закрыл глаза. Взрыв хохота и грубых выкриков заставил его вновь взглянуть на американский пароход. Огромный верзил, облокотясь о перила палубы, заревел во всю глотку, как будто подзадоривал дерущихся зверей, и изо всей силы кинул на пристань горсть чего-то темного. Одна штука, отлетев в сторону, упала на палубу корабля, прямо у ног Азада. Это было что-то шоколад-

ного цвета, четырехугольное, похожее на карандашную резинку. Дети с криком кинулись за добычей. Те, кто оказался впереди, хватали эти темные квадратики и засовывали себе в рот, подбегающие сзади кидались на них, началась жестокая свалка; вопли и стоны избитых детей смешивались с пьяными выкриками и смехом американских моряков.

Но вскоре случилось еще более страшное: детей, положивших в рот эти квадратики, начало тошнить, они кричали, а те, кто уже успел проглотить, схватились за животы, повалились на доски пристани в корчах и стогах. Остальные со все возрастающим страхом смотрели на своих товарищей, матросы же потирали руки и покатывались со смеху.

Но, кажется, ненависть и злоба детей достигла уже предела. Среди них выделился высокий, видимо более взрослый, юноша. Давно уже он стоял в стороне от детей, которые кидались на объедки, и зло смотрел на американцев, разнимал дерущихся, что-то говорил им. Этот юноша, не в силах больше сдерживаться, крикнул что-то и, подняв с земли обломок кирпича, изо всей силой кинул его в собравшихся на палубе матросов. В один миг ребята последовали его примеру и, забрасывая американцев камнями, стали выкрикивать:

- Убирайтесь к черту!
- Долой американцев!
- Проклятые изверги.

Матросы тотчас же разбежались. Стекла разбитых иллюминаторов с шумом сыпались в воду. Ребята кидали камнями и выкрикивали проклятья.

Вдруг с парохода прогремело несколько выстрелов. Раздались свистки. Сбежались полицейские. Дети разбежались. Полицейские, схватив тех, которые лежали на пристани, обливаясь кровью, потащили их за собой.

Азад поднял кусок, упавший на палубу. Это было техническое мыло шоколадного цвета, сделанное из самого скверного суррогата — один из видов американской «помощи», подарок голодным детям.

Пока Азад и его товарищи смотрели на эту отвратительную картину, к пристани тихо подошел маленький баркас. Баркас тянул на буксире громадную баржу, груженную каменным углем. Палуба была полна грузчиками. Освещенные мощными прожекторами, установленными на пристани, они были видны так же ясно, как при ярком дневном свете. Их лица, волосы и одежда почернели от угольной пыли, сверкали только белки глаз и зубы. Нельзя было определить ни их возраста, ни национальности. Только по маленькому росту, по худобе, по тонким голосам можно было понять, что это дети. Среди грузчиков находились и согбенные старики со свалывшимися бородами и волосами.

Когда баржа подошла, на американский пароход перекинули узкие сходни, и грузчики начали таскать уголь.

Это был не труд, а сплошное мучение. Уже давно наступила ночь, но в трюмах баржи стояла нестерпимая духота. Воздух был густо насыщен угольной пылью. Смешавшись с потом, она, как мазут, стекала с их лбов по бровям на щеки, попадала в глаза. Грузчики, согнутые под тяжестью плетеных корзин, наполненных углем, часто терли тыльной стороной руки глаза, разъедаемые угольной пылью, и теряя равновесие, начинали шататься из стороны в сторону. Надсмотрщики с толстыми бамбуковыми палками расхаживали между грузчиками и подгоняли отстающих.

Несколько человек в трюме баржи огромными лопатами наполняли корзины углем и передавали их грузчикам, стоявшим у нижних ступенек. Те, в свою очередь, передавали корзины стоящим наверху, — так корзины поднимались на палубу, где грузчики взваливали их на спину и несли к сходням американского парохода. Там они снова передавали корзины друг другу.

Сердца Азада и его товарищей обливалось кровью, когда они смотрели на людей, готовых перенести

любые муки ради куска хлеба. Кряхтя и тяжело дыша, они проходили совсем близко от «Утра».

Азад и его товарищи не могли понять одного: почему уголь таскают эти бедные люди, когда на американском корабле имеются мощные подъемные краны? Если бы работал хоть один из этих подъемных кранов, труд этих сотен людей намного облегчился бы. Они наполняли бы корзины или же ящики углем прямо в трюме баржи, а подъемный кран мог бы все это одним махом перенести на пароход. Почему же они этого не делают?

Азад и его товарищи, задавая друг другу вопросы, не могли найти объяснения этому. Говорили, что подъемные краны заняты выгрузкой танков и орудий. Но на корабле было несколько подъемных кранов, которые бездействовали, почему же их не пускают в ход?

Во время горячего спора к ним подошел помощник капитана.

— Конечно, — сказал он, — подъемные краны намного облегчили бы и ускорили работу. Но для машины нужны горючее и энергия, а здесь труд человека гораздо дешевле. Но это только одна сторона вопроса. Другая сторона заключается в том, что, если большую часть работы будут выполнять подъемные краны, то рабочей силы потребуется мало. Здесь же бесчисленное количество безработных. Десятки тысяч рабочих, занятых прежде на нефтяных промыслах и нефтеперегонных заводах, теперь остались без дела. Они разбрелись по соседним городам и готовы выполнять любую работу из-за куска сухого хлеба.

— Значит, американцы обеспечивают этих несчастных работой, оказывают им «помощь»? — с горькой усмешкой спросил Азад.

— Верно, так оно и есть. Это тоже одна из форм американской «помощи»...

В толпе грузчиков раздался душераздирающий детский вопль. Все повернулись в ту сторону.

Худой мальчик с корзиной на спине, которая была больше, чем он сам, не в силах совладать с непомерною тяжестью, задержался у сходней, ведущих с бар-

жи на пароход. Надсмотрщик сзади так ударил мальчика, что тот, вскрикнув от боли и потеряв равновесие, зашатался и с воплем, увлекаемый корзиной, свалился в море. Когда некоторые из его товарищей хотели броситься ему на помощь, надсмотрщик, подняв палку, закричал на них:

— Занимайтесь своим делом! Не утонет! А если и утонет, не велика важность.

Азад с товарищами побежал на корму. Мальчик упал в море между баржей и их кораблем. На поверхности воды не было никаких следов ни от корзины, ни от мальчика, только подымались и лопались маленькие пузырьки воздуха. Азад и его приятель Коля, одетые в легкую летнюю морскую форму, тотчас же бросились в воду. Остальные побежали за спасательными кругами и веревочными лестницами.

Азад, глубоко нырнув и сделав несколько кругов под водой, нашел утонувшего мальчика. Его ноги были придавлены корзиной с углем. Он бился, чтобы высвободится и, выбившись из сил, остался лежать неподвижно на дне. Азад, схватив мальчика за руки, пытался плечом свалить корзину. В это время он почувствовал, что кто-то схватил его сзади за руку. Это был Коля. Они вместе оттолкнули корзину с углем, подхватили мальчика, выплыли на поверхность моря и по веревочной лестнице, спущенной с корабля, поднялись на палубу. Все столпились вокруг них. Мальчик не приходил в сознание. Он был очень худ, выглядел лет девяти-десяти. На нем не было одежды, только какая-то тряпка повязана у пояса. Хотя он и побывал в воде, с его лица, курчавых волос, ресниц и бровей так и не смылась въевшаяся в них угольная пыль. Суставы его ног и рук казались опухшими. Его ребра легко можно было пересчитать.

Надсмотрщик и грузчики, увидев, что мальчик спасен, уже больше о нем не думали.

Корабельный врач с помощью юных моряков привел в чувство мальчика. Когда он немного отдохнул, его повели в баню, искупали и перевязали раны, постригли.

Корабельный портной быстро смастерил ему одежду из того, что принесли юные моряки. Чистенько одев, его усадили в мягкое кресло на корме, в уголке отдыха. Молодые моряки окружили спасенного мальчика и стали заговаривать с ним.

Мальчик, подавленный всем случившимся, ошеломленный сердечным обращением, какого он никогда в жизни не знал, постепенно освоился и его страх начал проходить. Он улыбался, смотря на знаки, которые ему делали моряки. Но в его улыбке было столько грусти, что она напоминала луч солнца, который лишь на одно мгновение блеснет и пропадет в зимнем мгlistом небе.

Корабельный врач не советовал сразу кормить его. Он считал, что необходимо повременить час-два после лекарства и сладкого чая. Поэтому молодые моряки хотели развлечь его разговорами и не знали, на каком языке с ним говорить. Они пытались говорить с ним по-английски, по-французски, по-русски, но он их не понимал.

Азад и Коля, умывшись и сменив одежду, тоже поднялись на палубу. Тут один из молодых моряков, указывая рукой на себя и на своих товарищей, начал называть всех по именам:

— Ваня, Коля, Рашид, Петр, Автандил...

Потом он, указав рукой на мальчика, вопросительно взглянул на него. Мальчик догадался чего от него хотят и, приложив руку к груди, назвал свое имя:

— Азад!

Все, невольно повторив это имя, взглянули на того, кого они привыкли так называть. И маленький мальчик со всеми вместе обернулся к Азаду. Тот пристально взглянул на него. Еще недавно лицо этого несчастного мальчика было черным от ввевшейся угольной пыли, с синими от удушья губами и полузакрытыми глазами. Теперь оно светилось радостью. На этом смуглом несколько удлиненном лице с тонкими чертами, блестяли глаза, правдивые и доверчивые. Вьющиеся жесткие волосы аккуратно подстриженные, обрамляли высокий лоб. Нос с горбинкой, немного загнутый книзу, напоминал орлиный клюв. Тонкие губы были плотно сжа-

ты. На всем облике мальчика — провалившихся щеках, бледных губах, открытом и высоком лбу, в грустном взгляде заметны были следы, не свойственных детям, забот и горя.

Советские моряки смотрели на двух Азадов, пристально разглядывавших друг друга. Овал лица, цвет волос и глаз советского юноши и спасенного мальчика были очень похожи, но как различно было выражение их лиц!

Советский юноша смотрел в глаза своего тезки, и, казалось, он увидел родного брата. Маленький Азад почувствовал это. Он сделал движение, собираясь встать, но молодой моряк, шагнув к нему, сказал по-азербайджански:

— Азад! Тезка!

— Брат!.. — крикнул мальчик и обвился руками вокруг его шеи.

Эта сцена взволновала всех. Когда первое возбуждение улеглось, тезки сели рядом и начали беседовать. Маленький Азад больше не робел, как вначале; и не сторонился моряков, а говорил и смеялся вместе с ними, точно давнишний друг.

Из беседы тезок выяснилось, что жизнь маленького Азада так же проста и трагична, как и жизнь десятков тысяч детей в колониальных и полуколониальных странах.

Маленький Азад — азербайджанский мальчик. Дед его когда-то был рабочим на бакинских нефтяных промыслах. Потом участвовал в освободительном движении Саттар-хана и погиб в одном из боев. Отец — тоже рабочий. Когда закрыли абаданские нефтяные промыслы, он приехал сюда, в этот портовый город, чтобы, работая грузчиком или поденным рабочим, как-нибудь прокормить семью. Мать Азада и две его младших сестры лежали дома больные. Каждое утро отец и сын, выйдя из дому, направлялись в разные стороны, к пристани и базарам, чтобы заработать хоть что-нибудь. Вечером каждый из них, купив на заработанные деньги немного хлеба и сыра, возвращались домой. Но очень часто они приходили с пустыми руками.

Хотя у маленького Азада были родители, но жил он хуже сироты.

Пока тетки беседовали, буфетчица принесла маленькому Азаду обед и поставила его перед ним на круглый столик. Здесь было все, чего только могла пожелать душа: мясной флотский борщ из свежих овощей, жаркое с макаронами и помидорами, румяные, как яблоко, пирожки, нарезанный ломтиками сыр, очищенные яйца, посыпанные зеленью, жареная лососина, паюсная икра, пирожное, шоколад, конфеты, мандарины, лимон, виноград...

Все знали, что этот бедный мальчик никогда в жизни досыта не ел, а в последние дни у него во рту и вовсе ничего не было. Поэтому все думали, что сейчас он с жадностью набросится на еду. И корабельный врач возражал против такого количества еды. Он боялся, что ребенок не сможет удержаться и, поев слишком много, заболеет. Но один из моряков принес шоколад, другой — конфеты, третий — консервы, четвертый — свою порцию мороженого и много других лакомых вещей. Они настойчиво требовали, чтобы все это было положено на поднос. Врач вынужден был согласиться, но с условием, что они будут следить за мальчиком и не дадут ему объестся. До того как подали кушать, товарищи сказали по-русски Азаду, чтобы он удерживал своего маленького тезку, если тот будет слишком много есть.

Буфетчица, поставив поднос перед мальчиком, радушно сказала:

— Пожалуйста, кушай, сынок, на здоровье.

Маленький Азад не знал слов, сказанных ею, но очень хорошо уловил их смысл. Он смотрел на все эти яства, которых даже и во сне не видел, и у изголодавшегося мальчика потекли слюнки. Но крепко сжав рот, он проглотил слюну и опустил голову, не дотронувшись до еды.

— Кушай, Азад, это все для тебя, — сказал ему тезка.

Глаза маленького Азада наполнились слезами и он с грустью взглянул на молодого моряка. Тот решил, что он стесняется, взял сочную грушу и сказал:

— Смотри, Азад, я тоже ем... Почему же ты не кушаешь, разве не голоден?

Мальчик уже не мог больше бороться с желанием. Он смахнул слезы и тихо произнес:

— Голоден я, брат мой, но дома у меня остались мать и сестры, они тоже голодны.

— Ты и им понесешь, Азад! Это все для тебя. Мы и еще дадим тебе...

Они начали есть. Маленький Азад не набросился с жадностью на еду, как все того ожидали. Он, взяв ломтик хлеба и кусок сыра, начал есть, откусывая понемногу, словно у него не было аппетита.

Вдруг он взглянул на пристань и застыл на месте. Кусок застрял у него в горле. Мальчик вскочил, побежал вдоль палубы и, шмыгнув в раскрытый пустой хлебный шкаф, притворил за собой дверцы.

Азад удивленно обернулся, посмотрел на пристань. Там проходил полицейский, внимательно оглядывавший все вокруг.

Юноша подошел к шкафу, открыл дверцу и увидел, что маленький Азад забился в угол.

— Ты зачем спрятался, Азад?

— Ажан¹ идет... Он арестует меня!

— Не бойся, братик, здесь никто не посмеет тронуть тебя! Идем кушать.

— Нет, я буду сидеть здесь. Лучше вы увезите меня с собой.

Молодые моряки собрались вокруг него. Они приняли эти слова Азада за шутку, но потом убедились, что тот и на самом деле не хочет выходить из шкафа. Он, всхлипывая, горячо просил их не прогонять его и увезти с собой.

Молодым морякам стало очень жаль его. Некоторые из них пошли к капитану и попросили у него разрешения взять маленького Азада с собой. Но капитан объяснил им, что никак не сможет выполнить их просьбу, так как не имеет права увезти мальчика на своем судне.

¹ А ж а н — полицейский.

Вернувшись, они передали старшему Азаду ответ капитана. Тот и так знал, что это невозможно. Еще до их возвращения он объяснил своему тезке:

— Ведь все знают, что ты находишься здесь. Надсмотрщик, полицейский — все видели. Если они узнают, что мы тебя увезли с собой, получится нехорошо...

— Тогда лучше я уйду. И все увидят, что я ушел. А потом в другом месте нырну в море и тайком взберусь на ваш корабль, и никто не увидит.

Азад, чтобы не обидеть маленького друга и добиться его согласия уйти с корабля, прибегнул к последнему средству.

— А как же твоя больная мать, твои маленькие сестры? Что с ними будет без тебя?

Мальчик ничего не ответил, только тяжело и глубоко вздохнул, потом вышел из шкафа и стал собираться домой — к матери и маленьким сестрам:

Морякам вовсе не хотелось расставаться с маленьким Азадом. Но это было неизбежно. Вскоре корабль должен был двинуться в путь.

Они собрали еду и одежду, которую приготовили в подарок мальчику. Все это составило два больших узла. Затем все по очереди распрощались с ним и проводили до баржи.

Капитан корабля и офицеры смотрели на них с палубы.

Баркас, приведший угольную баржу, дал гудок. Погрузка угля на американский пароход закончилась. Грузчики столпились на палубе баржи. Они увидели советских моряков на пристани и сперва ничего не поняли. Они не сразу узнали маленького Азада, одетого в чистую одежду и мало отличавшегося от советских моряков. И только когда он у трапа, ведущего на баржу, положил узлы и стал, обнимаясь, прощаться с новыми друзьями, несколько маленьких грузчиков — однолеток Азада — внимательно взглянули на него, удивленно и радостно воскликнули:

— Азад!

Наступила последняя минута. Тезки обнялись. Они так сильно прижались друг к другу, что, казалось, будто никогда не расстанутся.

И вот они, наконец, расстались. Маленький Азад плакал, тер глаза маленькими кулачками. Он пытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой, слезы текли по его щекам...

Приходилось ли вам когда-нибудь видеть, как с ясного неба падают крупные капли дождя? И слезы Азада сквозь улыбку походили на этот дождь, называемый в народе слепым.

Глаза молодого моряка были влажны...

И только ли у него? В глазах других молодых моряков и тех, кто стоял на палубе, в глазах доброй буфетчицы, врача и даже капитана стояли слезы. Но они не вытирали и не скрывали их...

Тезки расстались..

Один из них вместе со своими товарищами вернулся на светлую палубу «Утра». Другой скрылся в мрачной утробе угольной баржи, которую с воем, похожим на волчий, тянул баркас. Вскоре баржа исчезла в ночной темноте.

Азад сел у иллюминатора, вглядываясь в морскую даль. Но он ничего не видел. Перед его глазами вставали две жизни, две судьбы: его и его тезки.

Свободные дети свободной страны и несчастные Азады несчастной, угнетенной страны¹...

Бедный тезка! Что его ожидает? Завтра — опять голод, снова тяжелый подневольный труд, издевательства, палка надсмотрщика и... американская «помощь»...

В воде тускло отражалось мерцание звезд, и ему казалось, что это мерцают улыбающиеся, заплаканные глаза его маленького тезки. А потом в этих глазах сверкнули и ненависть и злоба... Нет, он не был одинок — сотни, тысячи, миллионы глаз сверкали ожесточенным... Это сверканье сливается в один луч и прорезает темноту. Алеет заря... Вот-вот взойдет солнце...

¹ Азад — свободный, вольный.

...Корабль приближается к солнечному берегу. Пристань украшена разноцветными флагами. Нарядно одетые люди с букетами встречают корабль. Радостные голоса братьев, сестер, друзей, товарищей, пришедших встречать вернувшихся, смешиваются со звуками музыки. Вот и Улькаяр здесь, она зовет:

— Азад! Азад! Азад!

Азад, протянув руки, хочет обнять ее..

Вдруг он услышал голос Коли:

— Что ты делаешь, Азад? Что тебе приснилось?

Не слышишь горна? Твоя вахта!

Азад, моргая глазами, сперва посмотрел на него, потом выглянул наружу: на самом деле — уже настало утро. Время идти на вахту.

Он быстро привел себя в порядок и поднялся наверх. Пройдя в рубку управления, принял вахту. Раздалась команда:

— Тихий вперед!

Азад, обернувшись, взглянул на порт, который они покидали. Этот порт с его минаретами, куполами, финиковыми пальмами, такой прекрасный вчера под покровом ночи, при обманчивом свете фонарей, теперь, в первых лучах восходящего солнца казался безжизненным и бесцветным.

Снова раздалась команда:

— Самый полный вперед!

СОДЕРЖАНИЕ

Гроза волков	3
Первый выстрел	35
Пустые страхи	43
Хороший товарищ	52
Предусмотрительность	66
Две пули	75
Огни зажглись	94
Сокол	103
Раненый голубь	117
Тезки	144

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Рзакулизаде Микаил Манаф оглы

ОГНИ ЗАЖГЛИСЬ

(Рассказы)

Редактор *И. Оратовский*
Художественный редактор *Ю. Агаев*
Технический редактор *В. Авадеева*
Корректор *Г. Лукомник*

Подписано к печати 9/VIII - 1957 г.
Формат бумаги 84×108¹/₂ — 2,56 = 8,4 печ. листа.
Уч.-изд. л. 8,6. ФГ 16139. Заказ № 330.
Тираж 20000. Цена 3 руб. 75 коп.
Детюниздат. Баку, ул. Фолетова, 8.

Типография
«Красный Восток» министерства культуры
Азербайджанской ССР
Баку, ул. Ази Асланова, 80

3 р. 75 к.